

ISSN 2336-2642

Paradigmata poznání

№ 4, 2014

ZAKLADATELÉ
Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a společenských věd

Šéfredaktorka – doc. Ilona G. Dorošina,
CSc. (kandidát věd v oboru psychologie),
Zástupce šéfredaktora – Umidjon R. Kušaeu
Ph.D., (kandidát věd v oboru filosofie)

Mezinárodní redakční rada

prof. **R. V. Abdullaev**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Taškent, Uzbekistán);
prof. **V. Boicov**, DrSc. (profesor v oboru informační systémy – Riga, Lotyšsko);
Ing. **F. Bušina**, Ph.D., MBA (doktor v oboru ekonomie – Kolín, Česká republika);
doc. **A. N. Vernigora**, CSc. (docent v oboru biologie – Penza, Rusko);
doc. **S. J. Devátých**, CSc. (docent v oboru psychologie – Vitebsk, Bělorusko);
B. Ivanovská, Ph.D. (doktor v oboru sociologie – Varšava, Polsko);
doc. PaedDr. **V. Hajkova**, (docent v oboru pedagogika – Praha, Česká republika);
doc. **M. Kamp**, PhD (doktor v oboru historie – Wyoming, USA);
PhDr. **E. Kašparová** (doktor v oboru sociologie – Praha, Česká republika);
prof. **N. G. Khayrulina**, Ph.D. (profesor v oboru sociologie – Tjumeň, Rusko);
doc. **L. Krejcová**, Ph.D. (docent v oboru psychologie – Praha, Česká republika);
prof. **P. N. Kobets**, Ph.D. (profesor v oboru právo – Moskva, Rusko);
prof. **A. V. Korotayev**, Ph.D. (profesor v oboru historie – Moskva, Rusko);
prof. PhDr. **J. Lid'ák**, CSc. (profesor v oboru mezinárodní vztahy – Kolín, Česká republika);
prof. **N. V. Mitjukov**, Ph.D. (profesor v oboru stavitelství – Iževsk, Rusko);
doc. PhDr. **M. Sapík**, Ph.D. (docent v oboru filosofie – Kolín, Česká republika);
T. Sigmund, Ph.D. (doktor v oboru filosofie – Praha, Česká republika);
M. Szuppe, PhD. (doktor v oboru historie – Ivry-sur-Seine, Francie);
prof. Ing. **J. Tancošová**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Bratislava, Slovensko);
RNDr. **P. Zamarovsky**, (doktor v oboru přírodní vědy – Praha, Česká republika).

Interdisciplinární vědecký časopis «Paradigmata poznání»
publikuje společensko-humanitární, technické a přírodní vědy.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2014.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2014.

ISSN 2336-2642

Paradigms of knowledge

№ 4, 2014

THE FOUNDER
The science publishing center
«Sociosphere-CZ»
Academia Rerum Civilium –
University of Political and Social Sciences

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor
Deputy editor – Umidjon R. Kushaev, Ph.D. (philosophy)

International editorial board

prof. **R. V. Abdullaev**, Ph.D. (Economics – Tashkent, Uzbekistan);
prof. **V. Boicov**, DrSc. (Information Systems – Riga, Latvia);
Ing. **F. Bushina**, Ph.D., MBA (Economics – Kolin, Czech Republic);
assistant professor **A. N. Vernigora**, Candidate of Biological Sciences (Penza, Russia);
assistant professor **S. Yu. Devyatych**, Candidate of Psychological Sciences, (Vitebsk, Belarus);
B. Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland);
assistant professor PaedDr. **V. Hajkova**, (Education – Prague, Czech Republic);
associate professor **M. Kamp**, PhD. (History – Wyoming, USA);
PhDr. **E. Kashparova**, (Sociology – Prague, Czech Republic);
prof. **N. G. Khayrullina**, Doctor of Sociological Sciences, (Tyumen, Russia);
assistant professor **L. Krejcova**, PhD. (Psychology – Prague, Czech Republic);
prof. **P. N. Kobets**, Doctor of Law, (Moscow, Russia);
prof. **A. V. Korotayev**, Doctor of History, (Moscow, Russia);
prof. PhDr. **J. Lidak**, CSc. (Political science – Kolin, Czech Republic);
prof. **N. V. Mityukov**, Doctor of Technical Sciences, (Izhevsk, Russia);
assistant professor PhDr. **M. Sapik**, Ph.D. (Philosophy – Kolin, Czech Republic);
T. Sigmund, PhD. (Philosophy – Prague, Czech Republic);
M. Szuppe, PhD. (History – Ivry-sur-Seine, France);
prof. Ing. **J. Tancosova**, Ph.D. (Economics – Bratislava, Slovakia);
RNDr. **P. Zamarovsky**, (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Interdisciplinary scientific journal «Paradigmata poznání»
publishes articles socio-humanitarian, technical and natural sciences.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2014.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2014.

FROM THE EDITORS.....	13
-----------------------	----

Teorie a analýza

EKONOMIKA

Legostayeva A. Value of the fixed capital replacement (renewal) in the economic cycles' theories	15
---	----

FILOZOFICKÉ VĚDY

Ивашкин И. Ф. Идея параллельных структур в системном развитии страны.....	21
---	----

FILOLOGICKÉ VĚDY

Кезина С. В. Системные отношения в диахроническом поле (к постановке проблемы)	29
--	----

PRÁVNÍ VĚDY

Кобец П. Н. Вопросы совершенствования административного законодательства Российской Федерации	33
--	----

PEDAGOGICKÉ VĚDY

Сафарова Р. Г. Развивающие стратегии процесса педагогического сотрудничества	36
--	----

SOCIÁLNÍ VĚDY

Garbat M. The structure of the Polish system of support for people with disabilities	41
Kulyasov I. P. Institutionalization of sustainable forest management in Russia	47
Тиханычев О. В., Тиханычева Е. О. Обобщённая модель влияния «пассионарного нагрева» на устойчивость социальных систем.....	58

Явон С. В. Феномен «Путешествие»: тезаурусный подход.....	63
---	----

POLITOLOGICKÉ VĚDY

Ниязова Н. М. Гендерные аспекты участия женщин в международном движении по охране окружающей среды	69
---	----

Empirický a aplikovaný výzkum

TECHNICKÉ VĚDY

Dushanov R. O., Togaev I. K. Gossipol resin – one of the component of asphaltic concrete mixture	80
Крючкова В. В., Скрипин П. В., Кокина Т. Ю. Исследование состава и свойств растительных ингредиентов и их влияние на качественные показатели кисломолочных напитков.....	83

EKONOMIKA

Сидоренко Ю. Ю. Концепция развития внебиржевого срочного рынка в интересах хеджирования	87
--	----

FILOLOGICKÉ VĚDY

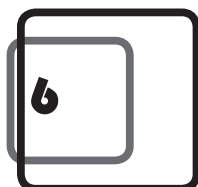
Урмонова Н. М. Переводы «Уложений Темура»	93
---	----

PRÁVNÍ VĚDY

Брыжинская Г. В., Курмаева Н. А. Психологические аспекты первичной беседы с клиентом при оказании ему бесплатной юридической помощи	96
--	----

PEDAGOGICKÉ VĚDY

Abuzalova M. K. Structural generality of Uzbek language clauses	99
Вавилина С. Г. Англоязычный PR-текст как компонент содержания обучения будущих журналистов профессионально ориентированному чтению	103

Махмудова Д. Б.	
Поддержка учащихся в процессе профессионального самоопределения	108
Мишутина О. В.	
Реализация компетентностной модели обучения иностранному языку на основе контекстного взаимодействия преподавателя и студентов.....	111
Сулаймонова Г.	
Международное сотрудничество в области образования – важное направление системы непрерывного образования Узбекистана	115

PSYCHOLOGICKÉ VĚDY

Ефимова И. В.	
Применение плейбек-театра в практике дородовой подготовки для активизации обратной связи в творческом общении.....	119

LÉKAŘSKÉ VĚDY

Крюков А. И., Кунельская Н. Л., Кирасирова Е. А., Пиминиди О. К., Лафуткина Н. В., Мамедов Р. Ф.	
Алгоритм ведения больных с двусторонним параличом гортани	122

SOCIÁLNÍ VĚDY

Абросимова Н. В.	
Молодёжь о фотографии	127
Hryhorenko L. V.	
Frequency of using drinking-water purifiers among peasants – inhabitants of the Dnepropetrovsk settlements	134
Корокошко Ю. В., Щанкина Т. В.	
Финно-угорские аспекты в политике брендинга региона	139

POLITOLOGICKÉ VĚDY

Рузиев Х. Д.	
Социально-экономическая обусловленность принципа сильного государства как инициатора и координатора реформ в Узбекистане	142

Recenze, hodnocení a komentáře

Гончаренко Н. В.	
Отзыв о кандидатской диссертации Ашихмановой Н. А. «Трансформация ценностей в индивидуально-авторской концептосфере (на материале произведений Джона Барта)», защищённой по специальности 10.02.19 – «Теория языка»	149

Akademický život

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Узбекистана, Украины и Чехии на Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага) в 2015 году	152
Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání»	164
Информация о журнале «Acta Humanitas»	173
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	175

CONTENTS

FROM THE EDITORS.....	13
-----------------------	----

Theory and Analysis

ECONOMICS

Legostayeva A.

Value of the fixed capital replacement (renewal) in the economic cycles' theories	15
---	----

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Ivashkin I. F.

The idea of parallel structures in the development system of the country	21
--	----

PHILOLOGICAL SCIENCES

Kezina S. V.

To the question of systemic relations in diachronic field (preliminary observations).....	29
---	----

JURIDICAL SCIENCES

Kobets P. N.

Issues of improvement of administrative legislation of the Russian Federation	33
---	----

PEDAGOGICAL SCIENCES

Safarova R. G.

Educational strategy process pedagogical cooperation.....	36
---	----

SOCIAL SCIENCES

Garbat M.

The structure of the Polish system of support for people with disabilities	41
--	----

Kulyasov I. P.

Institutionalization of sustainable forest management in Russia	47
---	----

Tikhanychev O. V., Tikhanycheva E. O.

Integrated model of influence of «passionary heating» to stability of social systems	58
--	----

Yavon S. V. Phenomenon «Journey»: thesaurus approach.....	63
---	----

POLITICAL SCIENCE

Niyazova N. M. Gender aspects of women's participation in international movement on environmental protection	69
---	----

Empirical and applied research

TECHNICAL SCIENCES

Dushanov R. O., Togaev I. K. Gossipol resin – one of the component of asphaltic concrete mixture	80
Kruchkova V. V., Skripin P. V., Kokina T. U. The study of the composition and properties of herbal ingredients and their impact on quality indicators of fermented milk drinks	83

ECONOMICS

Sidorenko Yu. Yu. The concept of development of the otc derivatives market in the interests of the hedging	87
---	----

PHILOLOGICAL SCIENCES

Urmonova N. M. The translations of «Temur's institutions»	93
---	----

JURIDICAL SCIENCES

Bryhinskaya G. V., Kurmaeva N. A. Psychological aspects of the initial conversation with the client when providing him with free legal aid.....	96
--	----

PEDAGOGICAL SCIENCES

Abuzalova M. K. Structural generality of Uzbek language clauses	99
Vavilina S. G. English PR-text as a component of teaching future journalists reading for specific purposes	103

Mahmudova D. B. Support students in the professional identity.....	108
Mishutina O. V. Realization of the competence model of learning the foreign language as a second language based on a contextual collaboration of teacher and students	111
Sulaymonova G. International cooperation in education – important direction of continuing education in Uzbekistan	115

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

Efimova I. V. Playback theater as a tool for activation a feedback in the creative communication in the practice of antenatal training	119
---	-----

MEDICAL SCIENCES

Kryukov A. I., Kunelskaya N. L., Kirasirova E. A., Piminidi O. K., Lafutkina N. V., Mammadov R. F. Algorithm for management of patients with bilateral laryngeal paralysis.....	122
---	-----

SOCIAL SCIENCES

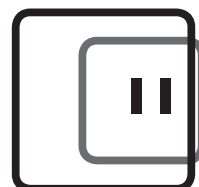
Abrosimova N. V. Youth and photography.....	127
Hryhorenko L. V. Frequency of using drinking-water purifiers among peasants – inhabitants of the Dnepropetrovsk settlements	134
Korokoshko U. V., Schankina T. V. Finno-Ugric aspects in the policy of branding region	139

POLITICAL SCIENCE

Ruziyev H. D. Socio-economic conditionality of the principle of a strong state as the initiator and coordinator of the reforms in Uzbekistan.....	142
--	-----

Reviews and comments

Goncharenko N. V. The review on the candidate dissertation of Ashikhmanova N. A. «Transformation of values in the individual author conceptual shpere (on the material of John Barth's novels)», protected by specialty 10.02.19 – «Language theory»	149
---	-----

Academic life

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Uzbekistan, Ukraine and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere-CZ» (Prague) in 2015	158
Information about the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»	167
Information about the journal «Acta Humanitas»	174
Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	176

Diversity is believed to be a necessary element of the life of nature and society. Different climates, special terrain, diverse flora and fauna and unique biogeocenose all make up a favourable natural condition for human life. They also contribute to the emergence and development of different races, nationalities, languages and religions which are unique cultural characteristics of people living in different parts of the globe. Some of them are very close to each other and share a number of remarkable features. However, it is sometimes difficult to detect general psychological proximity, cultural similarities and common outlook among certain cultures. In this sense, many people, groups and nations are often regarded as strangers to some and are looked upon with distrust and disbelief because of the lack of necessary knowledge and understanding. This case can be a negative factor in the production of the negative approach in the relationship of one to the other. In addition, the complexity of the interactions and relationships between people, nations and states lies in the fact that they have peculiar needs and interests that do not always correspond to the interests of others. A wide range of methods and techniques are used for their realisation which are, as the history of mankind shows, not always based on respect, equality and mutually beneficial cooperation. Presently, a large amount of statistics have been released, facts and figures are declared on various aspects of relationships among nations. However, they all support the view that tolerance is essential to peaceful coexistence of nations and countries across the world. As stated

in the Declaration of Principles of Tolerance, "Peace is not possible without tolerance, and democracy and development without peace".

From this perspective, strengthening the philosophical foundations of understanding the essence of tolerance is of great theoretical and practical significance. In the past decade, the specialists in humanities started to conduct fundamental and applied research works on the disclosure of different sides of this multifaceted phenomenon, as well as build and enrich the conceptual apparatus of the theory of tolerance. On this basis, we attempted to create an encyclopedia dedicated to codify existing principles, approaches, categories and concepts in the field of humanities.

Tolerance is, above all, a moral imperative. In this connection, a set of moral principles and terms related to the culture of tolerance were analyzed and included into the dictionary.

Such expressions as "the right to be different", "the Other and I," "the unity and diversity of cultures" are interpreted as the concept of philosophy of tolerance.

The dictionary contains about 600 words and phrases that represent various aspects of a complex, multifaceted phenomenon of tolerance and analyze both concepts, terms, categories, principles and approaches of the philosophy of tolerance. A particular attention is paid to the selection and description of words and concepts related to economic, political, social, and cultural spheres of society. In addition, the publication includes articles describing the features of tolerance at different levels of social interaction and relationships

of entities. The dictionary is intended for a wide audience.

The dictionary was published at Scientific Publishing Center "Sociosphere" (Russia), with the assistance and cooperation of the philosophical societies of Russia and Uzbekistan. First vice-president of the Russian Philosophical Society, Doctor of Philosophy, Professor Alexander Chumakov is a managing editor.

The dictionary has an interdisciplinary nature as theoretical and methodological principles, approaches, concepts and categories of philosophy, ethics, aesthetics, sociology, psychology, law, and other social and humanitarian disciplines were dealt with while drafting the dictionary. In particular, in the preparation of articles for the Dictionary, appropriate materials were referred to, including dictionaries and encyclopedias in the field of ethnic relations, philosophy, cultural studies, psychology, sociology and political science of social and humanitarian areas.

We are grateful to all the generous and tolerant people who supported the idea

of the dictionary and its publication. We express our special thanks to the responsible editor of the dictionary, the First Vice-President of the Russian Philosophical Society, Head of the Department of Philosophy of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor A. N. Chumakov for his valuable guidance and helpful advice. We are also grateful to K. S. Kamilov, PhD, associate professor of Tashkent Islamic University, for his close support in the development and publication of this book.

Of course, the dictionary does not claim to embody completely new and exhaustive content of the articles, as it is based on the results of scientific research in the social sciences and humanities. The authors are fully aware of the need to further continue the systematic analysis to an even higher level, and express high hopes that readers will not severely criticize the possibility of admitting shortcomings in the dictionary, and promise to fix them in the future when compiling the encyclopedia of tolerance.

I. G. Doroshina, U. R. Kushaev

UDC 330.142.211

VALUE OF THE FIXED CAPITAL REPLACEMENT (RENEWAL) IN THE ECONOMIC CYCLES' THEORIES

A. Legostayeva

*Candidate of Economic Sciences,
assistant professor,
Karaganda Economic University,
Karaganda, Kazakhstan*

Summary. The fluctuation of economic system is conditioned by the influence of internal factor – the term of the fixed capitals service. First of all, it brinks forward the investigation of the role of process of the fixed capitals compensation in the light of middle – and long terms theories of the economic cycles.

Keywords: fixed capital; theory of economic cycles.

The urgency of the capital replacement, which is the material prerequisite for the reproduction process at the industrial stage of social development in the conditions of the transition to a post-industrial stage, is still valuable.

On the contrary, informatization, intellectualization and environmental processes make new demands to the capital recovery. They are associated with the saturation of the production processes with qualitatively new elements of the capital that contribute to such growth rate of labor productivity, which provides long-term economic growth.

The objective necessity for the capital replacement (renewal) process serves as the material basis and condition for the reproduction process. Its development is uneven and it is reflected in the theories of the

economic cycles developed by A. Spiethoff, M. I. Tugan-Baraiovskiy, K. Marx, T. Veblen, W. Mitchell, J. M. Clark, J. Hicks. John Maynard Keynes, Joseph Schumpeter, N. D. Kondratyev and others.

It should be noted that the process of the theoretical doctrines of cyclic patterns personification in the social reproduction process development was contradictory.

Western economists have long been studying the economic system fluctuation as a subject of the economic cycle theory. The Soviet economists, as well as the foreign ones denied the existence of the crisis in socialism.

However, nowadays no one can dispute the economic system fluctuation, regardless of the prevailing political and economic system.

Economic science has a number of different theories that explain the causes of

the economic system fluctuations. For example, Paul Samuelson has identified the following business cycles theories:

- Monetary theory which explains the bank credit cycle of expansion (Hawtrey, etc.);
- The theory of innovation which explains the cycle as the use of important innovations in production (J. Schumpeter, E. Hansen)
- Psychological theory which treats the cycle as a result of pessimistic and optimistic mood waves covering population (A. Pigou, W. Bagehot, etc.);
- Underconsumption theory which explains the reason of cycles in the large share of rich and thrifty people's income, compared with what can be invested (Hobson, Foster, Catchings, etc.);
- Theory of excessive investment, whose supporters believe that the cause of the recession is rather excessive than underinvestment (Hayek, Mises, etc.);
- Theory of the sunspot-weather-crop (W. Jevons. Moore) [1, p. 244].

Most of the economists highlight the following types of business cycles with regard to the contemporary social reproduction:

- N. D. Kondratyev cycles or long wave cycles, lasting for 40–60 years: their main driving force is radical changes in the technological basis of social production;
- Kuznets cycles' duration is limited up to 20 years, driving forces are the changes in the reproductive structure of production, they are often called reproduction or construction cycles;
- Juglar cycles – intervals of 7–11 years, as the outcome of multiple monetary factors' interaction;
- Kitchin cycles, lasting for 3–5 years generated by the dynamics of the relative value of inventory stocks at the enterprises;
- Private business cycles covering the period from 1 year to 12 years which exist due to fluctuations in investment activity [2, p. 14].

The theories of medium-and long-term economic cycles are of the greatest interest within the aspect of the capital replace-

ment (renewal) problem. It is explained by the fact that the service life of the capital is one of the most important internal factors that give rise to cyclical fluctuations.

Thus, the existence of long-term business cycles is connected with the operation of the passive part of the equity capital and medium economic cycle – with its active part.

The first objective study of the social reproduction cycles' phenomenon can be found in K. Marx's works.

Explaining the cyclical nature of economic development Marx paid a special attention to the excessive development of the industry producing the means of production, in particular the means of labor relative to the industry producing objects of consumption. Marx considered medium (industrial) cycles from the position of overaccumulation theory.

In the contrast to his theory many schools denied the business cycles inevitability or proved the possibility of overcoming cyclicity as the phenomenon within the traditional market mechanism. However, the further development of the economic science influenced by J. M. Keynes has led to the fact that economists have recognized not only cyclicity, but also developed the study of the cyclicity reproductive process.

Modern theories of business cycles consider crisis not as a social "evil" but as a form of economic development. Fluctuations in business activity are evaluated as one of the conditions for economy renewal and growth.

Research made in the 20–30s of the last century are of great interest recently, especially the works of N. D. Kondratyev and Francois Semian, who came to the same conclusions as the N. D. Kondratyev, but several years later.

N. D. Kondratyev explored long business cycles on the material of the 20–30ies in his works "The problems of economic dynamics" and "The main problems of the statics and dynamics". According to his theory, the cycles' boundaries are rep-

resented as the joints of the old labor capacity exhaustion and the beginning of the construction and operation of the means of labor that can work on a new technical and technological, organizational and structural basis ensuring the creation of new wealth durables.

Subsequently, John Maynard Keynes in his book "General Theory of Employment, Interest and Money", repeats N. D. Kondratyev's ideas that the reason for business cycles is "... a certain dependence on the length of non-expendable property service, and on normal rate of growth in a given historic period" [3, p. 465].

Along with the N. D. Kondratyev's theory of long waves, the Austrian economist Schumpeter developed an innovative theory of long waves. A number of innovations of the theory were formulated by scientists back in the paper "Theory of Economic Development", published in 1911, long before N. D. Kondratyev's works.

Subsequently N. D. Kondratyev created his own long waves integrated theory based on the fact that the main driving force of the long-time period fluctuations is a wave-like dynamics of technical and technological innovations.

Furthermore, this theory differs because of specific interpretation of a number of issues, as it is based on the passing burst of business activity as a result of scientific and technological progress activity, so the definition of essential and long-wave pattern is based on the primacy of psychological factors.

The following phases are identified in the business cycles: growth, boom ("upward wave"), drop, slump ("downward wave").

The growth coincides with the moment when the accumulation reaches a state in which the cost-effective investment of capital to create new capital is possible. The growth is accompanied by complications provoking the reproduction mechanism destruction. The contradictions and distortions are accumulated in the social reproduction struc-

ture which lead to the economic crisis at a definite period of time.

The reproduction system should move to a new state further, and the slowdown of economic ("downward wave") causes increased exploration in the area of advanced technology and concentration of capital in financial-industrial groups. All this creates a new background and is repeated again at a new stage of productive forces development. According to N. D. Kondratyev's theory, new large economic cycle's growth beginning happened in the middle of the 40-s, and the next one- in the middle of the 90-s.

The potential of the economics as a science is constantly enriched and updated. There are new theories, for example, the theory of self-organizing economic system – self-regulation (synergy), the basis of which was laid by A. A. Bogdanov in the early twentieth century. It was he who made the first attempt to create a universal organizational science – tectology which was based on the idea of equilibrium: static and dynamic.

According to the postulates of the self-regulation theory a self-organizing economic system is able to modify its internal relations, order and organization. It depends on the factors of influence which do not exceed the critical limit. Otherwise, the system will cease its existence.

As a rule, self-organized economic systems are open system which can be defined as market economic systems. Market mechanisms form a network of feedback loops through existing market laws that make the whole system able to adapt. It depends on the influence of, for instance, supply and demand.

There are also partially closed economic systems, which tend towards equilibrium. The result is the transition of the economy to a depression, and then to chaos. In this aspect former Soviet Union's economy structure is the best example. The development stops in fully closed economic systems, such as an isolated tribe.

Modern scholars I. Prigozhin, I. Stengers, D. S. Chernyavsky, M. Golansky etc. developing a theory of organization created a general theory of development (evolution) using modern mathematical tools. The systems are considered in their historical development by identifying their evolution patterns and domestic sources development.

The theory of self-organization says that any system can only develop through crises passing through the so-called bifurcation points. According to the scientists the countries with developed market economies are going through the bifurcation points nowadays. The main products are information technologies which is innovative capital.

Nowadays the Republic of Kazakhstan's economy which has long belonged to partially closed economic system is transforming into a new open economic system. According to Kazakh economists, this difficult transition is complicated by the fact that the following events coincided in time:

- mid-term crisis and the downward wave of Kondratyev cycle;
- chaos from transition to postindustrial civilization from industrial one;
- the destruction of a single economic, technological and cultural space of the former USSR.

Today's realities put the necessity to restore the disturbed reproductive cycle at the forefront. It should be done through accelerated capital renewal at a new level.

But the problem of the fixed capital accelerated renewal in the period of market reforms in our country is complicated not only by the reasons mentioned above, but also by the fact that the crisis economic phenomena that occurred in our country do not fit into common theories of economic cycles.

The world experience of the economy fluctuation shows that when all the previous changes of the formations and even crises have led to fixed capital large-scale disposal and renewal. In the former USSR,

Kazakhstan in particular, such a phenomenon has never been observed.

In this regard, we agree with V. Loginov that "... our economy has fallen into a chaotic state not because it began a new reproductive cycle but due to the destruction of its manufacturing base", [4, p. 72].

It is known that every crisis is finite, and its completion requires the transition of the economic system to a new equilibrium state or its complete degradation and decay. We need a favorable scenario for Kazakhstan's economy further development, namely economic processes' stabilization and it is necessary to make all the efforts to achieve it.

In the last quarter of the XX century countries with developed market economies experienced a global economic crisis which was accompanied by technological, economic, social, political and spiritual crises. Since the mid-90s, there has been a transition to Kondratyev cycle's upward wave.

For Kazakhstan, as well as for other post-socialist countries, the potential for Kondratyev cycle's downward wave has not been used yet. In our opinion, one of the economic conditions which implement the existing potential for downward wave is an accelerated and innovative renewal of the fixed capital, particularly its active part.

Economists' views on the problem of choosing the way for fixed capital's renewal are contradictory. Some scientists believe that it is necessary to follow the evolutionary way ("gradualism") eventually "getting rid" of the out-of-date capital. The others, such as radical liberals, advocates of "shock therapy", consider that it is necessary to eliminate the disproportion of the reproductive structure as quickly as possible and work out physically worn and obsolete fixed capital. Some of them consider it to be one third volume of the fixed capital, the others consider it to be two thirds, making reference to the experience of the U. S., Japan, Britain and Germany's advanced economies.

Large-scale withdrawal of capital from the production process demonstrated the specific modalities and showed versatility of this process in countries with developed market economies during the energy crisis of the 70-80s of the last century.

Thus, in 1981 the process of full conversion or elimination of dozens of companies in automotive, textile and steel industry increased in the United States. Only from 1980 to 1985 250 textile enterprises were closed. From 1978 to 1987 700 plants, shops, sections were closed in the U. S. steel industry. Metalworking industries decreased to 25%. In the early 80-s the share of spending on modernization has increased to 70–80% of the total investment in fixed productive capital [5, p. 89].

Emergency laws have been adopted In Japan: in 1978 – “Special Emergency Law on structurally depressed industries”, in 1988 – “Temporary law for the restructuring of a number of industries” according to which the special state five-year programs were adopted. Large-scale capital outflow was carried out on their basis. 14 branches were covered by the program. Moreover, 213 manufacturing facilities were liquidated only in the aluminum industry which accounted for two thirds of all the equipment, including pre-installed in the last 3–5 years [6, p. 32; 7, p. 45].

A similar process also took place in the U. K., but it mostly occurred as modernization and mass introduction of energy-saving technologies. Modernization took place partly on the background of the “orderly winding out” and partly of the stagnant traditional industries “revival”. In parallel, formation and development in particular advanced high-tech industries was taking place [8, p. 56].

The subsequent economic development of these countries has proved these decisions’ success.

However, it should be noted that fixed capital large-scale replacement lasted for more than a year, and took about 8–10 years to carry out all activities for fixed

capital’s renewal. In addition, large-scale outflow of the old capital in technical and technological terms is justified only with sufficient investment resources, while ensuring compliance with the time of dismantling of worn out fixed capital including new elements of the fixed capital.

If this condition is not be observed, as a rule there are a series of negative effects, such as unemployment increase, increased budget burden due to no social assistance to the unemployed, industrial plants closure; some settlements’ stopped life. Germany has already had such an experience.

It is also necessary to take into account the fact that during a new post-industrial stage of social development cyclical fluctuations do not have a clear line as during the industrial stage, the cycle boundaries are increasingly blurred. Fluctuations duration mostly depends on moral rather than physical deterioration of the main elements of the fixed capital. In the conditions when the role of the intellectual labor increases, the loss of capital’s important properties to generate income is determined by its moral obsolescence, i. e. cyclic fluctuations take place. Overproduction of goods and services in the absence of effective demand is no longer a constraint. It is the depreciation of the dominant elements of the fixed capital on the existing basis of innovation.

In the context of the foregoing it is appropriate to recall the missive of the President N. A. Nazarbayev “Kazakhstan – 2030”, which states that in order to achieve economic reforms success it is necessary to rethink the role of the government in the economy of the Republic of Kazakhstan.

The missive says: “The state must itself be a guarantee for free economy. Its task is to establish market rules and then enforce them” [9].

Therefore in order to avoid the negative consequences which have already taken place in the world, the process of the fixed capital renewal will have the greatest effect on the optimal combination

of market-based instruments with active organizational impact of the state. When the elements of the updated fixed capital begin to operate and competitive products generate revenue, economic system will enter economic growth from the state of decline.

It is rather difficult to identify specific time frames for fixed capital renewal.

It is necessary to solve this problem from a position of a particular industry and in some cases from a position of a particular company.

This is due to the fact that the transition to a qualitatively new state of our country is accompanied by a number of problems. The reason is that the borderline cases and mechanisms of transition to new economic system of the Republic of Kazakhstan have been studied insufficiently.

In contrast to the earlier stages of development, the Republic of Kazakhstan's economy is facing limited growth of factors of production expansion: labor force growth, investment, fixed capital, energy, etc. None of the existing economic cycles' theories is not be able to answer all the questions because they are not universal. Each historical period brings numerous amendments and adjustments in various theories and social economic development concepts.

However, economic cycles' theories and their postulates can help in studying and predicting the general patterns of the society's socio-economic development.

Bibliography

1. Samuelson P. Economics. – M : SPA "Algon" VIINSI "Engineering", 1994. in 2 volumes, Volume 1. – 333 p.
2. Lobanov E. M. Prediction of recurrence based on economic growth cycling // Economics. – 1991. – 13–17 p.
3. Keynes, John Maynard. Selected Works. – M., 1993.
4. Loginov V., Majewski V., Mozhayskova I. Proportions of reproduction and economic growth // Problems of Economics. – 1998. – № 11. – P. 70–75.
5. Bezrukov V., Matrosov E. Structural changes in the industry // The Economist. – 1997. – № 2. – P. 88–93.
6. Nochevkina L. Structural reforms and investment policies in countries with market economies, Ch. // Problems of Economics. – 1991. – № 8. – P. 31–35.
7. Ashimbaeva A. T. Economic structure: pattern formation, development trends and priorities. – Almaty: Dyke Press, 2000. – 329 p.
8. Rassadina A. K. Struktural changes in the developed economies of the West (in the example of Great Britain) // Vestnik Moscow University. Economics. – 2000. – № 2. – P. 40–56.
9. Nazarbayev N. A. Kazakhstan: strategy – 2030. – Almaty : Bilim, 1998.

© Legostayeva A., 2014

Filozofické vědy

УДК 101.1:338.24

ИДЕЯ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ СТРУКТУР В СИСТЕМНОМ РАЗВИТИИ СТРАНЫ

И. Ф. Ивашкин

*Кандидат философских наук, доцент,
Вологодская молочнохозяйственная
академия им. Н. В. Верещагина,
г. Вологда, Россия*

THE IDEA OF PARALLEL STRUCTURES IN THE DEVELOPMENT SYSTEM OF THE COUNTRY

I. F. Ivashkin

*Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Vologda Dairy Farming Academy
by the name N. V. Vereshchagin,
Vologda, Russia*

Summary. In the article is explained the process of the country development as a complete transition from one level of functioning to the other. The transition is provided by creating parallel structures based on the game-models as the means of modern methodological culture. Parallel structures function as anticipation of the future, that it makes more adequate decisions on the management processes of the country.

Keywords: country; the development of parallel structures; game-models; anticipa.

Актуальность анализа понятия развития и близких к нему понятий определяется тем, что в эпоху рыночной экономики и быстрых перемен мы встречаемся с появлением большого количества работ, связанных с исследованием развития в самых различных конкретных областях. Но чаще всего эти работы не опираются на методологические основания, и развитие начинает склеиваться с другими понятиями, ростом, количественными изменениями, совершенствованием и т. д.

Основная идея статьи заключается в том, что как исследовательская мысль должна развиваться параллельно, протекая на разных уровнях абстрактности, так и развитие страны и её элементов должно протекать параллельно и по уровням.

Цель статьи – обосновать идею параллелизма в процессах развития страны, опираясь на основания современной методологической культуры.

В 60–80-х годах в советской философской литературе проблеме развития уделялось довольно много внимания. Обсуждались такие вопросы, как проблема всеобщности или особенности развития, проблема критериев развития или прогресса, проблема закономерностей развития, соотношение понятий движения и развития, изменения и развития и т. д. Причём, всегда имелось в виду, что развитие либо происходит, либо не происходит в самом объективном мире, а развитие субъективной реальности считалось производным от объективной реальности.

Но, как пишут А. М. Миклин и В. А. Подольский в работе «Категория развития в марксистской диалектике», этим работам не хватает глубины, слабо исследованы сущность, механизм, содержание качественных переходов и др. [6, с. 6]. Вопросы развития авторы разбирают на основе биологического материала [6, с. 8] и следуют традиции, разбирая понятия движения, изменения, прогресса и регресса и др. [6, с. 109–127]. Что же касается соотношения функционирования и развития, то авторы дальше постановки проблемы в самом общем виде пока не пошли [6, с. 117]. Гораздо реже рассматривалось соотношение понятий развития и становления. Можно назвать работу Г. М. Елфимова «Возникновение нового: Философский очерк», где вопросы становления рассматриваются специально. Развитие же он связывает с качественными изменениями [4, с. 94].

Ряд авторов для раскрытия понятия «развитие» использовали понятие системы. Например, Е. Ф. Солопов в работе «Движение и развитие», хотя и анализирует понятие системы, но связывает его в основном с движением [7, с. 95–120]. Отрицательно сказывался догматизм в философии, когда новый мыслитель начинал машинально повторять то, что признано в качестве непреложной истины и тем самым тормозил развитие своей мысли. Хотя в ряде случаев можно найти и весьма продуктивные высказывания. Например, в Философской энциклопедии в статье «Становление» говорится, что это **процесс**, главная черта которого состоит в том, что существование явления уже началось, но ещё не приобрело завершённой формы [8, с. 126]. А если оформленности ещё нет, то есть активность морфологии или содержания.

Что касается соотношения понятий развития и совершенствования, развития и формирования, то эти вопросы почти не анализировались. Сегодня же

появляется много работ, которые рассматривают развитие конкретных явлений, не опираясь при этом на общеполитические разработки, поскольку в исследованиях на первый план вышла онтология, а вопросы диалектики отошли на периферию. Это приводит к тому, что понятия «развитие», «рост», «совершенствование», «формирование» начинают склеиваться, теряют свою методологическую функцию и создают информационную путаницу. Например, западная концепция устойчивого развития проникла в нашу страну сразу на конкретном уровне и фактически означает изменение и рост экономики страны. В период информационного взрыва массовое сознание чаще всего формируется не просветительской деятельностью учёных, а средствами массовой информации.

Более глубокий анализ понятия развития можно встретить в современной методологии в версии Г. П. Щедровицкого и О. С. Анисимова. В работе О. С. Анисимова «Организационные онтологии и анализ систем деятельности (А. А. Богданов и современная методология)» говорится о разных **уровнях исследования развития**. Первый уровень – это непосредственное наблюдение и фиксация в текстах. Второй уровень – это концепции развития в разных областях. А дальше речь идёт о метасредствах анализа. В тексте говорится о том, что множество эмпирических наблюдений об одном и том же объекте приводит к противоречию. Концепция как обобщение преодолевает противоречие, но проигрывает в механизмичности по отношению к объекту наблюдения. Для снятия этого затруднения нужно обратиться к конструированию, к созданию метасредства, чтобы можно было управлять развитием в какой-то конкретной ситуации [1, с. 132].

Например, функционирующая деятельность будет деградировать при встрече с затруднениями. Для того

чтобы деятельность развивалась и нужны метасредства, всеобщие критерии и мыслительная, проектировочная деятельность человека. Связано это с тем, что деятельность – это искусственное образование, и она сама по себе может либо функционировать, если ситуация не меняется, либо деградировать.

О. С. Анисимов вводит понятие «нечто» как всеобщую категорию, которую можно рассмотреть как единство формы и морфологии и как организованность, которая может переходить с уровня на уровень [1, с. 138].

В данном случае речь идёт о механизме, который организует процессы. Это несколько другой акцент. О. С. Анисимов рассматривает механизм как согласованность процессов внутри целостности, опирающаяся на специфику устройства нечего, создающая эффект границы между «внутренним» и «внешним» для нечего и сохраняющая эту границу при различных средовых воздействиях [1, с. 136–140]. Из этого высказывания следует, что механизм – это организованность, устроенная особым образом. Развитие предстаёт как переход от одной организованности к другой. Каждая организовать – это особый механизм функционирования, который может совершенствоваться и расти. Но чтобы появилась предпосылка к развитию, старая форма должна усложниться, а заполнение новой формы и есть процесс становления. Например, если деятельность организации привела к разъединению формы и морфологии, а новая форма не появилась, то организация перестаёт существовать или деградирует, упрощая свою форму.

В многочисленных работах о развитии сохранилась одна и та же мысль, что появление высшего есть отрицание низшего, но отрицание предполагает удержание положительного содержания. Именно такое отрицание связывалось с развитием [4, с. 150].

Что же касается организации процессов в самой стране, то преобладала идеология отрицания как разрушения и уничтожения «до основания», хотя Эжен Потье писал о мире насилия, но реально уничтожалось все, что не нравилось. Тем самым, отрицание в природе делилось на «зряшное» и «незряшное». Из зерна вырастает колос или зерно перемалывается в муку, сгорает или сохраняется и т. д. Природа уравнивала всякие отрицания, а раз так, то отрицать можно было все, что угодно: старый строй, старую науку, старое искусство, религию, философию и т. д. Какая разница? Ведь всё равно что-то остаётся? Зола тоже нужна. Поэтому уничтожать можно всё, ибо абсолютного уничтожения нет, а значит, что-то останется. Можно разрушить храм, а кирпичи использовать для постройки завода. Колокола можно пустить на переплавку, а из металла изготовить памятники политическим деятелям. Поэтому «зряшных отрицаний» нет. Все отрицания чем-то полезны, а значит, можно осуществить любое отрицание. Раз ничего не пропадает, то уничтожение даёт материал для создания нового и чем больше мы уничтожим, тем больше у нас будет материала. Чтобы построить новую страну, надо уничтожить старую, и чем меньше останется от старой страны, тем лучше. Главное, чтобы было как можно меньше помех для построения нового. Ведь когда автомобиль пришёл в негодность, то его пускают на переплавку. Так поступают с любой устаревшей технической конструкцией. Из старого автомобиля новый автомобиль не вырастает.

Все эти работы были естественным выводом из господствующей идеологической философии, т. е. философии, которая была лишь призраком разума, но к сущности разума никакого отношения не имела. Идея отрицания, которая содержалась во всех работах по проблеме развития, ничего плохого в себе

не содержит, но относится она к философии, а не к природе и не к самой жизни человека в стране. В философии же идея отрицания понимается совершенно иначе, то есть отрицание – это не отбрасывание и разрушение старого, а его сохранение и удержание как абсолютно необходимого для нового состояния духа.

Посмотрим на то, как у нас осуществлялось отрицание религии. Разрушались храмы, уничтожались священники, устранялось все то, что могло напоминать о религии. Религиозные книги уничтожались, а из обычных книг изымалось религиозное содержание. Но там, где на одном полюсе уничтожалось православие как более совершенная религия, на другом полюсе появлялись примитивные формы религии и проникали в политику, государство и во все элементы жизни страны. В светской жизни нельзя было без ущерба для себя проявляться в качестве религиозного человека. Но если, по мнению советских идеологов, можно отбросить один из этапов развития духа, то почему бы не отбросить и другие этапы, например, отбросить некоторые науки из этапа развития научного духа, что, собственно говоря, и делалось. Наконец, приходим к началу, к этапу чувственности, к этапу ощущений. Место расчищено и можно приступать к новому созиданию. Можно, минуя научный разум, вложить так называемый советский философский дух и сразу поднять человека на вершину духовного развития.

Итак, идея отрицания относится именно к сфере духа и характеризует ступени его развития как формы. Да, для перехода с одной ступени на другую необходимо отрицание предшествующей ступени. Разум отрицает рассудок, но не уничтожает его. Религия, отрицая искусство, не уничтожает его, а вбирает в себя, преобразует и через преобразованное искусство предстаёт для человека. Не религия или искусство что-то уничтожают. Это делают люди, не пони-

мая логики развития мира. Настоящая философия, находясь в границах разума, не будет утверждать о необходимости уничтожения рассудка и чувств.

Может ли человек, как органическое существо, уничтожить в себе и вокруг неорганическую природу и сохранить свою целостность? Здесь ответ очевиден. А вот в фазе духа он может убрать одну или две ступени, и, тем не менее, рассчитывать на то, что таким путём достигнет высот человеческого духа, благодаря марксистско-ленинской идеологии, которая сохранилась и сегодня и даже поддерживается некоторыми учреждениями.

Можно задать вопрос, а как быть теперь с самой идеологией. Ведь если это сфера духа, то она не может быть отброшена, разрушена. Иначе, чем же мы отличаемся от других? Мы также совершаем насилие в сфере духа. Специально разрушать и отбрасывать нет никакой необходимости. И дело не в термине «идеология», а в содержании, которым может быть наполнен этот термин.

Итак, в сфере духа каждая предшествующая ступень выступает как необходимая предпосылка для новой ступени, а это значит, чтобы двигаться по пути духовного развития, личность должна усваивать все предшествующие этапы. В данном случае абсолютное отрицание сплетается с абсолютным сохранением. Но, поскольку предшествующая ступень сохраняется как необходимость, то она не уничтожается, когда появляется новая форма духа, а сосуществует с ней. Поэтому параллельно с философией может существовать религия, искусство, нравственность, а каждая из них может ещё и развиваться или совершенствоваться внутри себя.

Именно через развитие духа мы должны постигать развитие природы и страны, а не наоборот. Если мы погружаемся в природу, в её непосредственность, то возвращаемся в сферу эмпирического рассудка, ибо развитый дух положитель-

но влияет на все предшествующие ступени, а это значит, что чувство человека высокой духовной культуры – это не чувство первобытного человека.

Как может выглядеть социокультурное развитие с позиций духа, с позиций философского разума? Развитие страны прямо связано с человеком как носителем духа. Если подходить к стране с позиций тотального отрицания старого, то отрицание это предполагает уничтожение человека либо духовно, либо физически. Поскольку уничтожается последняя форма развития страны, постольку должны быть уничтожены наиболее совершенные люди, как носители наиболее развитых форм духа. Обрезая предшествующую ступень, общество бессознательно отбрасывает себя далеко назад и особенно в сфере духовного. Человек сохраняет себе жизнь, если находится на низших уровнях развития духа, или если готов на духовное самоубийство. Жизнь таким людям сохраняется, но это будут самые непродуктивные люди в этом новом обществе, ибо с высот духовного развития такое общество будет внутри себя несовершенным и неспособным на саморазвитие в сфере духа. В таком обществе обязательно будет царить насилие, чтобы сохранялись хотя бы внешние формы существования.

Общество, в котором разрушаются наиболее совершенные формы духа, может быть объединено только на базе примитивной идеологии первобытной орды, когда личность исчезает, а бытие приобретает стадный характер, то есть люди погружаются в уровень чувственности и рассудка и не дотягивают до разума. Но поскольку человечество всё-таки прошло через искусство, религию, философию, то они сохраняются в такой стране, но как суррогаты. Например, на место естественной и развитой христианской религии приходит религия политическая, но на стадии язычества.

Поэтому идея, что социализм не вызревает в недрах старого общества, а возникает как бы из ничего путём тотального разрушения старого, эта идея исторически бесперспективна, если смотреть на дело через призму духа. Новая социокультурная структура должна вызреть в недрах старого и определённое время сосуществовать с ней параллельно. Сама жизнь упорно это доказывает. Например, подпольная экономика существовала и существует параллельно с официальной экономикой. Нельзя отделить материальное развитие страны от идеального, нельзя рассматривать только экономическое развитие и делать выводы по отношению ко всей стране. Развитие страны – это и развитие духа, а если мы тотально отбрасываем то, что создано прошлым периодом, то мы отбрасываем и дух страны в его высших проявлениях. Убивая дух, страна убивает в себе своё будущее и готовит очередную катастрофу. Поэтому дело не в том, как развивается страна, а в том, как осуществляется духовное саморазвитие страны. Вне духа нет ни человека, ни человеческого общества. И дело здесь не в том, что первичен дух или природа. Отделить одно от другого невозможно. Да и не надо этого делать. Хотя сторонники первичности материи именно это и хотят сделать, т. е. оторвать дух от природы и приобрести абсолютное право, чтобы судить природу и человека. Другое дело, что в плоскости чисто человеческого бытия дух действительно первичен. Но ведь любой здравомыслящий человек тогда должен быть идеалистом, а он и является идеалистом даже по К. Марксу. Достаточно спросить человека: следует ли руководствоваться разумом, или нет? Что должно быть в основании деятельности: доводы разума или чувственные восприятия? По материализму получается иначе. Но тогда и жизнь складывается иначе, страна оказывается в состоянии перманентного кризиса.

Мысль о параллельных структурах в социокультурном развитии позволяет представить развитие страны как изменение структуры и элементов. В наше время все беды относят на нашу систему и считают, что, пока система сохраняется, ничего изменить нельзя. Но что это за система? Страна ведь не состоит из абстрактной системы, а есть единство в многообразии. Основные элементы страны как целого – это культура, государство, производство, экономика и общество (социум). Если страна на определённом этапе существует как система, то она и воспроизводится как система, как целое, которое имеет свой механизм функционирования. Если же появляются внешние и внутренние факторы, которые угрожают функционированию страны, то должна родиться новая форма на базе духовной позиции, которая конкретизируется для страны как целого в стратегической норме, задающая перспективу развития страны на новом уровне.

О. С. Анисимов рассматривает это как перепарадигматизацию аналитической деятельности. Для успешного управления развитием страны мышление аналитика должно быть развитым рефлексивно и аналитик должен видеть страну в перспективе цивилизационной стратегии [3, с. 103–132]. И если мы обвиняем политическую систему, то её нельзя оторвать от других систем. Если начнём уничтожать политическую систему, то она потянет за собой все остальные. А что будет уничтожаться: старое или новое? Нового ещё нет, а старое есть предпосылка нового. Опять начнётся уничтожение развитых форм и опять будет очередная катастрофа.

Страна – это не просто система, а довольно сложная система, в которой один компонент тесно увязан с другим. Поэтому остаётся только одно – уничтожить страну в целом, но тогда

некому будет строить новую страну. Сказанное не исключает системного развития. Другое дело, как это будет происходить. Оптимальным способом развития страны является идея параллельных структур, когда новое возникает не в недрах старого как такового и не отрицает старого, а сосуществует рядом с ним. Старое же должно отмирать естественным путем, и может долго сохраняться, например, чисто символически. Всякое насильственное уничтожение старого оказывается неэффективным, так как по ходу дела могут уничтожиться и зародыши нового. Хотя, например, в сфере технического развития ситуация иная. Здесь техническая система на определённом этапе её функционирования уничтожается, хотя потенциал её функционирования ещё не исчерпан. Но и здесь в недрах мысли созревает новая конструкция, а когда создаётся реальный технический аппарат, то он заменяет старый, но не сразу, а постепенно.

Почему речь идёт о структурах? Дело в том, что социокультурное развитие предполагает создание каких-либо организаций, где действуют люди. А человек не существует в чистом виде. Он включён в самые разные отношения с другими людьми, находится в других организациях. Но если старая организация его не удовлетворяет, то он, сохраняя с ней связь, включается в создание новой организации. Пока новая организация находится в зародыше, он не может покинуть старую организацию по самым разным причинам. Постепенно новая структура разрастается и обретает социокультурное системное бытие. Но эта система должна выразить себя как компонент сложной системы в целом, т. е. должна войти с ней в самое тесное отношение, содействуя сохранению страны как целого. Такая возможность лежит и в самом реальном бытии социокультурной системы, когда один и тот же человек

может состоять в целом ряде организаций. Когда организация стареет, то её связи постепенно ослабляются, что и даёт возможность наиболее подвижным личностям вступать в новые отношения, создавать новую организацию. Дух, отрицая предшествующее состояние самым решительным образом, одновременно утверждает его вместе с новым состоянием духа как нечто совершенно необходимое для этого нового. Принцип развития духа и должен лежать в основании социо-культурного развития страны. Всякая иная позиция ведёт страну к краху.

Исходная духовная позиция стратега состоит в том, чтобы сохранять целостность страны, а на более конкретном уровне нужно переходить к всеобщим критериям культуры, которые, в свою очередь, конкретизируются в нормах организации, например, деятельности, которая не разрушается, а усложняется за счёт рефлексивной нормы, также взятой из культуры. Нормы более абстрактные, например, стратегия, конкретизируются в технологиях управления, а технология, как известно, даёт гарантированный результат, но для этого она должна базироваться на всеобщих концептуальных основаниях.

Переходя к конкретному уровню управления развитием страной, О. С. Анисимов проводит мысль, что такое управление должно осуществляться стратегически на базе современной методологии, а для этого нужно перепарадигматизировать аналитику, перевести её на уровень современной методологической культуры [3, с. 103].

Параллельные структуры создаются за счёт механизма игромоделирования [2, с. 235]. Человек может находиться одновременно в двух мирах. В мире обычной деятельности и в мире игромоделирования. Параллельное бытие репрезентативно будущее, делает его настоящим. Игромоделирова-

ние антиципирует будущее. Реального будущего ещё нет, но в игромодельной ситуации оно уже есть, будущее существует и может быть исследовано и оценено для принятия решений. Это будущее в настоящем можно исследовать и принимать решение либо о его внедрении, либо изменении и совершенствовании [5, с. 56]. Особенность игромоделирования, в отличие от математического или компьютерного моделирования, заключается в том, что моделируется бытие страны как целого с участием самих людей за счёт их способности к идентификации с будущим страны, зафиксированном в сценарии на основе современной методологической культуры [2, с. 227–231].

Например, после перестройки деятельности образования в России стали разрушаться, хотя многие из них жизненно необходимы и сегодня. Как можно сохранить любую деятельность? На всеобщей концептуальной основе, на базе методологической культуры организуется игромодельное бытие деятельности как антиципация будущего и анализ игромодельного бытия показывает, как данная функционирующая деятельность может сохраниться в будущем. И если обратиться к образованию, то для сохранения и развития образования нужно было использовать игромоделирование как антиципацию будущего, и тогда было бы видно, что надо реально предпринимать, а не механически внедрять западную двухуровневую конструкцию, которая для нас не является системно организованной. Если развитие на всеобщем плане рассматривается как переход от одного механизма функционирования на другой, более сложный, то именно такая модель и проигрывается. Тем самым создается модель страны как целого, которая существует параллельно с сегодняшней страной и показывает пути преобразования этой страны.

Библиографический список

1. Анисимов О. С. Организационные онтологии и анализ систем деятельности (А. А. Богданов и современная методология). – М., 2002. – 532 с.
2. Анисимов О. С. Игро моделирование. Игротехника. Развитие. – М., 2009. – 522 с.
3. Анисимов О. С. Аналитика: зов перепарадигматизации. – М.: ООО «Угрешская типография», 2014. – 363 с.
4. Елфимов Г. М. Возникновение нового: Философский очерк. – М.: Мысль, 1983. – 188 с.
5. Ивашкин И. Ф., Тищенко Д. М. Игро модельное прогнозирование последствий принятия управленческих решений. Экономика. Финансы. Образование: сборник докладов преподавателей и аспирантов ИПК госслужбы / сост. Н. И. Пошивайло. Вып. 1. – М.: ИПК госслужбы, 2006. – С. 54–58.
6. Миклин А. М., Подольский В. А. Категория развития в марксистской диалектике. – М.: Мысль, 1980. – 166 с.
7. Солопов Е. Ф. Движение и развитие. – М.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1974. – 128 с.
8. Философская энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. – М.: «Советская энциклопедия», 1970. – Т. 5. – 740 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Anisimov O. S. Organizacionnye ontologii i analiz sistem dejatel'nosti (A. A. Bogdanov i sovremennaja metodologija). – М., 2002. – 532 p.
2. Anisimov O. S. Igromodelirovanie. Igrrotehnika. Razvitie. – М., 2009. – 522 s.
3. Anisimov O. S. Analitika: zov pereparadigmatizacii. – М.: ООО «Ugreshskaja tipografija», 2014. – 363 s.
4. Elfimov G. M. Vozniknovenie novogo: Filosofskij ocherk. – М.: Mysl, 1983. – 188 s.
5. Ivashkin I. F., Tishhenko D. M. Igromodel'noe prognozirovanie posledstvij prinjatija upravlencheskih reshenij. Jekonomika. Finansy. Obrazovanie: sbornik dokladov prepodavatelej i aspirantov IPK gossluzhby / sost. N. I. Poshivajlo. Vyp. 1. – М.: IPK gossluzhby, 2006. – S. 54–58.
6. Miklin A. M., Podol'skij V. A. Kategorija razvitija v marksistskoj dialektike. – М.: Mysl, 1980. – 166 s.
7. Solopov E. F. Dvizhenie i razvitie. – М.: Izdvo «Nauka», Leningradskoe otdelenie, 1974. – 128 s.
8. Filosofskaja jenciklopedija / gl. red. F. V. Konstantinov. – М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1970. – Т. 5. – 740 p.

© Ивашкин И. Ф., 2014

Filologické vědy

УДК 81'373; 001.4

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ ПОЛЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

С. В. Кезина

*Доктор филологических наук, доцент,
Педагогический институт
им. В. Г. Белинского,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия*

TO THE QUESTION OF SYSTEMIC RELATIONS IN DIACHRONIC FIELD (PRELIMINARY OBSERVATIONS)

S. V. Kezina

*Doctor of Philological Sciences,
assistant professor,
Pedagogical Institute after V. G. Belinsky,
Penza State University, Penza, Russia*

Summary. The article is devoted to the comprehension of insufficiently studied systemic relations in the semantic field of diachronic type. Subsystems formed by polar synonymic and gender-aspect ties are investigated by the author. Systemic ties inside the word are of special interest.

Keywords: diachronic field; enantiosemy; synonymy; gender-aspect ties; historical sema.

В последние десятилетия усилился интерес к диахронической лингвистике как обладающей, по мнению Т. В. Гамкрелидзе, «бóльшей объяснительной силой по сравнению с сугубо синхронными теориями описательной таксономической грамматики, строящейся строго на основе эмпирической языковой данности» [2, с. 29]. Диахронический подход даёт верифицированные результаты при семасиологических разысканиях, поэтому в качестве системы для изучения истории значения всё чаще используется диахроническое поле. *Под семантическим полем диахронического типа мы понимаем класс слов, объединённых генетическими, словообразовательными, а также однородными или разнородными семан-*

тическими связями, и покрывающих собой определённую(-ые) область(-и) человеческого опыта (иначе – этимолого-словообразовательное гнездо). Внутри такого поля на основе семантических связей между его элементами (историческими семами, непрерывно выделяющимися в самостоятельные слова) формируются новые системы.

Новые семантические локусы в поле диахронического типа образуются элементами с противоположной семантикой, близкой семантикой и с семантикой, создающей отношения «род – вид».

Отношения противоположности выражены в явлении энантиосемии и ни у кого не вызывают сомнений. По этому вопросу наиболее полным до сих пор остаётся исследование В. Шерцля

«О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии)», где автор отмечает: «Хотя это важное явление в нашей науке уже давно известно, но до сих пор не разъяснено надлежащим образом» [5, с. 1]. Шерцль объяснял энантиосемию семантическими переходами: «Известно, что влиянием исторического развития языка значения многих слов существенно изменяются и нередко даже переходят в прямую противоположность» [6, с. 52]. Развитие полярных значений у одного и того же слова – закон, предполагающий *непрерывную генерацию полярных сем, которые эксплицитно или имплицитно присутствуют в семантической структуре слова и вероятно реализуются в процессе исторического развития*. Ср.: русск. диал. *галь* «смех» – дат. *galle* «вред, боль», чеш. стар. *krásník* «красавец» – болг. диал. *краснік* «старый, больной человек», блр. *благі* «плохой, милостивый», болг. диал. *чáрило* «красавец» – русск. диал. *чар* «о человеке, исхудавшем после болезни», исл. *karl* «старец» – др.-сев.-герм. *kerling* «старая женщина», др.-инд. «блеск, тень»; греч. *ιοχός* «тенистый» – готск. *skeinan* «светить, блестеть», рус. диал. *красный* «ласкательное, а иногда бранное слово», русск. диал. *жёлтая* (бран.) «противная ругань, не бравая», *жёлтенький* «полный трудностей, лишений» – нар. *жёлтенько* «приятно», рус. *белый* «цвета снега, молока, мела» – англ. *black* «чёрный» и др.

Элементы диахронического поля объединяются в группы и на основе сходства значений. Вероятно, учитывая разные срезы в эволюции диахронического поля, корректно говорить о внутрисловной и межсловной синонимии. На раннем этапе развития семантики слова оно развивает множество исторических сем, обозначающих однородные смыслы (например, цветовые оттенки), которые должны уточняться. Так об-

разуются полисемантемы внутри диахронического поля. Например, поиск предмета-эталона для красного цвета отражён в говорах русского языка: «Красен, как солнышко; как огонь, как алый цвет, как рудá (кровь), как свёкла, кирпич, как кровь, как клюква, как маков цвет» [3, II, с. 187]. Отсюда – гомогенная полисемантема, развитая в истории русского языка и отражённая в его диалектах: «Красный по цвету: рудой, алый, чермный, червлёный, кирпичный, малиновый, огневой и пр. разных оттенков и густоты» [3, II, с. 187]. Перед нами – внутрисловная синонимия как результат колебания исторических сем (они-то и образуют полисемантему). Колебание исторических сем вызвано поиском оптимальной исторической семы, наилучшим образом выражающей смысл. Отметим, что закреплённость значения за словом носит вероятностный характер: слова *белый, чёрный, красный, жёлтый* и подобные развили в истории русского языка абстрактные значения и являются доминантами в лексико-семантических группах соответствующего тона, а слова *сизый, бурый, сизый* и подобные не развили абстрактной семантики, сохраняют смешанную (промежуточную) – «серовато-сизый», «пепельно-серый» и т. д., но зато получили статус специальной лексики (входят в группу масте-обозначений).

Когда слова этимолого-словообразовательного гнезда получают в языке разное оформление и актуализируют конкретный оттенок цвета, в диахроническом поле образуются межсловные синонимы. Так, цветолексемы-когнаты *багряный* и *багровый* обозначают в русском языке разные оттенки красного цвета: русск. диал. *багряный* «червлёный же, но менее густой, алее, без синевы; это самый яркий, но и самый чистый красный» и *багровый* «червлёный, пурпуровый, самого яркого и густого красного цвета, но никак не

с огненным отливом, а с едва заметной просинью» [3, I, 36].

Внутри- и межсловная синонимия в диахроническом поле приобретает межъязыковой характер. Ср.: болг. *багрян* и *багрѣн* «тёмно-красный, багряный», сербохорв. *bagren* «пурпуровый», словен. *bagrn* «пурпурный, багряный», макед. *багри* «багрянить, румянить», сербохорв. *багрити* «красить в красный цвет; румянить», словен. *bagriti* «красить в пурпурный цвет».

Развитие диахронического поля – словообразовательного гнезда происходит за счёт расширения значения, являющегося конститутивным принципом семантической эволюции. Как показывают материалы семантического анализа цветоименований, к начальному значению – этимону – последовательно добавлялись новые значения. Данные науки с большой степенью вероятности представляют последовательность исторических сем. Вот как выглядит последовательность (временная) включения хроматических сем в семантический объём слова по схеме Б. Берлина и П. Кея: белый и чёрный + красный + зелёный и жёлтый + синий + коричневый + розовый, голубой, серый, оранжевый и фиолетовый [1]. Мы считаем, что в этой схеме, как и в схемах подобного типа других авторов, не достаёт самой ранней собственно хроматической семы, предшествующей семе «красный» и обнаруженной во всех языках – семы «пёстрый, цветной, разноцветный». Ср.: рус. диал. *багрянный* «пёстрый, полосатый», польск. *krasy* «пёстрый, разноцветный», болг. *шáрен* «пёстрый, разноцветный», словц. *rusy* «пёстрый, пятнистый» и т. д. А. А. Потебня писал об этом «удивительном и непостижимом», по его мнению, явлении следующее: «Следя за словом по всем ступеням его развития до его исходной точки, в конце или, лучше сказать, в начале мы встречаем лишь корни совершенно

общего значения...» [4, с. 33–34]. Первоначальное значение «цветной» становится родовым по отношению к последующим историческим значениям. Ср.: в истории русского языка – *багрянный* «пёстрый, полосатый» и *багрянный* «червлёный», «чисто-бурый, кофейный» (о гончей собаке) и «бурый» (об овцах). Здесь внутрисловная гиперогипонимия. Разнооформленные исторические семы могут образовывать в современных языках межсловную гиперогипонимию: например, лексемы *жёлтый* и *золотой* находятся в родовых отношениях.

Гетерогенные значения, генерированные в диахроническом поле, создают условия для межъязыковой омонимии. Ср.: хорв. диал. *голуба* (о корове) «серая», босн. диал. *голуба* (о корове) «белая», укр.-блр. диал. *голубá* (о корове) «красная с белыми пятнами»; чеш. морав. *červený* «русый», болг. *червѣн* «красный», болг. *червенокос* «рыжий». Межъязыковая омонимия является результатом распада исторической многозначности.

Предварительные выводы:

1. В диахроническом поле вновь генерированные семы вступают с уже имеющимися в семантические связи.
2. В ходе эволюции поля эти семантические связи непрерывно трансформируются (на базе внутрисловной синонимии развивается гиперогипонимия и т. д.).
3. Внутрисловные семантические связи имеют тенденцию изменяться в межсловные как внутри языка, так и на межъязыковом уровне.

Библиографический список

1. Berlin B., Kay P. Basic color terms, their universality and evolution. – Berkeley; Los Angeles, 1969. – 177 p.
2. Гамкрелидзе Т. В. Праязыковая реконструкция и предпосылки сравнительно-генетического языкознания // Вопросы языкознания. – 1998. – № 4. – С. 29–34.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Рус. яз., 2000. – Т. 1–4.
 4. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – М.: ГУПИ Мин-ва просвещения РСФСР, 1958. – Т. I–II. – 536 с.
 5. Шерцль В. Н. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Филологические записки. – 1883. – Вып. 5–6. – С. 1–39.
 6. Шерцль В. Н. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Филологические записки. – 1884. – Вып. 1. – С. 4–84.
 2. Gamkrelidze T. V. Prajazykovaja rekonstrukcija i predposylki sravnitel'no-geneticheskogo jazykoznanija // Voprosy jazykoznanija. – 1998. – № 4. – С. 29–34.
 3. Dal V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. V 4 t. – М.: Rus. jaz., 2000. – Т. 1–4.
 4. Potebnja A. A. Iz zapisok po russkoj grammatike. – Moskva: GUPI Min-va prosveshhenija RSFSR, 1958. – Т. I–II. – 536 s.
 5. Shercl V. N. O slovah s protivopolozhnymi znachenijami (ili o tak nazyvaemoj jenantioseмии) // Filologicheskie zapiski. – 1883. – Vyp. 5–6. – S. 1–39.
 6. Shercl V. N. O slovah s protivopolozhnymi znachenijami (ili o tak nazyvaemoj jenantioseмии) // Filologicheskie zapiski. – 1884. – Vyp. 1. – S. 4–84.
- Bibliograficheskij spisok**
1. Berlin B., Kay P. Basic color terms, their universality and evolution. – Berkelay; Los Angeles, 1969. – 177 p.

© Кезина С. В., 2014

Právní vědy

УДК 343.851

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

П. Н. Кобец

*Доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России,
г. Москва, Россия*

ISSUES OF IMPROVEMENT OF ADMINISTRATIVE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

P. N. Kobets

*Doctor of Law, professor,
National research institute
of Russia ministry of the interior,
Moscow, Russia*

Summary. One of the most important principles of administrative law is the priority of personality and its interests in society. Legislation on administrative infringement is intended to be an important guarantee of the protection of rights and freedoms of man and citizen. The objectives of the Code of administrative offences shall also include the protection of public morals, the protection of the environment, the established procedure of the state authorities, public order and public security, property, protection of legal economic interests of physical and juridical persons, the society and the state against administrative violations and the prevention of administrative offences.

Keywords: administrative law; the Constitution; law.

Со дня вступления в действие Кодекса РФ об административных правонарушениях прошло тринадцать лет. Это период, достаточный для подведения определённых итогов и оценки эффективности норм указанного Кодекса. Лучшим критерием, естественно, является практика. Анализ практики применения норм КоАП РФ, определяющих общие, принципиальные позиции законодателя в сфере административной ответственности, а также его Особенная часть и процессуальный раздел позволяют уже сейчас сделать определённые выводы. С учётом норм Конституции РФ в КоАП РФ определены задачи законодательства об административной от-

ветственности, закреплены демократические принципы рассмотрения дел об административных правонарушениях, в том числе презумпция невиновности, открытое рассмотрение дел об административных правонарушениях, право на судебное обжалование всех постановлений по указанным делам [7, с. 8].

Вместе с тем, практика применения норм КоАП РФ выявила немало недостатков и пробелов этого акта, во многих случаях затрудняющих эффективное действие положений Кодекса. В нормах КоАП РФ, определяющих принципы применения административных наказаний, их виды, компетенцию субъектов административной юрисдикции,

можно отметить некоторые погрешности, в связи с чем требуются корректировка самих норм и совершенствование практики их применения [1, с. 22].

Необходимо соотнести размер штрафов за неоднократные или повторные нарушения установленных правил, имея в виду однородные правонарушения [2, с. 46]. Учитывая пограничный характер ряда административных правонарушений и преступлений, а также тяжесть отдельных административных правонарушений, необходимо усилить административную ответственность за нарушение антимонопольного законодательства, законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, за нарушения, связанные с нанесением вреда здоровью граждан, за мелкое хищение чужой собственности, за нарушение Правил дорожного движения. Правонарушения в сфере дорожного движения представляют собой серьёзную опасность, они причиняют существенный вред здоровью и жизни людей, наносят значительный материальный ущерб. В связи с этим представляется обоснованным усиление административной ответственности за многие виды правонарушений в этой сфере. В законодательном определении административного правонарушения отсутствует признак общественной опасности, что является недостатком КоАП РФ. Общественная опасность – материальный признак, характеризующий и преступления, и административные правонарушения. Он не является исключительной чертой преступления. Существуют иные опасные для личности, общества и государства деяния, не признаваемые преступлениями, например, административные правонарушения. В уточнении нуждается и понятие малозначительного деяния [3, с. 47].

По УК РФ малозначительность деяния означает отсутствие его обще-

ственной опасности и непризнание этого деяния преступлением [5, с. 26]. Однако малозначительность с точки зрения уголовного права в некоторых случаях может не означать отсутствие общественной опасности с точки зрения административного права. Малозначительное деяние может содержать признаки административного правонарушения, например, мелкое хищение, мелкое хулиганство, и др. Из-за неточности критериев малозначительности и расширения практики применения КоАП РФ в судебной практике понятие «малозначительное деяние» практически не применяется [4, с. 15].

Рассуждая об административной ответственности юридических лиц, следует отметить, что разбросанность нормативных актов, предусматривающих административную ответственность юридических лиц, понижает её роль в механизме борьбы с административными правонарушениями [6, с. 4]. В целях систематизации законодательства об административной ответственности юридических лиц и повышения эффективности его применения в практической деятельности правоприменительных органов назрела необходимость все федеральные законы и постановления правительства Российской Федерации, предусматривающие административную ответственность юридических лиц, сосредоточить в отдельной главе Кодекса об административных правонарушениях под названием «Административная ответственность юридических лиц».

Повышение эффективности реализации административной ответственности как средства защиты интересов в различных сферах общественной деятельности, а также применение органами государственной власти и должностными лицами административных наказаний за совершение административных правонарушений во многом

определяется состоянием научной разработки практических вопросов. В связи с чем исследование вопросов, связанных с содержанием административного правонарушения и совершенствования административной ответственности, имеет важное практическое значение.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2002.
2. Бахрак Д. Н. Административное право России: учеб. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010.
3. Кобец П. Н. Об актуальности противодействия отдельным видам преступлений путём предупреждения административных правонарушений // Административное право и процесс. – М., 2012. – № 1.
4. Колоколов Н. А. Проблемы применения КоАП РФ // Мировой судья. – 2006. – № 5.
5. Лозбяков В. П. Криминология и административная юрисдикция. – М., 1996.
6. Морозова Н. А. Административная ответственность юридических лиц. История, теория, практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
7. Стахов А. И. Административно-публичное обеспечение безопасности в Российской Федерации: монография. – М., 2006.

Bibliografickij spisok

1. Alekseev S. S. Voshozhdenie k pravu. Poiski i reshenija. – M., 2002.
2. Bahrak D. N. Administrativnoe pravo Ros-sii: ucheb. – 5-e izd., pererab. i dop. – M.: Jeksmo, 2010.
3. Kobec P. N. Ob aktual'nosti protivodejstvija ot-del'nym vidam prestuplenij putjom pred-u-prezhdenija administrativnyh pravonarush-enij // Administrativnoe pravo i process. – M., 2012. – № 1.
4. Kolokolov N. A. Problemy primenenija KoAP RF. Mirovoj sud'ja. – 2006. – № 5.
5. Lozbyakov V. P. Kriminologija i administrativ-na-ja jurisdikcija. – M., 1996.
6. Morozova N. A. Administrativnaja otvetstven-nost' juridicheskich lic. Istorija, teorija, praktika : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Ekaterinburg, 2004.
7. Stahov A. I. Administrativno-publichnoe obe-spechenie bezopasnosti v Rossijskoj Federacii: monografija. – M., 2006.

© Кобец П. Н., 2014

Pedagogické vědy

УДК 371.322.7

РАЗВИВАЮЩИЕ СТРАТЕГИИ ПРОЦЕССА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Р. Г. Сафарова

*Доктор педагогических наук, профессор,
Узбекский научно-исследовательский
институт педагогических наук
имени Т. Н. Кары-Ниязи,
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

EDUCATIONAL STRATEGY PROCESS PEDAGOGICAL COOPERATION

R. G. Safarova

*Doctor of Pedagogical Sciences, professor
Uzbek Research Institute Pedagogical
Sciences of T. N. Kary-Niyazi,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. This article deals with the nature of teaching strategies aimed at overcoming the contradictions in teacher collaboration, the definition of the main activities of teachers to deal effectively with problem situations. The central idea of the article is to reveal the value of humanistic principles in the organization of pedagogical cooperation, reliance on individual personal qualities and characteristics of participants in the educational process.

Keywords: pedagogical partnership strategy; pedagogical contradictions consent; relationships; problem situation; pedagogical thinking; humanistic principles; pedagogical support; prevention of disputes; the interests; needs.

Профессия педагога по своему содержанию и выполняемым функциям представляет собой очень напряжённый в эмоциональном отношении труд. Большинство учителей оценивают свою деятельность как действия, осуществляемые при большом эмоционально-интеллектуальном усилии, и такое состояние учителя испытывают постоянно.

Профессиональная деятельность учителя в то же время связана и с определённой физической нагрузкой. Всё это говорит о трудности и напряжённости педагогического труда, что в ряде случаев приводит к появлению противоречий в процессе сотрудничества.

В этой связи возникает острая необходимость в преодолении противоречий в подобных ситуациях. В противном случае, если противоречия не устраняются, появляются сложности в межличностных отношениях, общение и сотрудничество между субъектами образовательного процесса становится проблематичным.

Существуют различные точки зрения относительно применения поведенческой стратегии с целью координации и эффективного управления учебным процессом в каждом конкретном случае. Для этого учитель должен овладеть опытом глубокого и всестороннего анализа возникновения конфликтных си-

туаций. При их появлении участникам необходимо достигнуть взаимного согласия, искать возможные пути решения проблемы.

Стратегия – это искусство, план, приёмы достижения намеченных конкретных задач. Она даёт возможность частично предопределить перспективный результат. В «Толковом словаре узбекского языка» понятие «стратегия» характеризуется следующим образом: «Стратегия – от греческого слова *strategiā* – в значении «начинаю двигаться вперёд» (или «планирую на будущее»).

1. Искусство ведения военного сражения; общий план проведения военных операций.

2. Искусство руководства общественно-политической борьбой, а в целом – искусство правильного и перспективного планирования в управлении» [1, с. 573].

В педагогическом аспекте термин используется в значении «искусство эффективного управления учебным процессом».

В гуманистической педагогике учитель всегда проявляет себя как автор своей стратегии. Такая стратегия возникает не без основания. Мастерство в большинстве случаев обусловлено необходимостью отбора средств в соответствии с определёнными условиями. А для этого педагогу надо обладать широкими педагогическими знаниями и умениями их применять на практике, то есть, учитель должен быть знаком с творческим опытом, имеющимся в педагогике, анализировать и перерабатывать педагогические теории, строить свою деятельность на основе личностно-ориентированного подхода к учащимся и таким образом вырабатывать свою тактику по отношению к учебным материалам и учащимся.

Стратегия педагогического сотрудничества есть высшая форма педагогической деятельности учителя, ори-

ентированная на перспективу. Она свидетельствует о профессиональных навыках учителя методологического характера. Например, глубокое осмысление состояния процесса, понимание его сущности, восприятие явных и скрытых причин, установление связи между теорией и практикой, выявление цели процесса, анализ состояния с учётом конкретных учебно-воспитательных задач, определение условий и выбор средств педагогического сотрудничества.

Стратегия педагогического сотрудничества обеспечивает эффективность применяемых средств, помогает установить непосредственные отношения с учащимися в учебно-воспитательном процессе, направлена на повышение профессионального мастерства учителя и препятствует проявлению необдуманных действий в познавательных процессах.

Благодаря стратегии педагогического сотрудничества учителя оказывают скрытое положительное воздействие на сознание учащихся, используя педагогически целесообразные, понятные и эффективные средства. И хотя мыслительная деятельность на этом этапе явно не проявляется, но эмоциональные стороны личности в значительной степени активизированы. Поэтому задача учителей заключается в том, чтобы в педагогическом сотрудничестве как можно больше реализовать приёмы обогащения личностного сознания. Имеется в виду развитие критического, направленного, творческого, теоретико-аналитического сознания учителя.

Процесс педагогического творчества начинается с овладения учителем профессиональным мышлением. К нему относятся:

а) определение ценности педагогического влияния;

б) установление своего статуса в отношениях с учащимися;

в) понимание значимости диалога;
г) восприятие личностных особенностей учащихся [2, с. 46].

Такой подход поможет учителю в полной мере донести до учащихся сущность, содержание и направления обучения и воспитания.

Ведущее место в процессе педагогического сотрудничества занимает организация учителем самостоятельной деятельности учащихся, создание условий для развития навыков в самообразовании. С помощью стратегии сотрудничества учителя отбирают средства воздействия на сознание учащихся. Понятие стратегии «ближайшего развития» не закрепились в педагогике. С конца 90-х годов прошлого столетия в психологии и философии была избрана программа развития личности в течение длительного времени. «Стратегия личностного развития» в философии и психологии предусматривает длительный процесс самосовершенствования и самоутверждения личности. Определение жизненной стратегии, чёткое представление о ней, реализация планов на её основе обогащает личность умениями преодолевать трудности в воображаемых и реальных событиях.

Данные умения проявляются в свойствах личности, отличных от его характера и способностей. Благодаря стратегии создаются условия для осуществления деятельности человека. Внедрение данного подхода в педагогике придаёт гуманистическую направленность образовательным стратегиям, которые непосредственно связаны с личностью учителя и видами педагогической деятельности. Гуманистические стратегии образования являются программой профессиональной деятельности учителя, направленной на личность ученика.

С помощью стратегий сотрудничества становится возможным решение

ряда педагогических противоречий и задач. Например:

** на основе взаимного согласия:* развитие доверительных отношений сторон, поддержка друг друга в целях достижения общей пользы и положительных результатов;

** на основе взаимного сотрудничества:* совмещение личных интересов и интересов других участников процесса;

** в условиях отступления (ограничения) или выхода из сотрудничества:* выполняются действия, в минимальной степени учитывающие свои интересы и интересы других;

** на основе поддержки и согласованности:* осуществляется деятельность, направленная в первую очередь на удовлетворение потребностей товарищей по работе, а собственные интересы отодвигаются на второй план.

Педагогика преодоления противоречий тесным образом связана с взаимоотношениями двух сторон. И задача состоит не в том, чтобы одной из сторон обязательно добиться победы, а в том, чтобы найти пути взаимопонимания и налаживания отношений сторон. Необходимо использовать все средства, для того чтобы конфликтующие стороны поняли суть ценностей, важность сохранения отношений и нашли пути их укрепления. Для предотвращения разногласий важно, в первую очередь, наличие у участников определённых качеств, например, умение прощать друг друга, старание понять и выслушать других в качестве перспективной стратегии взаимного согласия и сотрудничества. Взаимное согласие непосредственно связано со вступлением в сотрудничество. От этого зависит полное или частичное решение поставленной проблемы. В таком процессе стороны полностью учитывают требования и интересы друг друга.

Стратегия данного метода предусматривает концентрацию и координацию потенциала отдельного ученика

или группы учащихся в проблемной ситуации. Педагог же в данном процессе должен принимать и эффективно направлять различные точки зрения. От взаимоотношений сторон зависит, насколько их позиции будут удовлетворены и получают нейтральную или положительную оценку. Без сомнения, данная стратегия способствует укреплению желания понять, чего хотят стороны, и установлению на основе этого устойчивых взаимоотношений.

Сотрудничество сторон основано на взаимных отношениях, но не обязанностях. *Основная цель стратегии* – объединение ради единой цели, совместное обсуждение путей решения проблемы [3, с. 28]. В процессе применения стратегии участники получают полное удовлетворение от достигнутых результатов. Кроме того, важно учесть, что у участников развиваются качества взаимного уважения, основанные на укреплении отношений и формировании общих интересов. Подобные стратегии можно применять во всех спорных и противоречивых ситуациях. Но они требуют много времени, так как в случае возникновения конфликта необходимо полностью проанализировать причины его появления, внешние и внутренние факторы, влияющие на поведение сторон, учитывать скрытые мотивы.

Договорённость и сотрудничество помогают успешно разрешить педагогические противоречия. С помощью этих методов можно устранить разногласия уже на первоначальном этапе. Для этого желательно привлечь всех учащихся к обсуждению спорной ситуации и найти решение, удовлетворяющее обе стороны. В некоторых случаях возникшая проблема не имеет принципиального значения для учащихся. В этих условиях используется обычная договорённость или «примиренческая» стратегия, которая имеет определённые преимущества [4, с. 103].

Стратегия «отстранённости» (отхода в сторону) используется при нежелании вступать в сотрудничество. Позиция нейтралитета часто наблюдается у людей, избегающих конфликтные ситуации. Здесь стороны, или одна из сторон, не имеют желания обсуждать какую-либо возникшую проблему и предпочитают не вмешиваться в конфликт. Положительной стороной такой стратегии является спокойное состояние участников педагогического процесса. В результате анализа своих позиций и возникающих противоречий они способны избежать конфликтов. Выбирая данную стратегию, надо учитывать, что серьёзных изменений в межличностных отношениях не происходит, но в итоге педагогические противоречия остаются неразрешёнными.

Согласие или договорённость имеет целью смягчить острую ситуацию, сохранить или возобновить мирные отношения между субъектами педагогического процесса. Педагогическая поддержка, принятие во внимание интересов и потребностей второй стороны помогают снять противоречия. Данная стратегия допускает, что одна из сторон признаёт свою вину или неправоту, или поднимает авторитет другой стороны. Стратегия также направлена на желание оказать поддержку конфликтующей стороне. В результате применения такой стратегии «противоборствующие» стороны получают взаимное удовлетворение.

В целом стратегии предотвращения педагогических конфликтов применяются в целях создания оптимальных условий для получателей образования и эффективного развития педагогического сотрудничества.

Процесс педагогического сотрудничества основан на развивающих стратегиях: стратегии взаимного согласия, стратегии сотрудничества, стратегии нейтралитета и стратегии

договорённости. Успех применяемых стратегий в определённой степени связан с реализацией гуманистических принципов в процессе сотрудничества. При этом требуется учитывать интересы, потребности, опорные ценности участников процесса сотрудничества.

Библиографический список

1. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. – Тошкент : «Ўзбекистон миллий энциклопедияси» Давлат илмий нашриёти, 2006.
2. Андреев В. И. Педагогика творческого саморазвития. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1996. – 568 с.
3. Игнатова В. А. Педагогические аспекты синергетики // Педагогика. – 2001. – № 8. – С. 26–31.

4. Соловьянюк С. Учебные затруднения как метод организации диагностики качества знаний учащихся // Педагогическая диагностика. – М., 2008.

Bibliograficheskiy spisok

1. Uzbek tilining izohli lugati. – Toshkent : «Uzbekiston milliy jenciklopedijasi» Davlat ilmiy nashrijoti, 2006.
2. Andreev V. I. Pedagogika tvorcheskogo samorazvitija. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1996. – 568 s.
3. Ignatova V. A. Pedagogicheskie aspekty sinergetiki // Pedagogika. – 2001. – № 8. – S. 26–31.
4. Solovjanjuk S. Uchebnye zatrudnenija kak metod organizacii diagnostiki kachestva znaniy uchashhihsja // Pedagogicheskaja diagnostika. – M., 2008.

© Сафарова Р. Г., 2014

Sociální vědy

UDC 364.04

THE STRUCTURE OF THE POLISH SYSTEM OF SUPPORT FOR PEOPLE WITH DISABILITIES

M. Garbat*Ph.D.,
University of Zielona Góra,
Zielona Góra, Poland*

Summary. System of the social security is particularly important tool in implementation of a social – economic policy. Its task is to provide benefits for the human individual to ensure safety in many different practical circumstances, e. g. threat or losses of health, fortuitous incidents, involuntary financial deterioration, loss of revenue, disability. Sense of security is regarded as one of basic human needs, as the essential human right. Polish system of the social security for persons with disabilities constitutes configuration of a few elements, collected around the entity i. e. the person with disabilities. Such a configuration explicitly determines the significance of individual elements and points its ancillary functions. These elements by virtue of performed functions have diverse tasks, entitlements and competence. Social security system of persons with disabilities includes: social insurance, health insurance (including medical care and medical rehabilitation), social rehabilitation, professional rehabilitation along with employment of persons with disabilities, social assistance. Each of mentioned components has its own specificity. Include more uniform and precise than the entire system, collection of incidents and situations creating circumstances as well as conditions to justify the claim or efforts of person with disabilities, directed to the institutions implementing benefits provided in their specific life situation.

Keywords: person with disability; social security system; work; barrier; employee.

Introduction

System of the social security is particularly important tool in implementation of a social – economic policy. Its task is to provide benefits for the human individual to ensure safety in many different practical circumstances, e. g. threat or losses of health, fortuitous incidents, involuntary financial deterioration, loss of revenue, disability. Sense of security is regarded as one of basic human needs, as the essential human right.

Social security system of persons with disabilities includes: social insurance, health insurance (including medical care and medical rehabilitation), social rehabilitation, professional rehabilitation along with employment of persons with disabilities, social assistance.

All the above components have their own specificities. Include more uniform and precise than the entire system, collection of incidents and situations creating circumstances as well as conditions to justify the claim or efforts of person with disabilities, directed to the institutions implementing benefits provided in their specific life situation. However, all components in spite of the generic diversity combine common objectives: it's to provide the sense of security understood as the singleness of state free from threats in many circumstances and life situations for people less efficient, as well as leveling chances of achieving full personal and professional development.

Social insurance

The social insurance assures a certain social security level by direct satisfying needs appearing in all different social groups and professional categories. It's connected with protection of man from the fortuitous incidents. These incidents are included in categories of risk, appearing during performing the paid work. Therefore this insurance includes the protection of employees due to illness or injury, temporary inability to work, reduced professional competence or permanent inability to work.

Disability, which limits or makes impossible to fulfill social roles and ability to perform professional work, correlates with the social insurance institution at the most. For persons with disabilities it has particular importance, because the loss of certain abilities is compensated by determined benefits.

Polish social insurance model is defined as the system of three pillars (three source of finances benefits), because pension and disability pension are composed of two or three components, from different sources.

The first pillar is a pension from the reformed system handled by the Social Insurance Institution (ZUS/FUZ). The second pillar is a pension from the capital system, created from the part of superannuation in a registered account of every person, which belongs to the fund. The third pillar is a pension from resources collected by the insured person or individually through purchase of pension insurance policy, or in employee retirement programs created by the employer [5].

Health insurance

Discussing the system of health insurance one should be aware that reduction of disability degree and enabling person with disabilities to perform social roles is the basic civil right of a human being. This right is being guaranteed by the Constitution.

The following purposes of health benefits are listed in the Act on common insurance with the National Health Fund – NFZ [4]: preservation of health as well as prevention of disease and injury, early detection of diseases, treatment, prevention of disability and its limitation [1, p. 305].

Implementation of benefits as part of this insurance in relation to persons with disabilities are supposed to serve the tasks, activities and medical procedures of different character, including medical, therapeutically – protective and rehabilitation. They are: medical examinations, clinical and hospital treatment as well as supply of medicines and medical materials. In case of persons with disabilities the scope of these procedures is widened to supply with the orthopedic objects, aids and healing technical means, palliative care as well as benefits in the area of teaching and upbringing. The most important is the treatment process and medical rehabilitation of these people.

Social rehabilitation

It is a strong case to exclude the social and professional rehabilitation as one of the social security subsystems for persons with disabilities. Firstly, this system is regulated by Act of professional and social rehabilitation as well as employment of persons with disabilities (the Act of the social assistance 2004, art. 24), therefore it has the legal basis. Secondly, this system is financed from extra-budgetary centers, from special created fund which is National Fund for Rehabilitation of Persons with Disabilities (PFRON). Thanks to that it is possible to implement the tasks from social and professional rehabilitation scope for persons with disabilities, within the part of social security system, not involving the budgetary resources.

The main entity responsible for tasks implementation from the scope of social rehabilitation is regional self-government, although some tasks are also assigned for municipal authorities, pro-

vincial and government administration. Programs of the social rehabilitation involve also unprofessional social forces.

Professional rehabilitation and employment of persons with disabilities

The professional rehabilitation is a form allowing the person with disabilities to bring back the active and creative life which as a result of illness or injury was lost or never possible due to in-born defects.

The following can be distinguished in the professional rehabilitation system: career consulting, determining the capacity to work, adaptation to work in protected conditions, supporting employers of persons with disabilities on the open labor market (financial assistance to adapt workstation, equipment in appropriate technical assistances) and self-employment support of persons with disabilities.

At present in Poland we have two ways of supporting employment of persons with disabilities: application of compulsory disabled persons employment indicator (so-called quota method), provision of grants and other benefits from public means to entities employing persons with disabilities [3, art. 25–27].

Social assistance

The aim of Social Assistance is to enable persons with disabilities and their families to overcome difficult situations, which they are not able overcome using their own means and possibilities [3, paragraph 1 and 2]. Therefore, it is addressed to these families of persons with disabilities which are in need, suffer from scarcity.

It is the local authorities that are obliged to provide the social assistance, the municipality and district in particular. Other levels of the self-government and government administration are guided by principle of subsidiarity, i. e. strictly interpret own tasks resulting

from the Act of social assistance. Therefore the tasks of social assistance are divided into those carried by municipality, district, provincial government, province governor and delegated to non-governmental organizations by the central and local government administration.

The basic funds which finance the social assistance come from municipal and district budgets. These budgets are assisted by the state budget, but only with tasks assigned by the state to self-government units.

The right to benefits is subject to fulfillment of two basic conditions: income criterion and appearance of circumstance justifying granting the social assistance. The disability itself is such a conditions, because it is connected with low incomes and spendings for rehabilitation purposes.

Financing of the system

Each system requires a financial supply. In the case of the social security system for people with disabilities, financing may come from various sources (such as the state budget, local government budget, PFRON, NFZ, FUZ or employers).

The financing of the social security system for people with disabilities from the state budget has a twofold nature. On the one hand it comes from additional funds for social security and employment of persons with disabilities, on the other hand, it is financed by the statutory allowances and omissions which are granted to employers of people with disabilities who give up their potential revenue.

Statutory reductions and omissions are an internal source of funding for the system. These include the omission of tax collection. External source of funding is a grant from the budget. The budget also pays health insurance premiums for unemployed people with disabilities and provide funding through the provincial administration to local governments (provincial, district and municipal) and non-governmental organizations. A significant

part of funds in the system are grants, subsidies and refunds from PFRON.

Broadly defined health care is paid for by contributions from citizens from all types of income. General formula assumes that the health insurance contribution is 7,75% of the base tax on individuals. This tax is collected by the tax authorities and discharged in the form of advances to the National Health Fund, which is the primary source of funding for medical services.

PFRON is the primary source of funding for employment and professional rehabilitation of persons with disabilities. It is supplied mainly from obligatory contributions from employers for not employing people with disabilities in an appropriate proportion (6%) and payments from supported employment enterprises. These funds are spent for subsidies to wages, the payment of social security contributions for people with disabilities doing business or involved in agriculture, loans for business or agriculture, or to contribute to the social cooperatives, creation of protected workplaces and other statutory tasks. The Fund has also targeted programs, for persons with disabilities and individuals engaged in social rehabilitation. It also funds medical and social rehabilitation of unemployed people with disabilities.

Local government is responsible for the financing of social rehabilitation and social assistance. The funds for this purpose are obtained from own revenues, grants from the state budget and PFRON. District family assistance centres and welfare centres perform tasks related to the liquidation of architectural barriers, urban planning and communication, as well as the organization of rehabilitation courses, occupational therapy workshops. Local government is also responsible for financing of social assistance.

Rehabilitation and support for people with disabilities is also financed from the Company Fund for Rehabilitation of Disabled Persons (ZFRON). This is an inter-

nal fund in companies with the status of protected plants. It is created with the resources of employers due to omission of collecting of taxes in the amount of 90% of those payments. A trustee of the fund is the employer.

However, it is important not to forget that PFRON funds are not the only ones that can be and should be used to support people with disabilities. Non-governmental organizations are doing well in this field and they are treated as reliable partners. All problems of the disabled cannot be solved centrally. Good partnership between central government, local government and NGOs can only bring desired results. Non-governmental organizations are best prepared to perform specific functions, and thus, for example, to conduct therapy workshops. The financing of these tasks comes mainly from the Fund, but more and more is gained by NGOs themselves. In 2006, non-governmental organizations have allocated 4,6 million PLN for professional activation of people with disabilities. It was rather symbolic amount. But one has to remember that many of the tasks were carried out in the form of volunteering, which is difficult to be evaluated in money terms. In 2011, one can see a great improvement in the financial situation of this sector – from donations and their own activities NGOs collected more than 30 million PLN, the sum that later was spent on supporting people with disabilities.

Among the key factors which reduce the labour supply of people with disabilities one can include: system of pensions and disability pensions and social assistance, which are often used as a substitute for early retirement. Benefits paid to the unemployed until they reach the standard retirement age are one of the examples of such type of social assistance. Economists point out that the amount and availability of all the benefits that can replace the income from work contribute significantly to the decline of labour activity of people

who are close to retirement age. The higher the transfers, and the sooner one can use them, the more people are choosing to leave the labour market before reaching the official retirement age.

The decision to continue or terminate the activity are also affected by demand factors, such as the state of economic activity and the associated volume of demand for labour. The better the prospects of economic development and expected increase of demand for labour in the future, the weaker stimuli do older people experience to an early exit from the labour market.

Tensions related to the financing of pensions are largely due to early exit of people from the labour market. People who receive pensions from the Social Insurance Fund, worked an average of 27,6 years (including men 29,2 years and women 24,4 years). Less than every fifth of pensioner has completed 40 or more years, and only one in ten more than 45 years. By comparison, more than one in ten pensioner worked for less than 25 years. Very little has changed in this respect, so far. The average length of service of people who have retired in 2010, was 35,3 years. Although the percentage of pensioners with a very short period of employment decreased, unfortunately the percentage of pensioners with normal or long period of employment decreased in the same way. Every second person who received the benefit in 2010 worked less than 25 years.

In 2010, the annual cost of public sector related to the payment of allowances to enable leaving the labour market before reaching standard retirement age and at the same time not resulting from poor health (i. e. without disability benefits for work) amounted to 28,3 billion PLN. This means that in 2010 the average burden of employed persons for the payment of these benefits amounted to 230 PLN per month (year 2614 PLN). For an employee who receives the average salary, the ad-

ditional burden amounted to 16 % of total non-wage labour costs.

Since the beginning of this decade, the annual cost of these retirement benefits stood at 2,1% GDP. Such amount consisted of early retirement from Social Security Fund (1,4–1,7% of GDP), and pre-retirement benefits (0,5–0,6%, early retirement of people in the area supervised by Ministry of Defence, Ministry of Interior and Ministry of Justice (0,4–0,5 % of GDP) and early retirement pensions from KRUS (0,0–0,1 % of GDP).

Conclusion

Financing of the social security system for persons with disabilities is exceptionally complicated in terms of financial source as well as legal – institutional regulations. Financial means, before they reach the persons with disabilities, go through many institutional levels: state budget, PFRON (National Fund for Rehabilitation of Persons with Disabilities), FUS (National Investment Fund) or ZUS (Social Insurance Institution), NFZ (National Health Fund), self-government budgets, district centers of the family assistance. In addition to that the system itself is very complicated having its source in the folded structure of entitlements and competence of many institutions as well as funds. Such shape of system causes its low legibility, problems with monitoring and controlling of expenses, and hence complicates rational action. It's a cause of developed bureaucracy and duplication of competence (e. g. granting loans for the business activity and orthopedic supply). Many financial means provided by PFRON to social assistance centers – instead for the rehabilitation – are used as part of the social assistance.

Social effect of this situation is loss of abilities of optimal support activities associated with actual needs of the person with disabilities in rehabilitation, among others because many people due

to complicated bureaucratic procedure give up participating in the system. This causes the lack of discernment as for actual needs and expectations of persons with disabilities in regard to the system (e. g. it isn't known, how many persons with disabilities needs support). It also leads to many negative stereotypes concerning the system failure and wasted public money.

Proper construction of the social security system causes that persons with disabilities bring something into the society, and is not regarded as the burden for it. Properly organized as well as conducted social and professional rehabilitation of persons with disabilities creates conditions for the economic self-dependence of these people. Achieving this they find appropriate place in the community and are regarded as its highly respect mem-

bers. Treatment, social work, prevention and these aimed to support persons with disabilities in recovery for independent functioning.

Bibliography

1. Jończyk J. Law of the social security. – Cracow : Zakamycze, 2003.
2. Act from 27 August 1997 about the professional and social rehabilitation as well as employment of persons with disabilities // Journal of Laws. – 1997 yr. – № 123, pos. 776 with changes.
3. Act from 13 March 2004, about the social assistance // Journal of Laws – 2004 yr. – № 64, pos. 593 with changes.
4. Act from 23 January 2003 about common insurance in the National Health Fund // Journal of Laws. – 2003 yr. – № 45, pos. 391.
5. Act from 17 December 1998 about the retirement and pensions from the Social Insurance Fund // Journal of Laws. – 1998 yr. – № 162, pos. 1118.

© Garbat M., 2014

UDC 316.334.2

**INSTITUTIONALIZATION OF SUSTAINABLE
FOREST MANAGEMENT IN RUSSIA****I. P. Kulyasov***Research associate,
Centre for Independent Social Research,
St. Petersburg, Russia*

Summary. The article analyzes the international promotion of sustainable forest management practices and their institutionalization in Russia. As an example voluntary forest certification by the Forest Stewardship Council (FSC) is selected. It has also examined the factors (barriers and incentives) of implementation of sustainable forest management in Russia. The author uses empirical copyright material, the concept of sustainable development and adaptive features of the theory of the beaten path and ecological modernization.

Keywords: institutionalization; sustainable forest governance; FSC.

Introduction

The concept of «sustainable forest management» is deeply rooted in forestry, both in Russia and in foreign countries. However, a modern interpretation of this concept came after the International Conference on Environment and Development in Rio de Janeiro in 1992. At that time, expert communities and civil society organizations have decided on the necessity of mankind's transition to sustainable development at the State level. The latter is understood as development, balanced in terms of ecology, economy and society; the harmonious development of society and nature, taking into account the interests of future generations; the regulation of the socio-economic development in opportunities of the restoration of the natural environment and assimilation; taking into consideration of the nature and adaptive capacity of local communities.

The concept of sustainable development was a response to firmly established in historical ideas about economic development, its factors, indicators and mechanisms that did not provide adequate solutions to the pressing issues of social development in the conditions of growing environmental problems. Currently, economic development cannot be considered without taking

into account the environmental realities. Environmental blessings are transmuting into a variety of economic benefits, and environmental needs become clear economic content. Opportunities of economic growth are closely interwoven with the problems of environmental restriction. At the same time powerful transformational processes in the world economy, the basis of which performs a change of technology and the mode of production, the unfolding process of humanization and greening economy, demand new approaches [9].

Following the conference in Rio de Janeiro interpretation of the concept of sustainability has begun to elaborate for the different areas of social activities and sectors of society. Within the scope of this process it has been worked out the principles of sustainable forest management, which were to become the basis for an International Convention on Forests [2]. However, forest convention has not been adopted because of fundamental differences in the interests of countries on the highest level. At the same time the very set out principles of sustainable forest management have become the basis for non-governmental non-commercial legal systems and codes. An example is an International Voluntary Forest Certification in the first place by the

Forest Stewardship Council (FSC), which moved forward by the alliance network of civil society organizations and associations of socially and environmentally responsible companies [4]

In 1993, in Helsinki in the draft of the Declaration of the Ministerial Conference [3] were given basic concepts and definitions of sustainable forest management – the management of forests and forest land (forest governance) and their use in a manner and with such intensity (forest management), which provide them with biological diversity (biodiversity), productivity (productivity), recovery (resilience), viability (sustainability), and the ability to fulfill, now and in the future, relevant ecological, economic and social functions on local, national and global levels, without prejudice to other ecosystems (non-vulnerability). Forest resources and forest lands should be used in a sustainable manner to meet the social, environmental, economic, cultural and spiritual needs of present and future generations of mankind.

One of the problems of institutionalization of sustainable forest management in Russia is the difference between the old conventional forest management practices that emerged in the Soviet period (30.12.1922 – 26.12.1991), and the new international standards and practices of sustainable forest management. This difference can be traced in the analysis of public laws and regulations, documents of forest companies, FSC and other public organizations, as well as the practices themselves lumbering.

Important is the analysis of the discourses of experts in forest area – representatives of public organizations, public authorities (state), forest management, forest managers and employees of logging companies, scientific advisors and auditors.

Methods and theoretical framework

Qualitative sociological methods have been used for collecting empirical material – research of particular case (case study) and participant observation (participatory

observation). This is an empirical study of various sources of information, in which the phenomenon is studied in existing context, where there are no boundaries between the researcher, the phenomenon and context.

The theory of path-dependency was selected as a theoretical frame of articles. This theory distinguishes between two tendencies in the development of social institutions. On the one hand, social institutions, inherent the very society, is constantly reproduced in the way of its development and prevent their own transformation and the emergence of new institutions, which creates the effect of motion on the same 'path'. On the other hand, this theory suggests that through the work of various social actors, we can get out of the 'path' (path shape) and the new way to go. It is important that social actors have created a strong new direction, which leads to the creation of new institutions. Thus, there is happens 'wobble' of the old ways ('path-shaping') and the yield on a new path, forming a new 'path' [11].

Existing from the Soviet period, the practice of forest management in the article will be considered as a movement within the beaten path. During this period, only the state was the basic social institution defining the practice of forest management. It is determined by its laws and regulations, planning and financing of forest structures. Nowadays, the reform of state legislation defining the practice of forest management has influenced to the market requirements [13]. On the one hand, these requirements are expressed in market demand for timber and profit maximization, on the other hand, in globalization of the market and the emergence of new international requirements for sustainable forest management [7]. The transition to sustainable forest management practices, expressed in voluntary forest certification by FSC scheme, is an attempt to exit from the beaten path.

Institutionalization of sustainable forest management practices will be analyzed by using the theory of ecological modern-

ization as well [8], leading to the expansion of adaptive capacity of forest ecosystems and local communities (adaptive capacity). Ecological modernization is amended in accordance with the latest, modern environmental requirements and regulations, the implementation that leads to the elimination of problems between man and the environment, society and nature. In recent years, global environmental changes constrain local communities to seek and use new adaptive features that are often associated with the major factors in the development of society [5]. They imply the same conditions that are recommended for achieving sustainable development. Ecological modernization is one of the basic mechanisms of sustainable development, including sustainable forest management [6].

The theory of ecological modernization blends harmoniously as in the concept of sustainable development, and the concept of adaptive capacity. The concepts of sustainable development and adaptive capacity, ecological modernization theory are applicable to the search for new solutions to the social and ecological crisis. They can be used to solve problems on local, national and global levels, reducing environmental risks and sensitivity of socio-ecological systems to negative influences.

Currently, the accomplishment of the principles of sustainable forest management practices is just beginning. Modern forest management standard practice of Russian timber enterprises is not sustainable, because the economic interests entirely precedence over environmental and social. This situation has been formed since the Soviet period. Thus, the activities of majority Russian timber enterprises are developing in the framework of the beaten path, despite the adoption of new logging technologies.

Discourse on the prevailing practices of forest management in Russia

In this section it will be used copyrighted materials, interviews with employees of the

forest sector. It has shown that how it has being constructed in the forest management practice in their discourse, retold the history of the Soviet period and the present reforms.

The purpose of forestry in Soviet period, defining the practice of forest management was to ensure the needs of the state timber. One of the key concepts that define the volume of timber enterprises is the 'prescribed cut', that the state normalized and is normalizing the volume of possible logging. In the Soviet period, these calculations are adjusted to the economic needs, including the war period (1941–1945) and the post-war period (1945–1953) leaving out of account the environmental dimension. Under socialism, prescribed cut was conducted on consumption, that is calculated, what capacities are developed in the country, on regional and local level. Nobody considered how it affects the environment and forests. Forestry was completely dependent on the party directives. Modern forestry standards are based on the norms of the Soviet period and are not precise.

In the Soviet period up to 1960s despite the ever-growing demand for timber, the volume of timber harvesting had no significant impact on the environment. Logging, largely conducted random, manually plots were small, if along the rivers in the summer and was an alloy rafts if the winter, then hauling performed by horses. Then the timber was not only manual labor, but also forced labor in most cases. As it was planned collective farmers from the proximate villages or inmates of the camps under order were sent on logging.

From the 1960s to 1980s there was a technical and technological modernization. There appeared chainsaws and tractors, narrow-gauge railways and diesel locomotives, began to build a lot of roads year-round. Total amount of harvesting started to increase. During this period the volume of logging doubled. In 1980–1990s there was the peak of the volume of logging in the country. There was a planned government support for the development

of forestry then and constant investment as well. And there was a new round of upgrading equipment and technologies, adoption of modern technologies, and an expansion and deepening of the beaten path based on economic growth. Both phases of the modernization of increased economic efficiency but also increased the burden on nature, conduced to the development of unsustainable forest management.

Collapse the timber industry was characteristic to the turn of reform period (1990), as economic ties of the USSR were severed. The results in deep forest products in many forest areas went down. Public financing of logging enterprises ceased. Jobless people of forest villages massively left their places. Subsequently, the timber industry was privatized and capitalized, it was started to establish economic ties again, increase exports, recover and modernize forest products. Unprofitability and bankruptcy of local logging companies, in most cases were clarified by the necessity of creating new logging technology roads and wide apart transportation, lack of investment and poor potential of local market and removals outside the area. Majority of them have either disappeared or went into timber processing holdings exporting products to foreign countries.

Russian state system reform of forest management implemented in 2000, led to the actual liquidation of the state system of forest management. New Forest Code of the Russian Federation, adopted in late 2006, impose all responsibility for forest management on the logging operator – the tenant. This responsibility is associated primarily with high financial costs, which requires forestry. If we consider that in the last few years there has been a sharp decline in the profitability of logging companies in the North-West of Russia, and they are not practically gaining profit, it becomes clear that they do not actually have funds for conducting of forest management. Therefore, ensuring the sustainable forest management at the expense of

reforestation and other activities in the forest, including fire precautions, are being brought into question in many logging companies. It does not only sum up the current state of forest management in Russia, but also serves as a forecast of the future depletion of the forest as a resource, even potentially renewable.

Discourse on sustainable forest management practices

In the previous section it was given a picture from the historical retrospective review and the current state of forest management in Russia as a whole, as forest industry workers see it. Then, it will be used copyrighted material interviews with representatives of environmental organizations. It has shown that how forest management is being constructed in their discourse, retold the history of formation and institutionalization of sustainable forest management in the world and Russia.

It should be noted that impoverished forest management practiced in the 20th century virtually in all industrialized countries. Gradually, this practice has moved to developing countries. This is connected with increasing consumption within countries, and with the ever-increasing level of exports of wood products in developed countries. Of course, in developing countries the forest industry is always modernized, and stimulus for modernization was the demand of the population in developed countries.

Progressively the practices and attitudes towards forests in developed countries have changed and become more stable, especially modernization has become ecological. However, the practice of logging industry majority woodlands of the planet, such as the Amazon rain forest, South Africa, Southeast Asia, North-West Russia, Siberia and the Far East, still be led to the depletion of forest resources and the destruction of forest-related traditional cultures of indigenous and smaller peoples.

In contrast to the current practice of forest management, international environmental movement has established mechanisms to motivate the transition to sustainable forest management. Already in the 1980–1990s began to take form environmentally sensitive market in Europe and the United States. International environmental social organizations take into account the preferences of the market and the use of market mechanisms. A mechanism of non-state promoting market for forest management has been created [1]. The first stage was publicly known environmental actions and organization of international consumer boycotts of large trading companies, buyers of wood products that brought them considerable losses. This caused business to reckon with the requirements of the public.

Simultaneously, civil society organizations and networks of experts in the field of forest management have been established international and national system of voluntary forest certification, based on internationally accepted principles and criteria for sustainable forest management, which legitimized the practice of leading forest companies. They confirmed that the timber is harvested in compliance with environmental regulations, the rights of local and indigenous population, without the oppression of the working people, that the manufacturers of the products are ecologically, economically and socially responsible.

By the end of the 1990s in Russia and international environmental public organizations also actively promoted the principles and practice of sustainable forest management. The main organizations were WWF, Greenpeace, IUCN, Conservation Center, Socio-Ecological Union, as well as a number of regional organizations such as the SPOC in Karelia and BROOC in the Far East. For this purpose it was used a wide range of methods – fax ‘attacks’ of environmental activists, direct action to save old-growth and unique forests from logging operators, international consumer boycotts of trading

companies with world-renowned brands. At the same time Russian NGOs started to move forward the international system of voluntary forest certification within the framework of FSC. It was formed a group of timber merchants, who have a direct interest in changing their own practices of forest management – Association of Environmentally Responsible Lumbermen.

At the same time, WWF funded jointly with timber merchants two drafts of model forests, where, in practice, worked out methods of sustainable forest management in Russia. One of the main objectives of these projects was preparation for forest management certification within the framework of FSC. In the case of Pskov Model Forest was certified forest company STF Strug, while using a unique scheme of forest planning for 100 years ahead. In the case of Model Forest «Priluzye» was certified by Priluzian forestry, and with it a regional standard was developed, approved by the Government of the Komi Republic and regional public authorities on forest management. At the same time, both forest project models have become centers of study and the promotion of voluntary forest certification in Russia.

Promotion of sustainable forest management in Russia

Different methods of the public (from confrontation to partnership) gradually began to form new discourses and practices of timber merchants. [10] The main method of introducing new practices became the very FSC-certification, and all the other listed methods have helped to create the motivation and demand for certification. The concept of ‘sustainable forest management’ and ‘sustainable forest exploitation’ successively started to enter the discourses of Russian timber merchants and government employee – forestry workers. However, the specificity of these actors has led, in the first place, to the economic interpretation of the concept. Hereby, environmental non-governmental organizations

were the main actors contributing to the change of the rut, the transition to sustainable forest management and ecological modernization of forest industry to expand adaptive capacity of forest ecosystems and local communities. International Institute for Sustainable Forest Management was introduced into Russia.

Institutionalization of sustainable forest management occurs through adaptation of international standards efforts of the National Initiative FSC, FSC National Office and regional workgroups to promote forest certification. Consultants from various scientific organizations and audit firms including joined to the process. However, the guidelines were created, explanatory and informational materials are often not consistent with the National Initiative of FSC. Such effort is to support the institutionalization of sustainable forest management, however, different interpretation of the concepts were confusing.

FSC National Initiative was to adapt the international standards in multiclimatic regions of Russia, to fill the concept of international content relevant to Russian specifics. To meet these challenges, it was formed a community of experts who are concerned with the development of sustainable forest management. It consisted of representatives of public organizations, academic institutions, government and commercial organizations. Thus, the main actors from the public sector, promoting sustainable forest management, began its institutionalization in Russia and in 2005 created a special 'legislative' body – the National Initiative FSC. The National Office FSC which formed in that year assumed the role of the executive body. And with this supervisory role performed accredited auditing companies, which in turn controlled the Special Branch FSC International, experts of scientific organizations, forestry state bodies and companies controlling of forest holdings themselves (internal audit). In the control group also participated stratified group of villagers

local level (local community), who knew about the benefits and advantages of voluntary forest certification, and popularized its principles among the various groups of local forest users.

One of the constituents in the creation of Russian Institute for Sustainable forest management is the FSC National Standard [12]. It was developed and approved for more than eight years, after which on November 11, 2008 was accredited, in 2009 came into operation for loggers and lumbermen, modify, and was approved by FSC International 08.10.2012. As far as in accordance with the international rules of the FSC the FSC National Initiative was included with the representatives of public, academic and business organizations, representing different interests and the process of development of national standards has become a platform for a broad discussion on the interpretation of the concepts, principles and criteria for sustainable forest management. As a result, national standards have unfolded and consistent with the interests of the various groups of non-state version of the international forestry law, adjusted for Russia.

The second component of the Institute for Sustainable Forest Management in Russia and the new actor in his promotion was the Russian national office FSC. Its necessity dictated by the fact that FSC certification Russian forest companies and their businesses become popular. International auditing company accredited by the FSC – the third component of the Institute for Sustainable Forest Management and actor of his promotion. Because the rules of FSC approval to the national version of the international standards of sustainable forest management certification audits are based on interpretations of the international standard, existing in different audit firms, one of the problems of institutionalization in the beginning was the difference in their approaches and requirements.

Collision of the discourses and practices of foreign and Russian auditors, manage-

ment of forest companies, the views of officials of forest management government agencies, as well as a variety of local forest users has led to the fact that the quality and content of certified forest management system was utterly different in various forest companies. As a result, some companies came to conflicts with indigenous peoples, communities and organizations.

Constantly, there was a problem of unifying the requirements of auditors and their interpreted concepts of FSC-certification (eg, “forests of high conservation values”, “indigenous peoples”, “local population” and others). For this purpose, the National Office of FSC in cooperation with the FSC National Initiative began to hold regular meetings, seminars, round tables, sessions and conferences with representatives of the audit firms, where they discussed the most problematic aspects of certification. It was offered a certain interpretation of concepts that inherently, the formation of a new discourse on Russia for sustainable forest management practices. As a result, elaborated a general idea of how to engage in sustainable forest management, which then popularized through audits and practices of forest companies. Much attention has been given to the publication of manuals and placing them on the website of the National Office of FSC, sending in conducting audits of the company and responsible for the FSC-certified forest companies.

Additionally, nearly ten year period of FSC-certification development Russia there are many scientific organizations and individual experts providing consulting services come into service. Experts have influenced more and more on the practical implementation of the criteria of FSC, that is, they have become important actors. However, the quality and content of the consultation and expert services differed greatly. It depended largely on both the experience and education of the expert, and how it closely collaborated with FSC National Initiative and separated the

elaborating interpretation and views, was included in their discursive group.

In this situation, the institutionalization of sustainable forest management has gone through the creation of documents as appendix to the national standard of FSC – in fact “by-laws” of the certification scheme. For instance, were recorded and appen key requirements for the isolation and preservation of the forests of high conservation values to the standard, including recommendations on the implementation of the social bloc certification. These documents were created by the experts of the FSC National Initiative, after that they were discussed among auditors and timber merchants, finalized and timber merchants were offered as a guide to action in preparation for certification and audit.

A great attention has been paid to the training of specialists in the field of voluntary forest certification. In Moscow and most of the regional forest departments of universities students were offered specialization in this area. Thus, the views and experience of the experts were included in the formation of the Institute for Sustainable Forest Management. In addition to the above documents, the experts have prepared a series of detailed regional guidelines for the accomplishment of the various principles of FSC for timber merchants, forests management government agencies and other forest users.

At the same time the National Office of FSC conducted a survey, selection and registration of national expert advisory of FSC. Such listing should be isolated for lumbermen experts who can advise in accordance with the position of FSC national authorities. Creation of special documents, guidelines, meetings with auditors and consultants registration led to improvements in the quality of audits in certification, unification and formalization of sustainable forest management practices of forest companies.

Institute for Sustainable Forest Management with a well-developed structure was established with general efforts

in Russia. It exists in parallel with the state system of forest management and duplicated it. It can be drawn parallels between the Forest Code, with its by-laws and the standard of FSC National Initiative with its applications and recommendations, the hierarchic structure of government agencies for forest management and networked monitoring and implementing the principles of FSC.

This new institutional structure is operating in Russia on the basis of market and globalization mechanisms, established for conservation and reforestation. As far as the new Institute for Sustainable Forest Management contributed ecological modernization and made timber merchants change the usual way of activities, came into conflict with the old system of state control over forest management and forest management. Because the old Russian system has been shown to serve as a basis to unsustainable forest management, and its transformation in the reform period, especially since 2000, looks like the destruction of national forest monitoring and management.

Clash of discourses of government, business and the public

The first principle of FSC provides for compliance with the laws of the country where certified forestry enterprise or company. However, international environmental and social certification requirements exceed the requirements of the Russian legislation, thereby contradicting the specific provisions and rules of forest management. Simultaneously, the interpretation of the national state legislation can often be multi-valued. Therefore, the construct of the contradiction between the requirements of Russian legislation and FSC is based primarily on differences in perception and discourse of those who promote FSC-certification, and those who are compliance with the Russian forest, environmental, labor and tax laws. However, if the representatives of government agencies related to forestry, imbued with the ideas

of certification, almost all conflicts can be removed.

The absence of the concept of sustainable forest management at the national level leads to the absence of such a discourse in government officials as well. The new Forest Code that entered into force in January 2007 has not filled the gaps, because the idea of promoting sustainable forest management of public organizations and advanced forestry business has not been considered in it. Consequently, the word “sustainable” is found only for three times in collocations “sustainable forest management”, “sustainable timber production” and “sustainable development” in the Forest Code. In this case, it does not include the concept of sustainable forest management, it is not written about and how to realize it. Meanwhile, the final institutionalization and common everyday practical application of requirements for sustainable forest management is only possible with the state participation. This creates barriers to those timber merchants who want to work due to international principles of sustainable forest management.

The process of certification of the Russian logging enterprises that have become the part of large international forest companies is going on more consistently and systematically. Because these companies have already been working in the world in a new way, taking into account aspects of sustainability, sustainable forest management has become part of their official policies. At the same time the business culture of these companies require that the general policy and the new practices were assimilated, digested and accepted by all the staff from management to workers. Thus forest certification is introduced in this way. In this case, their Russian daughter company is no longer combat of discourses and barriers to implementation of the new practice of sustainable forest management.

We will consider how discourse and practices of the different actors clash by the example of a few specific ideas.

Old-growth forests

One of the requirements of FSC is to preserve the different categories of forests of high conservation values. One of the categories of those is old-growth forests. Sometimes referred to as old-growth or virgin forests. There is a clash of opinions about this concept and proposed forest management practices in these forests. Preservation of old-growth forests was in the focus of attention of international environmental and social non-governmental organizations before the introduction of voluntary forest certification around the world. On the subject of logging in these forests, on the legitimate point of view of national legislation, were the actions of Greenpeace and consumer boycotts.

The concept was new to the Russian public, loggers and government agencies. On the contrary, such forests are called “ripe” and “overripe”. And the discourse was that – “they must be cut”. Embarked on the path of FSC-certification of forest companies faced with misunderstanding of their own leadership and a lack of understanding of forest management governmental agencies, the Ministry of Natural Resources, the government and the Duma. Conducted environmental informing with social organizations about the necessity of preserving old-growth forests as a rule reached to the government agencies of the federal and regional levels, and to a lesser extent with to local authorities. However, logging companies working with forestry namely in the regions.

Discourse of local employees of forestry enterprises and the preservation of old-growth forest areas is as follows: lack of understanding of the benefit; the deprivation of the population of economic benefits; this is an excessive environmental requirement; it is a special strategy of competitors to weaken of the Russian economy. As a result, the economic factor – underutilization of forest resources plays the most important role for government agencies. Thus, the International In-

stitute for Sustainable forest management makes certified forest enterprises save old-growth forests, but the state agencies that do not contribute in any way – enterprises pay for the rent of these rather large areas and penalties for undercut.

Key biotopes

Another example of the clash of the old and new social institutions is the isolation and preservation of key biotopes. This practice and the concept did not also exist till the FSC-certification, as in forest enterprises, forest management government agencies. It was also included in the discourses and practices owing to a variety of seminars on the subject of voluntary forest certification, organized by international environmental public organizations, in which the representatives of forest management government agencies and timber merchants attended.

In some regions, especially where once there was a demand for FSC-certification, environmental public organizations conducted much information works (for example, in the Arkhangelsk region), regional state authorities were willing to legitimize the allocation of key habitats within the law, that is, to consider them as noncommercial forest land. Customized loyally to the state bodies certification immediately found an opportunity to fit into the legislation. However, key biotopes could be an operating highly productive land. Sometimes, logging company just tried to leave all kinds of key biotopes and pay fines for undercut. But here, a compromise is possible: the legislation deems it undercuts and fines the company. But at the same time, the company temporarily benefits from the fact that the conditions of certification, and received a certificate for it, with all its benefits. Or for all that such plots are drawn up by forester in place as a group of seed bearers or seminal clump.

Complicity causes abandonment and dead trees, as here involved two Russian laws – Forestry (cutting-practice rules)

and labor (safety regulations), as leaving the deadwood is dangerous to workers in the plot. But there can be an exception by this. Such trees with decorative crown and hollows can be left as an exception. The decision to leave them or not, not only forestry makes decision but also forest warden on the spot in allocation the plot. However, they usually do not want to take responsibility.

If regional state agencies recognize the need of leaving the key biotopes, then, as a rule, local forestry also follows it. On the contrary, in the areas where certification was not a mass phenomenon, where environmental public organizations did not conduct a special operation with the regional state authorities of forest management, and local forestry enterprises and forestry manifested their negative attitude to the isolation of biotopes there. In the documents of plot of lands is not mentioned anything about leaving the habitats, but it is written that the tenant should all cut down. If there is something called habitat left, then it will be penalized. It is clear for foresters what it is, but they cannot work with biotopes because they are not legalized yet. Some representatives of government agencies of forest management believe that observing all the rules of certification in terms of leaving the biotopes is out of reality.

By the example of the collision of opinions and practices on two concepts – “old-growth forests” and “key biotopes”, it becomes clear that the introduction of new rules and concepts using FSC-certification is difficult to happen. The absence of many concepts in legal system that operates certification hampers its accomplishment. At the same time, non-state actors, involving state agencies that studying the programs, organizing study tours to their representatives around Russian and international model forests, a large number of cross-cutting seminars, conferences and meetings, create a new channel of informal institutionalization of sustainable forest management.

Formal law informally reconsiders and adjusts to meet the international require-

ments for sustainable forest management. In this case, the formal harmonization of national laws and international requirements will not occur. Indeed, despite all the efforts of the public, business and loyal to the voluntary forest certification of state authorities, in the new Forest Code, the rules of timber harvesting and other by-laws, new concepts of sustainable forest management have not been introduced in recent years.

Conclusion

Modern forest management standard practice of Russian timber enterprises and their management companies is not sustainable because the economic interests take entirely precedence over environmental and social interests. By virtue of the international environmental public organizations the beaten path that operated the wood industry, as a result, the introduction of voluntary forest certification has been changed. A new path in the form of new timber business practices affected the discourse of state authorities. However, the forestry legislation, enforcement of which lies on the government agencies of forest management, despite the radical change (it has become over the last decade much more marketable), it remains in the same rut. Thereby, the first barrier to the institutionalization of sustainable forest management is state laws and state agencies, which are more than anything else, impede the institutionalization of sustainable forest management and ecological modernization of the forestry sector in Russia.

The introduction of new concepts is often hampered by the certification management and themselves staff of Russian forest enterprises. Managers and employees who have extensive experience in the forest enterprises in the Soviet and post-Soviet period, and learned in the tradition of the “old” forest management, frequently perceive the environmental requirements of the international forest certification

with difficulty, do not understand and do not accept environmental and social requirements, based on consultations with local communities and indigenous peoples, with all different groups of forest users and stakeholders. Thus, there is a clash of discourses and practices of those managers who are agents of certification and its opponents, who suppose the certification as a next formal procedure. The struggle between two approaches inside the timber business is the second barrier for the development of sustainable forest management in Russia.

Adoption of FSC-certification in Russia is the incentive for forming a new Institute for Sustainable Forest Management. About for ten year certification period it took place the institutionalization and adaptation of sustainable forest management in Russia. However, it shouldn't be asserted that the certification is completely led to sustainable forest management. In practice, there are only fragments in the form of areas of sustainable forest management and fragmentary social networking space systems for sustainable forest management, which are available for replication at the present level of legislation, economic practices and education of personnel. Introduction of sustainable forest management in the education of Russian forest industry personnel will increase institutionalization of sustainable forest management practices in the future.

Bibliography

1. Cashor B., Auld G., Newson D. 2004. *Governing Through Markets: Forest Certification and the Emergence of Non-State Authority*. New Haven. – L.: Yale Univ. Press.
2. FAO Corporate document repository. 1999. *Issues and options for international instruments to support sustainable forest management*. State of the world forests. <http://www.fao.org/docrep/w9950e/w9950e10.htm>.
3. Forest Europe. http://www.foresteurope.org/docs/MC/MC_helsinki_gral_declaration.pdf.
4. FSC Russia. <http://www.fsc.ru>.
5. Keskitalo C., Kulyasova A. A. The role of governance in community adaptation to climate change // *Polar Research*. – 2009. – Vol. 28. – № 1. – P. 60–70.
6. Kotilainen J., Tysiachniouk M. S., Kulyasova A. A., Kulyasov I. P., Pchelkina S. S. The potential for ecological modernization in the Russia: Scenarios from the forest industry // *Environmental Politics*. – 2008. – Vol. 17. – № 1. – P. 58–77.
7. Kotilainen J., Kulyasova A. A., Kulyasov I. P., Pchelkina S. S. Re-territorializing the Russian North through hybrid forest management // *The changing governance of renewable natural resources in North-West Russia*. Ed. S. Nysten-Haarala. – Farnham: Ashgate, 2009. – Chapter 7. – P. 131–147.
8. Kulyasov I. P. Ecological modernization: Theoretical aspects // *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. – 2005. – № 3. – P. 100–113.
9. Kulyasov I. P. Building trust in the process of localization of global forest certification // *Russia and Europe: from mental images to business practices*. – Kymenlaakson: Univ. Appl. Sci., 2010. – P. 110–130.
10. Kulyasov I. P., Kulyasova A. A. Construction of Trust in the Process of Forest Stewardship Council Certification: Role of NGOs and Experts // *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Tysiachniouk M. S. (ed.), Special Issue: Internationalization, trust and multistakeholder governance of natural resources. – St. Petersburg, 2010. – P. 282–311.
11. North D. C. *Institutions, institutional change and economic performance: A new economic history*. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1990.
12. Russian National FSC Standard. Version 6_01_Ru. 08.10.2012. (in Russia) http://www.fsc.ru/upload/file/Russian_National_FSC_Standard_v_6_01_Ru_itog.pdf.
13. *Strategic Choice and Part-Dependency in Post Socialism. Institutional Dynamics in the Transformation Process*. Hausner J., Jessop B., Nielsen K. (eds.). – L.: E. Elgar Publ, 1995.

© Kulyasov I. P., 2014

УДК 314.122.66

**ОБОБЩЁННАЯ МОДЕЛЬ ВЛИЯНИЯ «ПАССИОНАРНОГО НАГРЕВА»
НА УСТОЙЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ**

О. В. Тиханычев

*Кандидат технических наук, профессор,
г. Москва, Россия,*

Е. О. Тиханычева

*студентка,
Финансовый университет
при Правительстве РФ, филиал,
г. Краснодар, Россия*

**INTEGRATED MODEL OF INFLUENCE OF «PASSIONARY HEATING»
TO STABILITY OF SOCIAL SYSTEMS**

O. V. Tikhanychev

*Candidate of Technical Sciences, Professor,
Moscow, Russia*

E. O. Tikhanycheva

*student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, filial,
Krasnodar, Russia*

Summary. The problem of assessing the stability and controllability of social systems with an increase in their average level of passionate. It is concluded that it is necessary to develop a mathematical formalism for the analysis of this process. Produced description of the mathematical model to evaluate the effect of passionarity on the state of social systems.

Keywords: average passionate level; passionary heating; controllability; stability of the system; mathematical simulation.

В отличие от начального этапа развития общественных наук, современная социология – наука скорее практическая, чем теоретическая. И чем дальше, тем эта тенденция заметнее. С развитием технологий «цветных революций» социология становится не просто совокупностью методов исследования, но и средством решения задач межгосударственного противоборства [3]. В этой связи следует отметить, что эффективное использование современных социальных технологий, где бы они не применялись, немислимо без наличия адекватных методов прогнозирования результатов их применения. В полной мере это относится и к технологиям, обеспечивающим влияние через изменение уровня пассионарности общества.

Автор теории пассионарности Лев Николаевич Гумилёв сформулировал тезис о том, что средний уровень пассионарности этноса определяется соотношением в нём количества людей с разными уровнями личной пассионарности – от групп с крайне низкой, до личностей с высочайшим уровнем пассионарности [1]. По этому критерию Гумилёв выделял от трёх групп (пассионарии, гармоничные люди и субпассионарии), до девяти градаций: от высшего уровня до двух самых низких, отрицательных. Количественное соотношение этих групп в социуме определяет среднюю пассинарность или «пассионарную температуру», определяющую, в конечном счёте, устойчивость больших социальных систем и целых

государственных образований. Аналогичные выводы, хотя и без детального обоснования делал Ницше, формулируя тезис о «среднем европейце» как основном условии устойчивости европейского общества [2].

Теория Гумилёва, безусловно, явилась совершенным для своего времени инструментом исследования развития этносов и межэтнических отношений. Хотя она, в основном, обеспечила получение качественных оценок событий и прогнозов. В то же время, в современном мире, с развитием социальных технологий экономического и даже межгосударственного противоборства, появилась потребность в получении количественных оценок уровня пассионарности общества в целом и различных его групп, пусть даже приближительных или интервальных. Такие оценки могут быть получены с применением логических моделей или геометрических методов оценки, позволяющих построить на основе графических моделей процессов тренд исследуемого процесса и определить диапазон достоверности прогноза.

В рамках статьи предлагается рассмотреть именно графическую модель влияния «пассионарной температуры» общества на его функционирование. Графические модели являются наиболее простыми в разработке и наглядными инструментами исследования сложных систем. Основа предлагаемой модели – график средней пассионарности (рис. 1) может быть построен, например, с использованием метода наименьших квадратов. Для этого, на основании данных статистических исследований формируется гистограмма распределения исследуемого сообщества по уровням пассионарности и подбирается прямая, такая, что

$$f(n) = \sum_i (n_i - f(n))^2 \rightarrow \min.$$

Угол наклона k прямой $f(n) = ki$ и определяет уровень «пассионарной температуры» в системе. Изменение соотношения уровней пассионарности различных групп по времени меняет наклон прямой «пассионарной температуры», отражая изменение состояния уровня пассионарности в обществе.

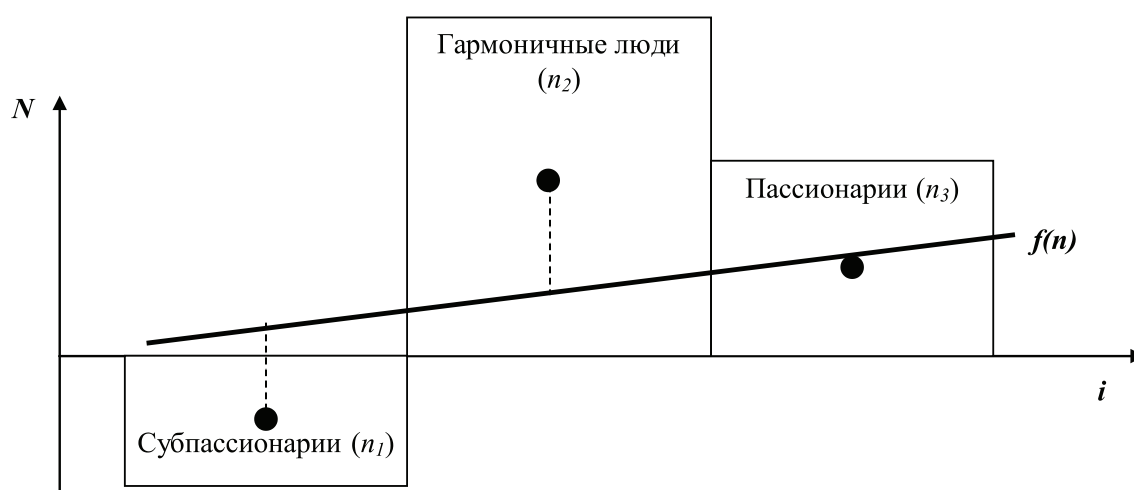

Рис. 1. График среднего уровня пассионарности

Что же может дать применение подобной модели для практики?

Анализ исторической ретроспективы показывает, что величина среднего уровня пассионарности напрямую влияет на управляемость и устойчивость социальных образований. Для обеспечения учёта этого фактора в разрабатываемой

модели предлагается ввести понятия «критическая пассионарная температура» и «критический уровень управляемости системы». С учётом данных понятий, влияние «пассионарной температуры» на устойчивость социальных образований может быть описано графической моделью, приведенной на рис. 2.

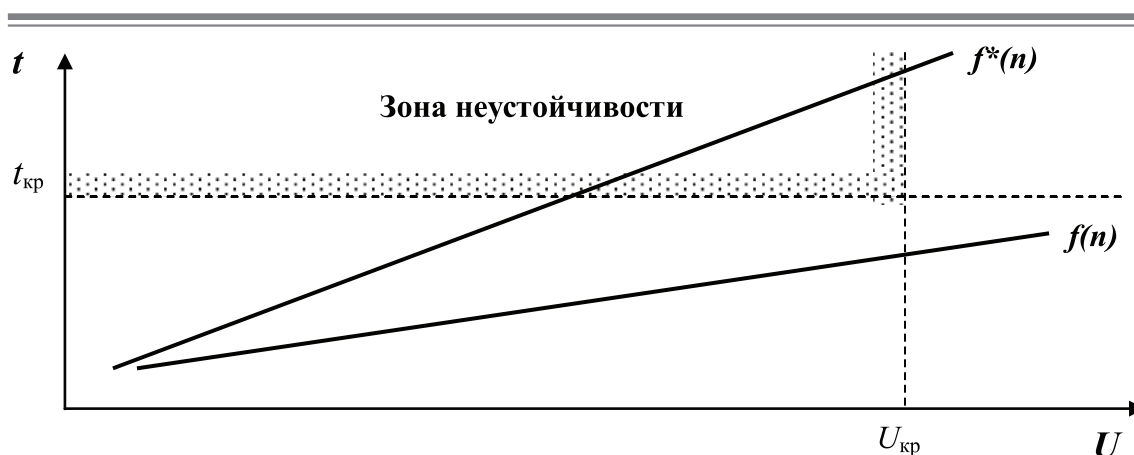

Рис. 2. Графическая модель влияния «пассионарного нагрева» на управляемость и устойчивость социальных систем:

t — показатель величины средней пассионарности; $t_{кр}$ — критический уровень «пассионарной температуры»; U — степень управляемости системы, то есть её адекватного реагирования на управляющие воздействия; $U_{кр}$ — критический уровень управляемости; $f(n)$ — функция средней пассионарности в обычных условиях; $f^*(n)$ — функция средней пассионарности после «пассионарного нагрева»

Методы определения «пассионарной температуры» t описаны выше. Управляемость системы U в модели может быть оценена как обратная пропорциональность к количеству неотрабатываемых управляющих воздействий, например, количество зафиксированных нарушений законодательства за некоторый расчётный период времени.

Прогнозируемое состояние исследуемой системы в предлагаемой модели определяется поведением функции «пассионарной температуры» $f(n)$. По-

падение прямой $f(n)$ в зону неустойчивости к потере управления и потере устойчивости социальной системы. В противном случае систему можно считать устойчивой.

Величины критических значений $U_{кр}$ и $t_{кр}$ для каждого социального образования различны и определяются его этносоциальными особенностями, политическими и экономическими условиями. Ретроспективный исторический анализ показывает, что параметры зоны неустойчивости наиболее сильно

зависят от принципа управления системой: она шире и ($t_{кр}$ на графике ниже, а $U_{кр}$ правее) для демократий, но уже для диктатуры. Это вполне объяснимо – чем больше разных свобод, тем проще небольшим группам пассионариев влиять на общую ситуацию, дестабилизируя систему для достижения своих целей. В то же время, большая устойчивость исследуемой системы играет отрицательную роль в случае, если её всё-таки удаётся вывести из равновесия. Разрушение системы происходит при большем уровне «пассионарного нагрева», приводя к большим жертвам и снижая возможность быстрого восстановления ситуации. Для подтверждения этого тезиса достаточно сравнить последствия распада относительно демократического и федерального по сути СССР и абсолютно централизованных Ирака и Ливии.

Казалось бы, к чему эта теория: пассионарные толчки происходят не часто, они растянуты во времени и пространстве? Зачем вообще строить модель их влияния на устойчивость социальных образований?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить ещё одно свойство пассионарности, описанное Гумилёвым – индуктивность [1]. Действительно, уровень пассионарности практически любой системы может быть повышен искусственно, причём самыми разными способами. И раньше были известны примеры, когда небольшими группами революционеров удавалось осуществить пассионарный разогрев крупных социальных групп, приводящий к распаду целых империй. Сейчас, с развитием технологий так называемых «цветных» революций, опасность индукционного пассионарного «разогрева» возросла многократно. Для мониторинга этого процесса и своевременного принятия предохранительных мер в рамках противодействия или, в современной

терминологии, борьбы с «облачным противником» [3], необходим адекватный механизм оценки – лучше всего, модель отслеживаемого процесса.

Данная модель, даже представленная в самом общем виде (рис. 2), позволяет сформулировать предложения по снижению влияния «пассионарного перегрева» на устойчивость социальных образований. Предложения, основанные на изменении характеристик функции $f(n)$ и параметров критической области:

1. Снижение «пассионарной температура» общества или отдельных социальных групп методами, описанными в «теории о границе» (*Frontier Thesis*) Фредерика Тёрнера. Причём граница не обязательно может быть физической – можно отправлять пассионариев исследовать неизведанное, а можно, как показывает печальный опыт множества революций, начиная с французской, отправлять за ту границу, из-за которой уже не возвращаются. Более того, современная история даёт множество примеров решения проблемы путём организации истребления одних групп пассионариев другими.

2. Корректировка методов или структуры системы управления, внедрение, на время, более жестких «кризисных» мер управления.

3. Организация противодействия внешним индукционным или пропагандистским воздействиям, не допускающая повышения «пассионарной температуры» общества до критических значений.

4. И, наконец, изменение направления приложения пассионарной энергии. Ведь «пассионарный нагрев» в чистом виде не обеспечивает изменение управляемости в нужном направлении. И если применением информационного воздействия можно повысить «пассионарную температуру» до уровня, опасного для целостности системы, то

путём контрпропаганды можно перенаправить пассионарную энергию на другие цели, в том числе созидательные, а не разрушительные.

Детализация предлагаемой модели может обеспечить как заблаговременный, так и оперативный анализ рисков «пассионарного разогрева» социальных образований и своевременную выработку превентивных мер по противодействию потере управляемости и устойчивости социальных и государственных образований.

Библиографический список

1. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М. : Рольф, 2002. – 242 с.
2. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – М. : Эксмо, 2010. – 848 с.

3. Симутов М. Новый источник угроз международной безопасности – технологии цветных революций // Военно-политическая аналитика. URL: <http://vpoanalytics.com/2014/04/13/novyj-istochnik-ugroz-mezhdunarodnoj-bezopasnosti-texnologii-cvetnyx-revoljucij> (дата обращения 13.04.2014).

Bibliograficheskij spisok

1. Gumil'jov L. N. Jetnogenez i biosfera Zemli. – M. : Rol'f, 2002. – 242 s.
2. Nicshe F. Po tu storonu dobra i zla. – M. : Jeksmo, 2010. – 848 s.
3. Simutov M. Novyj istochnik ugroz mezhdunarodnoj bezopasnosti – tehnologii cvetnyh revoljucij // Voенно-politicheskaja analitika. URL: <http://vpoanalytics.com/2014/04/13/novyj-istochnik-ugroz-mezhdunarodnoj-bezopasnosti-texnologii-cvetnyx-revoljucij> (data obrashhenija 13.04.2014).

© Тиханычев О. В., Тиханычева Е. О., 2014

УДК 379.85

ФЕНОМЕН «ПУТЕШЕСТВИЕ»: ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД**С. В. Явон***Доктор социологических наук, доцент,
Поволжский государственный
университет сервиса,
г. Тольятти, Россия***PHENOMENON «JOURNEY»: THESAURUS APPROACH****S. V. Yavon***Doctor of Sociological Sciences, assistant professor,
Volga Region State University of Service,
Togliatti, Russia*

Summary. Phenomenon «journey/tourism» in the aspect of thesaurus approach is analyzed in this article: the structural approach, the social distances and practices, the protective mechanisms.

Keywords: journey; tourism; thesaurus approach; principle «one's own – somebody else's – alien»; environment/social reality; valuables/valuable relations.

Путешествие в современном значении представляет разновидность потребления [1]. Помимо концентрации внимания учёных на экономической стороне путешествия, необходимо рассматривать его как социальное и культурное явление.

Путешествие, или туризм, привлекало внимание представителей социальных наук лишь на рубеже 50–60-х годов минувшего столетия, но уже в следующем десятилетии социология туризма оформляется как одна из социологических субдисциплин. В современных исследованиях феномена «путешествия (туризма)» используются подходы, введённые в социологический оборот такими классиками второй половины XX в., как М. Фуко и Ж. Бодрийяр.

Стремление переменить обстановку, отдохнуть и при этом узнать что-то новое подвигло людей на путешествия с древнейших времён, но только в Новое время, начиная с XVI столетия, путешествия обретают форму туризма. Именно тогда складывается практика странствий образованных (или полу-

чающих образование) молодых людей для ознакомления с достопримечательностями европейской цивилизации, со странами нынешней Западной Европы. Цель этих путешествий была познавательной: посмотреть, как живут люди в иных краях, повысить образовательный уровень. До конца XVIII в. особенностью таких путешествий была нацеленность на диалог, на дискурс, а не на визуальный осмотр достопримечательностей («слово, а не образ, язык, а не глаз» было их характерной чертой).

С XVIII столетия становятся модными путешествия «на воды» с целью лечения и, не в последнюю очередь, светского времяпрепровождения.

Туризм как разновидность потребления родился в 1841 г., когда англичанин Томас Кук открыл первое в мире бюро путешествий. С появлением железных дорог путешествие становится родом бизнеса. Подлинно же революционным шагом с появлением массовой гражданской авиации стала возможность путешествовать самолётами. Произошло это лишь после окончания Второй

мировой войны (хотя первые массовые выезды американских туристов в Европу организовала компания «Пан Америкэн» в 1939 г.).

Наибольший вклад в социологию путешествия внесли: Э. Коэн, Д. Макканнел, Дж. Урри и З. Бауман.

Эрик Коэн (1972 г., 1979 г.), заложил основы феноменологического понимания туризма [7; 8]. Турист в его интерпретации – это человек в поисках нового духовного центра. Дин Макканнел являлся самым авторитетным представителем семиотического подхода к туризму. Он назвал туриста человеком, находящемся в поисках аутентичности [9]. В принципе, для Коэна и Макканнела турист – это эквивалент современного пилигрима (1976 г.). Джон Урри описал восприятие туриста как человека, который ничего не ищет, а просто осматривается, «глазеет» по сторонам: это не пилигрим, а, скорее, зевака, прохожий (1990 г.) [10].

Зигмунд Бауман заинтересовался проблемами туризма сравнительно недавно, в начале 90-х годов прошлого века [5]. В отличие от названных выше авторов, он не считает путешествие (туризм) особым типом активности человека. Внимание Баумана сфокусировано на самом понятии туриста, в котором он видит метафору, выражающую важнейшую особенность экзистенции человека в эпоху постмодерна, эпоху глобализации. Среди описанных З. Бауманом четырёх типов личности, характерных для постмодерна, а именно: «прогуливающийся» («фланер», если воспользоваться метафорой В. Бенямина), «бродяга», «турист» и «игрок», три первых – это типы «путешественников».

Сегодня путешествие (и туризм) перестаёт рассматриваться лишь как одна из форм досуга, свободного времени: оно становится объектом самого пристального социологического анализа, поскольку даёт ключ к пониманию современной культуры.

В теории «путешествия» ключевая роль принадлежит освоению социальной реальности по принципу *своё – чужое*, образуется тезаурус.

В наиболее общем виде тезаурус может быть определён как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом значений, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. Тезаурусы, таким образом, представляют собой субъектно организованное гуманитарное знание [4, с. 53; 2; 3].

Главное назначение тезауруса для субъекта – ориентировать его в окружающей среде и обеспечивать таким образом жизнеспособность субъекта. Тезаурус и выражает ту сторону всякого знания, освоенного субъектом, которая состоит в его (знания) способности применяться субъектом для того, чтобы наилучшим образом сориентироваться в окружающем мире как на уровне повседневности частной жизни отдельного человека, так и на уровне великих событий мировой истории. Иерархия знаний (или знаниевые сети в других обстоятельствах) в тезаурусе основывается на принципе ценностного отношения.

Тезаурусная концепция утверждает, что, во-первых, структурирующим принципом здесь выступает дихотомическое различие *своего* и *чужого*; во-вторых, и *своё*, и *чужое* обладают протяжённостью и разной интенсивностью: это своего рода зоны, концентрические круги вокруг субъекта, одни из которых ближе, другие дальше от центра и в этом отношении – *более* и *менее свои* (соответственно, *менее чужие* и *более чужие*); в-третьих, в тезаурус встроен защитный механизм от информации, основанной на антиценностях

(для субъекта): она воспринимается субъектом как *чуждая* и если и пересекает границу тезауруса, то только в форме её критики.

Таким образом, внутри тезауруса действует дифференцирующий принцип *своё – чужое*, если же рассматривать тезаурус в его взаимодействии с другими тезаурусами, то дифференцирующей становится триада *своё – чужое – чуждое*.

Можно сказать, *чужое* всё-таки до некоторой степени *своё*, т. е. может стать своим при определённых условиях, в отличие от *чуждого*, которому в данном тезаурусе (тезаурсной генерализации) места нет.

Своё – чужое (*свой – чужой* и т. п.) – наиболее определённое ценностное отношение, выполняющее функцию социальной ориентации. Оно изначально социально: *свой* – тот, кто принадлежит мне, *своё* – то, что принадлежит мне, но в то же время и в такой же мере *свой* – из того круга, которому принадлежу я, *своё* – из тех вещей, свойств или отношений, от которых завишу я (зависят мои безопасность, удовольствие, счастье и т. д.). В логическом плане антоним *своего* – *не свой*, а в ценностном плане – *чужой*.

Чужой, чужое – знаки не только находящегося за пределами *своего*, но и противопоставленного *своему*, а возможно – и враждебного ему. Именно в парадигме *своё – чужое* воспринимают действительность человек, группа, сообщество. *Своё – чужое* образуют стержень тезауруса и придают ему социальную значимость. На этом строятся картины мира, которые постепенно, по мере социализации и обретения социальной идентичности людей формируются в их сознании.

Тезаурус, приобретая более или менее устойчивую форму, начинает проводить активную линию на поддержание *своего*. Хотя ясно, что тезаурус не имеет никакого самостоятельного су-

ществования, кроме как в мозгу индивида (даже если мы говорим о тезаурусах социальных общностей), он в силу эмерджентных свойств определённого рода систем (т. е. свойств, не принадлежащих элементам системы, а порождаемых только самой системой) начинает сам себя выстраивать, как бы забирая инициативу у своего носителя.

Тезаурус, возникнув в своём носителе, обретает свойства интеллектуального, культурного, социального организма и, применяя разные стратегии и техники, блокирует, или переформатирует, или исключает нежелательную для его целостности информацию [4, с. 61–62].

Амбивалентность и индифферентность к *чужому* выступают в конструировании реальности как процесса организации информации в тезаурусе средством защиты тезаурсного ядра, где концентрируется представление о *своём*. *Чужое* этим путём отдаляется на периферию тезауруса и выступает своеобразным резервом: в необходимой ситуации из запасников берётся *чужое*, с которого снимается вуаль безразличия, ярлык не-ценности. Оно переоценивается в рамках общего процесса переоценки ценностей. В итоге оно может переместиться ближе к центру или просто в центр тезауруса и далее определять его иерархию.

Если *чужое* может содержать нечто, враждебное *своему*, а может быть потенциальным ресурсом *своего*, вести к лучшему раскрытию свойств субъекта и обновлению его средств ориентации в меняющейся окружающей среде, то *чуждое* заведомо враждебно и должно быть исключено из тезауруса. Это правило, которое вытекает из социального конструирования реальности. Иными словами, в онтологическом аспекте фрагмент реальности, относимый к *чуждому*, может ничем не отличаться от фрагментов *чуждого* и даже *своего*. Жёсткое различие идёт в аксиологическом аспекте через

установление оппозиции ценность – антиценность. *Чуждое* как антиценность несовместимо с тезаурусом (хотя в нём есть *чужое*, но оно квалифицируется как не-ценность) [4, с. 68].

Механизмы защиты тезауруса от *чуждого* основываются на его дискредитации, а в ещё большей мере – на его исключении из информационного и оценочного поля.

Тезаурус обладает «мерцающей структурностью» (устойчивость – изменчивость). Накопление событий в тезаурусе – а это не что иное, как расширение личного и/или коллективного опыта, – сокращает либо, напротив, увеличивает дистанции поддерживаемого, оставляемого без внимания и тем более – отторгаемого. Многомерность тезауруса управляется направленностью, он интенционален и способен в силу этого порождать новые связи смыслов, не обязательно требующих понимания.

Понимание феномена «путешествия» через призму тезаурусного подхода (таблица) позволяет выделить важнейшие в социокультурном смысле черты:

- путешествие – это всегда физическое, реальное перемещение в пространстве, мобильность, смена места;

- эта мобильность предполагает расставание с «домом», т. е. с повседневной средой. Бродягу, например, нельзя назвать путешественником, поскольку его «домом» является «дорога». Путешественник же всегда возвращается «домой»;

- расставание с «домом» означает перемещение в «иную» географическую, социальную, природную и культурную среду;

- эта «иная» среда воспринимается как «чужая» и, как правило, не вмещается в устоявшееся миропонимание путешественника;

- путешественник – всегда «чужестранец», т. е. чужой, притом специфически чужой. Специфика состоит в том, что он оказывается чужим на более или менее короткий отрезок времени. Он –

чужой как «не являющийся членом» (non-member) в трактовке Р. Мертона, т. е. в той мере, в какой не собирается стать членом нового сообщества;

- если путешественник достаточно долго отсутствовал «дома», то по возвращении он нередко воспринимается как «чужой» уже и своей прежней средой;

- путешественник, как правило, имеет ограниченное общение с представителями страны пребывания, хотя бы потому, что язык, иные культурные нормы поведения препятствуют более тесному контакту. И, тем не менее, путешествие расширяет и углубляет познание: путешественник смотрит, наблюдает, запоминает;

- конечно, туризм – это, прежде всего, «осмотр достопримечательностей» (sightseeing), поэтому его семиотическая функция лишь частично совпадает с понятием «путешествие»;

- туризм даже как коммерциализированное путешествие («путешествие, которое можно купить») обладает определённой аурой и в какой-то мере несёт в себе элемент «метафизического переживания» хотя бы потому, что он неотъемлем от свободного времени, освобождения от повседневной обыденности, рутины привычных социальных норм и структур и перемещения в новую экзотическую среду;

- массовый туризм несёт с собой и негативные последствия, ибо поиск мест «куда не ступала нога человека» или «культуры, не тронутой духом коммерции», в конце концов, стирает с карты и то и другое. К тому же, путешествие (туризм), несмотря на ошеломляющее количество путешествующих, является всё ещё уделом «меньшинства» человечества, главным образом, населения Западной Европы и Северной Америки.

Путешествие – деятельность всегда в некоторой степени познавательная, даже тогда, когда оно сводится к «визуальному потреблению» или коллекционированию новых чувственных ощущений (звуков, запахов, красок и т. д.).

Основания тезаурусного подхода к исследованию «путешествия»

Оси тезауруса / структурирующий принцип тезауруса	Основа / структурная связь тезауруса	Жизнедеятель- ность	Социальные дис- танции	Защитные меха- низмы тезауруса
Свой	Ценность	Актуальные практики	Ближайшее соци- альное окружение	Амбивалент- ность
Чужой	Неценность	Неактуальные практики	Отдалённое соци- альное окружение	Индифферент- ность
Чуждый	Антиценность	Неприемлемые практики	Дальнее социаль- ное окружение	Дискредитация

Путешествие – это множество социальных ролей, «взглядов», потреблений... (вариативность «много», опосредованная субъектом восприятия и конкретным «предметом» рефлексии).

Путешествие в другую цивилизацию рассматривается как важное жизненное достижение, опыт, как нечто существенное в жизни путешествующего.

Восприятие «иного» представляет собой существенный элемент рефлексии.

Чуждое для путешественников имеет много измерений:

- непохожее, иное;
- трудно перенести, «переварить» иной мир;
- отклонение от нормы;
- одиночество, отчуждение в чужой среде;
- иное восприятие времени;
- изменение элементов собственной жизни и т. д.

На основе ценностей, которые ищет путешественник в новой среде, формируется отношение к *чужой* цивилизации: от увлечённости до неприемлемости.

Амбивалентность проявляется у тех, кто разочаровался (пришлась не по вкусу реальность), чувствует «моральное» или «эстетическое» неприятие некоторых элементов *чужой* цивилизации.

Столкновение с *чуждым* – своего рода вызов для путешественников. Они

пытаются «осваивать» этот *чужой* мир. Методы ознакомления с *чуждым*:

- замкнуться в так называемом «туристическом коконе» отелей с кондиционерами, спальных вагонов, баров;
- нанять боев из местных, которые будут выполнять не только роль торговцев, охранников, переводчиков и проводников, но и роль широко понимаемых «культурных посредников»;
- установление контактов с теми из местных жителей, кто определённо выглядит «менее чужим по сравнению с другими»;
- контакты с местными представителями своей профессиональной группы;
- поиск на чужбине земляков и менее «экзотических религий»;
- поиск аналогий между «чужим» и «своим».

Пространственная мобильность населения возрастает. Исследование практики путешествий способствует не только знакомству с «чужим»/«чуждым», но и позволяет преодолевать национальные барьеры.

Библиографический список

1. Ильин В. И. Быт и бытие молодёжи российского мегаполиса: социальная структура повседневности общества потребления. – СПб. : Интерсоцис, 2007. – 388 с.

2. Ковалёва А. И., Луков В. А. Социология молодёжи: Теоретические вопросы. – М. : Социум, 1999. – 351 с.
3. Луков А. В. «Картины мира» молодёжи как результат культурной социализации в условиях становления глобальных систем коммуникации : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2007. – 17 с.
4. Луков В. А. Теории молодёжи: Междисциплинарный анализ : науч. монография. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 528 с.
5. Bauman Z. Ponowoczegne wzory osobowe // Studia socjologiczne. – W-wa, 1993. – № 2. – S. 7–31.
6. Bauman Z. Globalizacja. J co z tego dla ludzi wynika. – W-wa: PIW, 2000.
7. Cohen E. Towards a sociology of international tourism // Social research. – N.Y., 1972. – № 39. – P. 164–182.
8. Cohen E. A phenomenology of tourist experience // Sociology. – Gambridge, 1979. – № 2. – P. 179–199.
9. MacCannell D. The tourist. A new theory of leisure class. – L – Basingstoke: The MacMillan press, 1976.
10. Urry J. The tourist gaze. – L. : Sage, 2002.
2. Kovaljova A. I., Lukov V. A. Sociologija molodjzhi: Teoreticheskie voprosy. – M. : Socityum, 1999. – 351 s.
3. Lukov A. V. «Kartiny mira» molodjzhi kak rezul'tat kul'turnoj socializacii v uslovijah stanovlenija global'nyh sistem kommunikacii : avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. – M., 2007. – 17 s.
4. Lukov V. A. Teorii molodjzhi: Mezhdisciplinarnyj analiz : nauch. monografi-ja. – M. : «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2012. – 528 s.
5. Bauman Z. Ronowoczegne wzory osobowe // Studia socjologiczne. – W-wa, 1993. – № 2. – S. 7–31.
6. Bauman Z. Globalizacja. J co z tego dla ludzi wynika. – W-wa: PIW, 2000.
7. Cohen E. Towards a sociology of international tourism // Social research. – N.Y., 1972. – № 39. – P. 164–182.
8. Cohen E. A phenomenology of tourist experience // Sociology. – Gambridge, 1979. – № 2. – P. 179–199.
9. MacCannell D. The tourist. A new theory of leisure class. – L – Basingstoke: The MacMillan press, 1976.
10. Urry J. The tourist gaze. – L. : Sage, 2002.

Bibliograficheskij spisok

1. Ilin V. I. Byt i bytie molodjzhi rossijskogo megapolisa: social'naja strukturacija povsednevnosti

© Явон С. В., 2014

Politologické vědy

УДК 327.33

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В МЕЖДУНАРОДНОМ ДВИЖЕНИИ ПО ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Н. М. Ниязова

*Старший научный сотрудник,
Ташкентский государственный
институт востоковедения,
г. Ташкент, Узбекистан*

GENDER ASPECTS OF WOMEN'S PARTICIPATION IN INTERNATIONAL MOVEMENT ON ENVIRONMENTAL PROTECTION

N. M. Niyazova

*Research associate,
Tashkent state institute of Oriental studies,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. This article is an attempt to implement the interdisciplinary study of gender representation and gender participation in the protection of the environment in international relations. At the same time drawn to focus on three fundamental aspects: to identify the nature of the environment, to guarantee the rights to a healthy and favorable environment, as well as directly on the participation of women in the international environmental movement.

Keywords: environment; nature; Stockholm Declaration; the Rio Declaration; gender; gender-neutral approach; gender studies; feminism; ecofeminism; environmental information.

Современный повышенный интерес к окружающей среде – относительно новое явление, и систематическое научное исследование проблем в этой области началось не более 50 лет назад. Возникновение глобальных угроз окружающей среде, таких как изменение климата, опустынивание, исчезновение лесов Амазонки, высыхание Аральского моря и многих других, остро поставило вопрос о немедленной выработке комплекса мероприятий по сохранению и восстановлению окружающей среды.

В международных отношениях наряду с проблемами окружающей среды особую актуальность начали приобретать проблемы обеспечения гендерного равенства в национальном и международном масштабах.

В этой связи отметим, что рассмотрение системной связи проблем международной политико-правовой охраны окружающей природной среды и гендерной тематики – совершенно новое междисциплинарное направление в исследованиях по международным отношениям. Связь проблем окружающей среды и гендерных вопросов может быть указана посредством феминной принадлежности окружающей среды, когда мы говорим «матушка-земля» и т. д. Кроме того, феминистическое движение указывало на то, что деградация окружающей природной среды в настоящее время является результатом зверского отношения к природе со стороны мужчин.

Понятие «окружающая среда» (umwelt) было введено в экологическую

науку во второй половине XIX в. немецким биологом Я. Иксюлем. Данное понятие было введено «для обозначения внешнего мира, окружающего живые существа в той мере, в какой он воспринимается органами чувств и органами передвижения животных и побуждает их к определённом поведению» [17].

Во многих научных работах правильно указывается на некорректность использования понятия «окружающая среда». В словосочетании «окружающая среда» очевидна неверность или неточность, допущенная при переводе с английского языка – «environment» или немецкого – «umwelt». Этот термин «многословен и фактически безграмотен», – писал профессор Н. Ф. Реймерс, – так как слово «окружающий» требует в русском языке определения – «окружающий кого?» [19]. В литературе и практике охраны окружающей среды нередко используется словосочетание «окружающая человека среда». К примеру, так называлась Стокгольмская конференция ООН по окружающей человека среде 1972 г.

Кроме учёных, окружающей среде были даны определения рядом международных организаций. В частности, Отдел Секретариата ООН по природным ресурсам под окружающей средой понимает, например, «... целостность физической, химической и биологической среды, которую необходимо оберегать, чтобы сохранилась здоровая глобальная среда для настоящего и будущих поколений» [4].

Это определение представляется неудовлетворительным, так как, с одной стороны, не говорится о том, что окружающая среда включает и ту сферу, которая является продуктом деятельности человека, с другой стороны, делается односторонний упор только на охрану среды, следовательно, затушёвывается активный, творческий подход человека к среде, ничего не сказано о созидательном влиянии человека на среду.

По тем же причинам вызывает возмущение определение, предложенное генеральным директором Всемирной метеорологической организации: «Окружающая среда включает все физические и биологические вещества, процессы и влияния, которые прямо или косвенно существенным образом влияют на благополучие целого человеческого поколения; некоторые из них могут быть благоприятными, другие вредными; некоторые проявляются непосредственно в природе, другие являются результатом собственной деятельности человека» [25].

Наконец, приведём определение, которое предложил секретариат Стокгольмской конференции по окружающей среде: «Выражение «окружающая среда» означает те аспекты человеческой деятельности, которые своим влиянием на природные экологические системы, частью которых является человек, влияют и на его собственную жизнь и благополучие» [5].

Недостатком этого определения, по нашему мнению, является то, что в окружающей среде видят «аспект человеческой деятельности». Окружающая среда частично, но только частично, является продуктом человеческой деятельности, а не самой деятельностью и, следовательно, не может быть ни одним из её аспектов.

По нашему мнению, понятие «окружающая среда» охватывает более широкий круг элементов, связанных с условиями существования человечества. Их можно подразделить на три группы объектов: объекты живой флоры и фауны; гидросфера, атмосфера, миносфера и околоземное космическое пространство; объекты «искусственной» среды, созданной человеком в процессе его взаимодействия с природой.

Многие проблемы окружающей природной среды могут быть рассмотрены с точки зрения утверждения гендерного равенства и защиты прав чело-

века. Соотношение между проблемами охраны окружающей среды и гендерными вопросами может быть рассмотрено с двух точек зрения.

Во-первых, имплементация общепризнанных стандартов гендерного равенства может привести к более эффективной защите окружающей природной среды. Зарубежный опыт показывает, что демократические государства, обеспечивающие гендерное равенство или стремящиеся к этому, также более восприимчивы к требованиям относительно более жёстких стандартов в области охраны окружающей среды.

Во-вторых, защита гендерных прав может рассматриваться и в качестве эффективного средства достижения целей охраны окружающей природной среды. Так, загрязнение окружающей природной среды напрямую затрагивает такие права человека, как право на жизнь, право на здоровье, право на собственность и свободу информации. Соответственно, деяния, ведущие к загрязнению окружающей природной среды, могут нарушать данные общепризнанные права и свободы человека. Кроме того, как считают многие эксперты, можно говорить о возникновении основополагающего права – права человека на здоровую окружающую природную среду.

Связь между гендером и окружающей средой хотя и имеет некоторую предысторию, но всё же гендерный подход в деле охраны окружающей природной среды является относительно новым явлением в международных отношениях.

Первоначально традиционные права человека, такие как право на жизнь и право на собственность, не предполагали защиты окружающей природной среды и права человека на здоровую окружающую среду. Использование этих прав для природоохранных целей предполагает новое расширительное толкование устоявшихся понятий или создание новых. Действительно, можно утверждать, что право на жизнь и пра-

во на здоровье может быть нарушено в ситуациях, когда государство не предотвращает выброс высокотоксичных веществ в атмосферу. Если международные органы по защите прав человека (например, Европейский суд по правам человека Совета Европы, Суд по правам человека Африканского союза, Суд по правам человека Организации американских государств или Суд Европейского Союза) воспринимают широкую интерпретацию права на жизнь, то такие органы могут стать важными инструментами в деле защиты экологических прав в гендерном разрезе и окружающей среды в наиболее широком аспекте.

Вопрос о новом праве на здоровую окружающую природную среду более сложен. Прежде всего, встаёт вопрос о точном определении экологических прав. Можно говорить о «здоровой», «чистой», «удовлетворительной», «благоприятной» и так далее окружающей среде. Некоторые конституции провозглашают право на определённый уровень окружающей среды. Так, например, Конституция Российской Федерации 1993 г. провозглашает, что каждый в Российской Федерации имеет право на благоприятную окружающую среду [11].

В настоящий период одно из фундаментальных и всеобъемлющих субъективных прав человека и гражданина – право на благоприятную окружающую среду предусмотрено конституциями множества зарубежных стран (например, в Конституции Португалии 1976 г., Испании 1978 г., Турции 1982 г., Бразилии 1988 г. и др.).

В ч. 1 ст. 45 Конституции Испании 1978 г. говорится, что «все имеют право пользоваться окружающей средой, подходящей для развития личности, а равно обязаны охранять её», а ч. 3 этой же статьи предусматривается установление уголовной и административной ответственности для лиц, нанёсших ущерб окружающей среде, с возложением на них обязанности возместить

его. Близкое к испанской конституции положение содержится в ст. 55 новой Конституции Болгарии: «Граждане имеют право на здоровую и благоприятную окружающую среду в соответствии с установленными стандартами и нормативами. Они обязаны беречь окружающую среду» [10].

В соответствии с Конституцией Грузинской Республики, «все имеют право жить в безвредной для здоровья окружающей среде, пользоваться природной и культурной средой, получать полную, объективную и своевременную информацию о состоянии среды его обитания и условий труда» [12].

Конституция Украинской Республики от 28 июня 1996 г. признаёт право своих граждан на «безопасную для жизни и здоровья окружающую среду и на возмещение причинённого нарушением этого права ущерба». Кроме того, «каждому гарантируется право свободного доступа к информации о состоянии окружающей среды, о качестве пищевых продуктов и предметов быта, а также право на её распространение» [13]. С правом граждан соотносится обязанность государства «обеспечивать экологическую безопасность и поддерживать экологическое равновесие на территории Украины, преодолевать последствия Чернобыльской катастрофы, сохранять генофонд украинского народа» [14].

Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. гласит, что «государство ставит целью охрану окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека» [15].

Законодательная защита права граждан, лиц без гражданства, а также иностранцев, находящихся на территории Республики Узбекистан, на благоприятную для их жизни и здоровья окружающую среду было предусмотрено ст. 12 Закона Республики Узбекистан «Об охране природы» от 9 декабря 1992 г., которая гласит: «Жители Республики Узбекистан имеют право на про-

живание в благоприятной для их здоровья и здоровья будущих поколений природной среде, охрану здоровья от неблагоприятных воздействий окружающей среды» [18].

На международном уровне достижение консенсуса относительно уровня защиты окружающей природной среды с точки зрения гендерного равенства – более сложный процесс. До настоящего времени нет общепризнанного стандарта в этой области. В то же время некоторые региональные документы по правам человека содержат нормы относительно права человека на благоприятную окружающую среду. Первым таким документом стала Африканская Хартия прав человека 1981 г., которая признала право народов на «общую удовлетворительную окружающую среду, способствующую их развитию» [21], хотя в этом документе нельзя проследить чёткой гендерной направленности.

На универсальном уровне поиски общеприемлемого определения права на благоприятную окружающую среду продолжаются. Несмотря на определённые трудности, можно сказать, что имеется явная тенденция к признанию основополагающего права человека на удовлетворительную окружающую среду. Так, Принцип 1 Стокгольмской Декларации по окружающей человека среде 1972 г. устанавливает, что «человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь» [22]. Принцип 1 Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г. провозглашает, что «люди имеют право жить в добром здравии и плодотворно трудиться в гармонии с природой» [3]. В этом отношении Декларация Рио, по сравнению со Стокгольмской Декларацией, сделала явный шаг вперёд, т. к. в ней говорится, что «люди ...», тогда как в первом – «человек ...». В этом смысле

термин «люди» – «people» в сравнении с термином «человек» – «human or man» является гендерно-нейтральным понятием и не допускает односторонних толкований, т. к. термин «человек» имеет мужской корень.

В настоящее время право на здоровую окружающую среду приобретает гендерный аспект, вытекающий главным образом из занимаемого социального положения женщины и мужчины. Как показывает статистика, число обращений женщин и мужчин с требованием защиты своих экологических прав составляет один к десяти, т. е. на десять обращений мужчин приходится одно обращение женщины. В Республике Узбекистан в деле охраны окружающей среды доля женщин, как в государственном, так и в негосударственном (неправительственном) секторах составляет менее 3–7%, тогда как в Европе, например, в Швеции, данные показатели равняются 65–69,5%. Также в США, Германии и в некоторых других странах природоохранные организации возглавляются и в большей части состоят из женщин, хотя это тоже порождает гендерный дисбаланс.

Начиная со второй половины XX века, в Европе и Америке начало формироваться общественное движение, в большей части состоящее из женщин, которые выходили с лозунгами по защите окружающей среды, которое уже к семидесятым годам оформилось в движение экологического феминизма (экофеминизм). С одной стороны, это было стремление женщин преодолеть «стеклянный потолок» (завуалированная дискриминация) в экологическом движении, т. к. гендерный стереотип сформировал достаточно разительные формы участия мужчин и женщин в этом важнейшем социальном движении двадцатого века [7].

Первой неправительственной некоммерческой экофеминистской организацией явилась Ecofeminist Visions Emerging (EVE), которая возникла

в 1991 г. в Нью-Йорке (США). EVE обозначила в экологическом движении с позиций радикального феминизма следующие проблемы: восприятие земли как женского начала в самой природе, особую роль женщины по охране окружающей среды матери-земли, философско-экологическое образование для девушек и женщин с использованием технологий психоанализа и дианетики [6].

Возникновение EVE и ряда других женских НПО в сфере охраны и защиты окружающей среды усилило женское участие по данным вопросам и институционализировало экофеминизм.

Согласно экофеминисткам, «природа – это феминистская проблема» – утверждает К. Уоррен [8]. Такая позиция экофеминисток вполне объяснима, т. к. социальное генерирование природы привязано именно к женскому началу, в связи с чем в науке считается устоявшимся словосочетание «мать-природа».

Экофеминизм вводит проблематику *пола/гендера* в экологию: он основывается на утверждении, что потребительское отношение к природе и притеснение женщин в культуре тесно взаимосвязаны. Экофеминизм подчёркивает богатство отношений женщин как к природе, так и к обществу, поэтому он приобрёл распространение в самых различных областях знаний и в различных контекстах: от экономики до спиритуализма, от прав животных до прав человека. Экофеминистки рассматривают женщин в качестве силы, играющей ключевую роль в переходе к стабильному миру [2].

Для экофеминизма природный мир является таким же живым, как и любые живые существа. С точки зрения представителей экофеминизма, развитие человечества немыслимо в отрыве от природы. Любое социальное развитие непосредственно влияет на экологию, на природу. С этой точки зрения приспособление природы под общественные нужды, под нужды общественного

прогресса должно учитывать и потребности самой природы в бережном отношении. Не зря во многих международных договорах и конвенциях утверждается постулат об удовлетворении потребностей настоящего и будущих поколений, имея в виду сохранение окружающей природной среды для будущего.

Размеры и влияние экофеминизма зависят от того, как широко его толковать. Узкое определение охватывает тех женщин (и мужчин), которые открыто идентифицируют себя как экофеминисты. Многие из них являются учёными, стремящимися утвердить его и как вид научной деятельности, и как движение. Широкое определение экофеминизма включает всех женщин (и мужчин), которые проводят кампании по вопросам окружающей среды, даже если феминистские или экофеминистские убеждения ими специально не подчёркиваются [8].

Экофеминизм как идеологическое движение и теоретическое направление в международном движении по охране окружающей среды возник в начале 70-х годов XX века во Франции и США, а затем распространился и в других странах.

В 1974 г. французская исследовательница Франсуа Дюбон (именно с её именем связывается появление самого слова «экофеминизм») призвала женщин к экологической революции во имя спасения жизни на земле. Она попыталась доказать, что мужской контроль над производством и женской сексуальностью приводит к двойному кризису: во-первых, к разрушению окружающей среды посредством сверхприбыльного производства, и, во-вторых, к демографическому кризису посредством искусственного манипулирования процессом рождаемости [24]. Очевиден факт влияния идей Ф. Дюбон на всё последующее развитие экофеминизма. Она коснулась ряда вопросов, которые стали центральными для экофеминистского движения: кризис современности как экологиче-

ский счёт, предъявленный прогрессу; критика патриархальной системы как причины этого кризиса; призыв к женщинам и мужчинам, разделяющим идеи экофеминизма, добиваться социальных и экологических изменений [2].

Хотя экофеминизм появился в разных странах приблизительно в одно и то же время, США доминировали на ранних этапах развития экофеминистского мышления. Например, в 1974 г. была проведена первая конференция в мире на тему «Женщина и окружающая среда» в Калифорнийском университете, Бэркли [20].

В течение последних сорока лет экофеминизм разработал чёткую и очень ценную теоретическую перспективу связей между обществом и его природным окружением. Поэтому в настоящее время мы говорим об окружающей среде в целом, а не об окружающей природной среде в частности. В пример можем указать то, что в рамках экофеминизма соединились воедино элементы феминистского движения и движения «зелёных».

В конце двадцатого столетия в экофеминизме сформировалось несколько течений, которые вкратце могут быть охарактеризованы следующим образом.

Представители либерального экофеминизма считают опасным утверждение, что биологическое разделение по половому признаку и социальное разделение людей по гендерному признаку связано с природными, биологическими особенностями мужчин и женщин. С точки зрения либеральных экофеминисток ассоциирование женщин с природой является тем побуждающим мотивом, который ведёт как науку, так и практику, к регрессу.

С точки зрения либеральных экофеминисток женщины оказались противоправно отстранёнными от выполнения равной с мужчинами роли в общественно-политической жизни. Исходя из этого, на практике либеральный экофе-

минизм выступает за универсальную гуманистическую направленность экологических программ, сближающих все женские движения.

Представительницы спиритуалистического экофеминизма придерживаются того мнения, что специфическую женскую духовность можно постичь лишь путём провозглашения ценности старых форм мудрости. Это должно обеспечить основу для усиления женщин вне патриархального контроля, который стремился стереть эти формы знания и опыта из памяти [9].

Спиритуалистический экофеминизм основывается на идеях древних верований, в особенности на религиозных верованиях коренных народов Америки, Австралии и Новой Зеландии.

Социальный экофеминизм основывается на признании социально-экономического неравенства и вытекающей из него системы доминирования мужчин в современном обществе. Представительницы социального экофеминизма утверждают, что, просто переделав результаты неравенства, мы не изменим нашей социальной реальности. Доминирование над природой и женщиной возникает в обществе и, следовательно, также в обществе должно разрешаться. Поэтому социальные экофеминистки предлагают решать корневые, сущностные проблемы, а именно решение социально-экономического неравенства, путём широкого вовлечения женщин в процесс разработки и принятия политических решений, в частности, по вопросам охраны окружающей среды.

Радикальный экофеминизм теоретически базируется на биоцентризме, выдвигая в качестве единственной природообразующей, а, следовательно, и природоохранной силы только один пол – женский. Представители радикального экофеминизма ратуют за всеобщую переоценку ценностей с позиций глобального утверждения женского (феминного) начала к полной пе-

реоценке существующих маскулинных ценностей.

Радикальные экофеминистки апеллируют последствиями экологических кризисов и катастроф для женщин. К примеру, во время войны в Кувейте в 1991 г. иракскими военными было подожжено более 2000 нефтяных скважин. Также радикальный феминизм выступает против политики глобализма, обнаруживая в нём устремление мужчин в дискриминации женщин. Представители радикального феминизма борются за повышение роли женщин в разрешении экологических проблем и повышении приоритета роли женщин в управлении окружающей средой. Ярким примером радикального феминизма могут являться отдельные выступления украинской феминистической группы Femep в защиту окружающей среды.

Ещё одним направлением экофеминизма выступает функциональный экофеминизм, являющийся самым молодым движением в ряду экофеминизма, который зародился только в конце девяностых годов двадцатого века. Представители функционального экофеминизма ратуют за гармоничное развитие полов в согласии с природой, отстаивая общечеловеческие и национальные ценности и приоритеты в экологии.

По нашему убеждению, сходств между разновидностями экофеминизма больше, чем расхождений. Глубинным сходством выступает экофеминизм, а поверхностные отражения предстают как риторические расхождения.

Исходным теоретическим делением в экофеминизме – как и в гендерных исследованиях вообще – было деление понятий «пол» (то, что относится к биологическим характеристикам) и «гендер» (то, что относится к социальным характеристикам). Позже данная теоретическая модель в методологии гендерных исследований видоизменилась: в частности, стало утверждаться, что пол, подобно гендеру, должен рассматриваться

в большей степени как социально сконструированный, чем биологически данный [1].

По нашему мнению, задача экофеминизма не в том, чтобы изменить сознание, переписать теологию, переистолковать историю. Культура и сознание сами являются только реализацией последствий социальной системы, а трансформация сознания является вспомогательным средством борьбы за экологические изменения, вплетённые в сложную систему социальных, технических, технологических и межличностных отношений.

Таким образом, можем подытожить, что активизация женского участия в деле защиты и охраны окружающей среды вылилась в возникновение отдельного научного и практического движения – экофеминизма.

В XXI веке экофеминизм шагнул далеко вперёд, оставив намного позади теоретическую начинку, созданную в 70–80-х годах XX века. В настоящее время экофеминизм выступает самостоятельным междисциплинарным направлением в научно-теоретических изысканиях. Для убедительности можем отметить учебный курс «Экофеминизм: юстиция, экология и гендер», читаемый в Колледже Дикинсона (Карлисл, Пенсильвания, США) в осеннем семестре.

Вместе с тем необходимо указать и тот факт, что женское участие в деле охраны окружающей среды не ограничивается только лишь рамками экофеминизма. Действительно, экофеминизм является главенствующим теоретическим и прикладным направлением в деле активизации женского участия в деле охраны окружающей среды. Но женское участие в данном процессе более ёмкое и намного шире. Это могут быть и разовые акции, и системные действия, которые вовсе не связаны напрямую с какими-либо отдельными направлениями экофеминизма. Например, достижение представительского

паритета в национальных парламентах и правительствах между мужчинами и женщинами доказанно ведёт к более лучшей защите окружающей среды, нежели при диспропорциях в представительстве мужчин и женщин. Примером может являться опыт стран Северной Европы – Швеции, Дании и Норвегии, где обеспечено равное представительство мужчин и женщин в национальных парламентах и правительствах, следствием чего явилось введение гендерной и экологической экспертизы принимаемых законов и политических решений.

Хотя некоторые эксперты ставят под сомнение плодотворность признания общего права на здоровую окружающую среду и наличие гендерного аспекта в данном праве [26], использование гендерных аспектов для целей защиты окружающей среды имеет важные преимущества. Основное преимущество заключается в том, что в области защиты прав человека, включая и гендерные права, имеется целый ряд универсальных и региональных международных органов, разрешающих споры в области прав человека. К сожалению, подобные органы не созданы для целей рассмотрения экологических споров, не говоря уже о гендерных аспектах охраны окружающей среды. Поскольку в области прав человека уже имеется разветвлённая структура органов по рассмотрению споров и жалоб, природоохранные проблемы в гендерном разрезе могут быть рассмотрены и разрешены такими органами, по крайней мере, в той степени, в которой они связаны с общепризнанными правами человека.

Следует, однако, иметь ввиду определённые проблемы, возникающие в связи с использованием органов по защите прав человека (Европейский суд по правам человека, Суд по правам человека Организации американских государств, Совет (ранее Комитет – прим. авт.) ООН по правам человека, Управление Верховного комиссара

ООН по делам беженцев, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека) или неспециализированных по таким делам судебных учреждений (Суд ЕС или Международный Суд ООН) для целей защиты окружающей среды.

Во-первых, экологические проблемы, как правило, требуют принятия весьма сложных технических стандартов, которые отражают специфику той или иной проблемы и сложные вопросы взаимодействия человека и природы. Общие стандарты гендерного равенства по своему характеру не могут отразить все нюансы природоохранных стандартов и норм. Следует иметь ввиду также то, что разрешение природоохранных споров зачастую требует знания и анализа многочисленных технических аспектов соответствующих экологических проблем. К сожалению, как глобальные, так и региональные органы по защите прав человека всё ещё не обладают необходимыми знаниями и опытом для разрешения подобных проблем.

Во-вторых, необходимо иметь ввиду то, что экологические проблемы зачастую коренятся в сложных взаимоотношениях между интересами экономического развития и интересами охраны окружающей среды. Поиски баланса между этими интересами предполагают взаимные уступки и компромиссы. Экологические притязания, выдвинутые в форме притязаний на гендерное равенство, по своей природе не предполагают учёта таких факторов, как биологические различия, социальные особенности мужчины и женщины, распределение благ и негативных последствий экономической деятельности между мужчиной и женщиной.

Несмотря на указанные трудности, практика показывает, что международные судебные органы и учреждения становятся важными инструментами для достижения как гендерных целей, так и целей охраны окружающей среды. Число экологических обращений в эти ор-

ганы растёт. Европейский суд по правам человека уже вынес ряд решений, признающих значение гендерного равенства в области окружающей среды. Сторонники защиты окружающей среды также обращаются в Совет ООН по правам человека или в Управление Верховного комиссара ООН по правам человека.

В этом смысле весьма примечательным является дело Лопез Остра против Испании, рассмотренное Европейским судом по правам человека [16]. По данному судебному делу гражданин Испании Лопез Остра подала иск в Европейский суд по правам человека против правительства Испании, обвинив его в нарушении ст. 8 Европейской конвенции о правах человека и гражданина.

Европейский суд установил, что сильное загрязнение окружающей среды может затронуть благополучие частных лиц и создавать препятствия в отношении владения их жилищем, что, в свою очередь, негативно скажется на их личной и семейной жизни, даже в ситуациях, когда отсутствует серьёзная угроза их здоровью.

В соответствии с вышеизложенным, и, несмотря на определённые пределы усмотрения, предоставленные государству-ответчику, суд приходит к выводу, что государство не обеспечило справедливый баланс между экономическими интересами города, а именно интересом в отношении предприятия по очистке отходов и соблюдением права заявителя в отношении её жилища и её личной и семейной жизни. Соответственно была нарушена статья 8 Европейской Конвенции.

Таким образом, необходимо отметить, что международными механизмами, как институциональными, так и конвенционными, обеспечиваются равенство полов в деле охраны окружающей среды, но это ни в коей мере не означает, что предпочтительными являются международные, а не национальные механизмы. Просто международные механизмы дополняют

национальные, а в некоторых случаях выступают альтернативой национальным, таким образом, и международные, и национальные механизмы взаимобогащаются, и это помогает в обеспечении гендерного равенства в деле охраны окружающей среды.

Таким образом, можно выдвинуть следующие концептуальные соображения:

во-первых, в современных международных отношениях сформировался новый принцип – право человека на здоровую (благоприятную) окружающую среду;

во-вторых, в конституциях и законах большинства государств закреплено право человека на здоровую и благоприятную окружающую среду;

в-третьих, в современных международных отношениях сформировался принцип доступа людей к информации, участия общественности в процессе принятия решений и доступа к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды;

в-четвёртых, в дело международной политико-правовой защиты и охраны окружающей среды всё больше вовлекаются женщины, что может быть аргументировано примером активизации экофеминизма;

и, в-пятых, по нашему мнению, расширение участия женщин в международной политико-правовой охране окружающей среды как на уровне подготовки, принятия и реализации политических решений, так и на уровне осуществления практических действий может положительно сказаться как на защите и охране окружающей среды на национальном и международном уровнях, так и на продвижении гендерного равенства на национальном и международном уровнях.

Библиографический список

1. Батлер Дж. Проблема гендера. – Лондон: Рутледж, 1990. – С. 76.
2. Гендерная проблематика в экологии. URL: // <http://ecofeminism.noblogs.org> /гендерная-проблематика-в-экологии / (дата обращения: 12.02.2014).
3. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г. // Действующее международное право / сост. Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. В 3 т. Т. 3. – М.: Изд-во МНИМП, 1999. – С. 688.
4. Документ ООН E/C/7/2/ADD.9, 17.2.1972 // В кн. Организация Объединённых Наций. Сборник документов. – М.: Наука, 1981.
5. Документ ООН A/Conf. 48PC.8, 09.12.1970 // В кн. Организация Объединённых Наций. Сборник документов. – М.: Наука, 1981.
6. Земля-мать. URL: // <http://www.evrolink.org/orgs/eve> (дата обращения: 4.09.2012).
7. Искендерова С., Касумова Е., Кондратьев С. Экофеминизм: актуальные информационные ресурсы гендерных проблем экологии. – Баку, 2002. – С. 36.
8. Карен Дж. Уоррен. Экофеминизм: Женщины, культура, природа. – Блумингтон: Индиана Университи Пресс, 1997.
9. Крист К. П., Пласкоу Ж. Рост женского духа. – Нью Йорк: Харпер Коллинз, 1992. – С. 87.
10. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Т. 1. / отв. ред. Б. А. Струшин. – М., 1995. – С. 158–159.
11. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.). Ст. 42.
12. Конституция Грузии. Ст. 37 / Конституции стран СНГ. – Алматы: Жети Жаргы, 1999. – С. 112–113.
13. Конституция Украины. Ст. 50 / Конституции стран СНГ. – Алматы: Жети Жаргы, 1999. – С. 375.
14. Конституция Украины. Ст. 16 / Конституции стран СНГ. – Алматы: Жети Жаргы, 1999. – С. 365–366.
15. Конституция Республики Казахстан. Г. 1. Ст. 31 / Конституции стран СНГ. – Алматы: Жети Жаргы, 1999. – С. 166.
16. Лопез Остра В. Спейн (1990). – Люксембург: ЕСПЧ (Европейский суд по правам человека), 1990.
17. Нескромный В. От «философии вражды» к «философии взаимозависимости» // Зелёный мир. – 1995. – № 20. – С. 14.
18. Об охране природы: Закон Республики Узбекистан от 9 декабря 1992 г. (с изменениями). Ст. 12.
19. Реймерс Н. Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. – М., 1994. – С. 13.
20. Розмари Рэдфорд Рутер. К природе экофеминистической теории // Заживание ран: Обещание экофеминизма / под ред. Джудит Планта. – Лондон: Грин Принт, 1989.

21. Сборник международных договоров. Том II (часть вторая): Региональные документы. Организация Африканского единства. – ООН, Нью-Йорк, Женева, 1994. – С. 134.
22. Стокгольмская Декларация по окружающей среде 1972 г. // Действующее международное право / сост. Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. В 3 т. Т. 3. – М.: Изд-во МНИМП, 1999. – С. 684.
23. Уолкер Э. Общество и гендер. – Нью-Йорк, 2001.
24. Франсуа Д'Обонн. Феминизм или смерть // Новый французский феминизм: Антология / под ред. Элейн Марс и Изабелл де Коуртиров. – Массачусетс: Университет Массачусетс, 1980.
25. Циркуляр секретариата Конференции ООН по окружающей среде EC/114/23/1-3-3/, 21.12.1970 // В кн. Организация Объединённых Наций. Сборник документов. – М.: Наука, 1981.
26. Чарли Р. Экологическое право, права человека и гендер. – Л., 1990.
10. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zaru-bezhnyh stran. T. 1. / otv. red. Strashun B. A. – M., 1995. – S. 158–159.
11. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prin-jata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrja 1993 g.). St. 42.
12. Konstitucija Gruzii. St. 37 / Konstitucii stran SNG. – Almaty: Zheti Zhargy, 1999. – S. 112–113.
13. Konstitucija Ukrainy. St. 50 / Konstitucii stran SNG. – Almaty: Zheti Zhargy, 1999. – S. 375.
14. Konstitucija Ukrainy. St. 16 / Konstitucii stran SNG. – Almaty: Zheti Zhargy, 1999. – S. 365–366.
15. Konstitucija Respubliki Kazahstan. G. 1. St. 31 / Konstitucii stran SNG. – Almaty: Zheti Zhargy, 1999. – S. 166.
16. Lopez Ostra V. Spejn (1990). – Ljuksemburg: ESPCh (Evropejskij sud po pravam cheloveka), 1990.
17. Neskromnyj V. Ot «filosofii vrazhdy» k «filosofii vzaimozavisimosti» / Zeljonyj mir. – 1995. – № 20. – S. 14.
18. Ob ohrane prirody: Zakon Respubliki Uzbekistan ot 9 dekabrja 1992 g. (s izmenenijami). St. 12.
19. Rejmerns N. F. Jekologija. Teorii, zakony, pravila, principy i gipotezy. – M., 1994. – S. 13.
20. Rozmari Rjedford Ruter. K prirode jekofeministicheskoy teorii // Zazhivlenie ran: Obeshhanie jekofeminizma / pod red. Dzhudit Plant. – London: Grin Print, 1989.
21. Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov. Tom II (chast' vtoraja): Regional'nye dokumenty. Organizacija Afrikanskogo edinstva. – OON, N'ju-Jork, Zheneva, 1994. – S. 134.
22. Stokgol'mskaja Deklaracija po okružhajushhej cheloveka srede 1972 g. // Dejstvujushhee mezhdunarodnoe pravo / sost. Ju. M. Kolosov i Je. S. Krivchikova. V 3 t. T. 3. – M.: Izd-vo MNIMP, 1999. – S. 684.
23. Uolker Je. Obshhestvo i gender. – N'ju Jork, 2001.
24. Fransua D'Obonn. Feminizm ili smert' // Novyj francuzskij feminizm: Antologija / pod red. Jelejn Mars i Izabell de Kourtivrov. – Massachusets: Universitet Massachusets, 1980.
25. Cirkuljar sekretariata Konferencii OON po okružhajushhej srede ES/114/23/1-3-3/, 21.12.1970 // V kn. Organizacija Obedinjonnyh Nacij. Sbornik dokumentov. – M.: Nauka, 1981.
26. Charli R. Jekologicheskoe pravo, prava cheloveka i gender. – L., 1990.

Bibliograficheskij spisok

1. Batler Dzh. Problema gendera. – London: Rutledzh, 1990. – S. 76.
2. Gendernaja problematika v jekologii. URL: // <http://ecofeminism.noblogs.org/gendernaja-problematika-v-jekologii/> (data obrashhenija: 12.02.2014).
3. Deklaracija Rio-de-Zhaneiro po okružhajushhej srede i razvitiju 1992 g. // Dejstvujushhee mezhdunarodnoe pravo / sost. Ju. M. Kolosov i Je. S. Krivchikova. V 3 t. T. 3. – M.: Izd-vo MNIMP, 1999. – S. 688.
4. Dokument OON E/C/7/2/ADD.9, 17.2.1972 // V kn. Organizacija Ob#edinjonnyh Nacij. Sbornik dokumentov. – M.: Nauka, 1981.
5. Dokument OON A/Conf. 48PC.8, 09.12.1970 // V kn. Organizacija Ob#edinjonnyh Nacij. Sbornik dokumentov. – M.: Nauka, 1981.
6. Zemlja-mat'. URL: // <http://www.evrolink.org/orgs/eve> (data obrashhenija: 4.09.2012).
7. Iskenderova S., Kasumova E., Kondrat'ev S. Jekofeminizm: aktual'nye informacionnye resursy gendernyh problem jekologii. – Baku, 2002. – S. 36.
8. Karen Dzh. Uorren. Jekofeminizm: Zhenshhiny, kul'tura, priroda. – Bljumington: Indiana Juniversiti Press, 1997.
9. Krist K. P., Plaskou Zh. Rost zhenskogo duha. – N'ju Jork: Harper Kollinz, 1992. – S. 87.
10. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zaru-bezhnyh stran. T. 1. / otv. red. Strashun B. A. – M., 1995. – S. 158–159.
11. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prin-jata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrja 1993 g.). St. 42.
12. Konstitucija Gruzii. St. 37 / Konstitucii stran SNG. – Almaty: Zheti Zhargy, 1999. – S. 112–113.
13. Konstitucija Ukrainy. St. 50 / Konstitucii stran SNG. – Almaty: Zheti Zhargy, 1999. – S. 375.
14. Konstitucija Ukrainy. St. 16 / Konstitucii stran SNG. – Almaty: Zheti Zhargy, 1999. – S. 365–366.
15. Konstitucija Respubliki Kazahstan. G. 1. St. 31 / Konstitucii stran SNG. – Almaty: Zheti Zhargy, 1999. – S. 166.
16. Lopez Ostra V. Spejn (1990). – Ljuksemburg: ESPCh (Evropejskij sud po pravam cheloveka), 1990.
17. Neskromnyj V. Ot «filosofii vrazhdy» k «filosofii vzaimozavisimosti» / Zeljonyj mir. – 1995. – № 20. – S. 14.
18. Ob ohrane prirody: Zakon Respubliki Uzbekistan ot 9 dekabrja 1992 g. (s izmenenijami). St. 12.
19. Rejmerns N. F. Jekologija. Teorii, zakony, pravila, principy i gipotezy. – M., 1994. – S. 13.
20. Rozmari Rjedford Ruter. K prirode jekofeministicheskoy teorii // Zazhivlenie ran: Obeshhanie jekofeminizma / pod red. Dzhudit Plant. – London: Grin Print, 1989.
21. Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov. Tom II (chast' vtoraja): Regional'nye dokumenty. Organizacija Afrikanskogo edinstva. – OON, N'ju-Jork, Zheneva, 1994. – S. 134.
22. Stokgol'mskaja Deklaracija po okružhajushhej cheloveka srede 1972 g. // Dejstvujushhee mezhdunarodnoe pravo / sost. Ju. M. Kolosov i Je. S. Krivchikova. V 3 t. T. 3. – M.: Izd-vo MNIMP, 1999. – S. 684.
23. Uolker Je. Obshhestvo i gender. – N'ju Jork, 2001.
24. Fransua D'Obonn. Feminizm ili smert' // Novyj francuzskij feminizm: Antologija / pod red. Jelejn Mars i Izabell de Kourtivrov. – Massachusets: Universitet Massachusets, 1980.
25. Cirkuljar sekretariata Konferencii OON po okružhajushhej srede ES/114/23/1-3-3/, 21.12.1970 // V kn. Organizacija Obedinjonnyh Nacij. Sbornik dokumentov. – M.: Nauka, 1981.
26. Charli R. Jekologicheskoe pravo, prava cheloveka i gender. – L., 1990.

© Нуязова Н. М., 2014

Empirický a aplikovaný výzkum

Technické vědy

UDC 66.002.8 (5751)

GOSSIPOL RESIN – ONE OF THE COMPONENT OF ASPHALTIC CONCRETE MIXTURE

R. O. Dushanov
I. K. Togaev

*Candidate of Technical Sciences,
chief engineer,
Tashkent Automobile and Road Institute,
UzYulMashService Plant,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. In this article the physical and chemical qualities of the gossypol resin and its main qualities in components also, its usage purposes in the Republic of Uzbekistan are described. Furthermore, gossypol resin with its qualities is close to bitumen and evidently it could be used as bitumen or with bitumen in asphaltic concrete mixtures and in producing other materials. Together with the transition to a market economy of Uzbekistan, when the problem of the scarcity of imported raw materials increasingly affects the sphere of production, it is necessary to use local raw materials and waste products. So, this article mainly focuses on the above mentioned issues and its possible solutions.

Keywords: acid; amyrrin; asphalt; bitumen; creamery; cotton soap stock; formaldehyde binder; gossypol resin; phenol; raw material; resin; surfactant; stable; waste products.

It is known that the surfactant based on gossypol resin (waste of creameries) Kompozit-10 is environmentally friendly, stable, fireproof, water-soluble, homogeneous and is used as intensifier resin in production of cement and limestone and grease for concrete formwork. Technology of production of Kompozit-10 is mastered from reachable initial components and availability them in our country [1–4].

It has the following properties: density up to 20 % – 1,022; dry residue 23,3 %; viscosity on B34 – 52, pH ~ 7–8 on GOST.

Before determining properties of binder based on urea-formaldehyde resin, it was

preceded studying of the individual properties of modified gossypol resins.

As it is known, creameries of the Republic of Uzbekistan make distillation of fatty acids extracted from cotton soap stock by periodic or continuous distillation plants. During this process, anhydrous resin containing minimal amount of fatty acid is formed. Gossypol resin of Yangiyl (district in Uzbekistan) creamery due to the difficulty of wringing fatty acids is with a lower degree of polymerization and with higher content of fatty acid*. Various properties of the various batches of gossypol depend on strength of distillation of fatty

acids from cotton soap stocks and mainly from temperature conditions of process.

In purpose of study of the properties of gossypol resins some samples were obtained from various resins of Uzbekistan creameries, it was determined that it is homogeneous thick-flowing mass of black specific odor of cottonseed oil. It contains up to 96,1% of dry substances, 3,0% of moisture and other volatiles and 0,3–1,0% ash. Total lipids are contained up to 83,0% unsaponifiables – up to 25%, fatty acids – up to 17%, nitrogen compounds – 1%, rosin 1%. Gossypol resin also contains phospholipids, triglyceride, and stearin – up to 2%, tocopherols – 400 mg/l. The study of fractional composition of gossypol resin showed that it consists of frac-

tions: unsaponifiable, fatty acid and phenol. Each individually fraction provides to polymeric materials some special property. High viscosity of gossypol resin may prevent the introduction of binder inside during technological process. Therefore, to reduce the viscosity it should be dissolved in organic solvents. There are many solvents of gossypol resin: acetone, benzene, alkaline solutions of and others. Acetone and gasoline are high flammable and alkali negative effect on hardening rate of modified binder.

Therefore, for dissolution of the gossypol resin we chose white spirit it is cheap, quick and not deficient solvent. The composition of the individual fractions of gossypol resins is given in Table.

Fraction	Fraction content	Extraction, % in mass of gossypol resin	Color and type
Fatty acid part	Fatty acids C_{16} - C_{18} lactones and polymeric acids	51–56	Black oily substance
Unsaponifiable part	Hydrocarbons C_{27} , C_{28} C_{33} , alcohol, amyrin and vitamin E	20–24	Dark brown
Phenolic part	Phenols	21–28	From brown to dark brown

As a result of studies of effecting temperature on the viscosity of gossypol resin it was found that the most optimum temperature is 20–30°C. Further increasing leads to decreasing viscosity. In the IR spectra of various gossypols of creameries the degree of absorption changes in the areas 1680, 1350, 1000–1490–1, which is caused by the presence of C-O-COOH and C-OH groups. This is due to different level of polymerization of derivatives of gossypol fatty acids or other similar processes occurring during distilling fatty acids extracted from cotton soap stock.

Thus, the above data shows that composition of gossypol resin includes in active

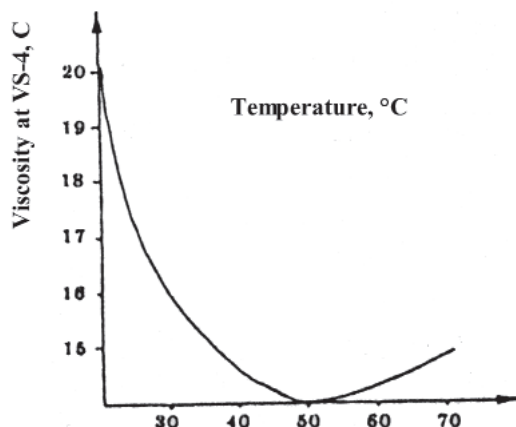
functional groups such as N-O, COOH, C-OH, and nitrogen compounds. In the time of introduction of gossypol resin into polymer composition the row of its key indicators may increase.

The optimum working parameter is 50% of concentrated gossypol resin when the dry matter content will fluctuate in range of 46–47%.

To determine the optimal time and temperature of modifications it was chosen following values of initial factors: duration 60, 120, 180, 240 min; the reaction is 60, 60, 70°C. temperature hardening time is determined in accordance GOST 14231–78 at 100°C and different content of modifier.

Temperature, °C, Viscosity on V3-4, Sec
An influence of temperature on viscosity of gossypol resin solution (gossypol resin concentration is 50 %). the strength of the water-repellent properties of the cured binder carbamide formaldehyde binder.

In the course of experiments it was determined the optimal conditions for modification: 180 min, 60°C. The most optimal composition of substance – 10 % of gossypol resin content, at which the maximum rate of hardening is reached. Increasing hardening rate due to the introduction of the modifier leads to the active influence of the functional groups of the two resins.

The main requirements to the binder are vitality and strength. Thus during the study the ratio of resin and modifier is 00:10 C2 % N₄OH using ammonium chloride as a hardener due to with the best properties under normal hardening. To compare the results control samples were cured (without a modifier). The experimental results showed that during temperature range the provided sample hardened almost two times faster. If at 100°C, the curing time of the proposed and reference

samples was, respectively, 00 and 100 sec, and at 160°C reached 19 and 45 sec., and at 200°C – 15 and 25 sec. Therefore, these studies have confirmed that the introduction of gossypol resin leads to reducing curing time of binder.

For experiments it was prepared binders with different content of gossypol resin. The results showed that the adhesion of resin reached 4,8–5 MPa, while adding 10 % – 5,8–6 MPa if it was introduced more than 10 % of gossypol resin into reference sample of resin [2].

Thus, the modifier introduced into the carbamide formaldehyde resin interacting with the resin increases its molecular mass and strength of curing, and it was confirmed by the results of experiments. The data of studies have confirmed that gossypol resin by properties is close to bitumen used in the production of asphalt mix. Therefore, it can certainly be considered as one of the components for asphalt concrete. Currently it is performed the research on selection of the compositions of complex binders with addition to gossypol resin and asphalt mixes.

Bibliography

1. Abdullaev Sh. A., Ablakulov A. A., Saidova M. D., Boglovchimoddalar (Components that combines). Uzbekistan patent. № 1002.30.1004.
2. Abdullaev U. Sh., Dushamov R. O., Getting and applying surfactants based gossypol resin. On the 20th anniversary of Tashkent Automobile Road Institute. – Tashkent, 1004. – P. 23.
3. Abdullaev Sh. A., Dushamov P. O., Mirsalikova Sh. Thesis of reports of Republican scientific and technical conference held in Tashkent Chemical Technology Institute in Tashkent. – 18–19.10.1005. – P. 94.
4. Abdullaev Sh. A., Dushamov P. O., Mirsalikova Sh. Thesis of reports of Republican scientific and technical conference held in Tashkent Chemical Technology institute in Tashkent. – 16–18.00.1007. – P. 25.

© Dushanov R. O., Togaev I. K., 2014

УДК 637.14

**ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТАВА И СВОЙСТВ РАСТИТЕЛЬНЫХ
ИНГРЕДИЕНТОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВЕННЫЕ
ПОКАЗАТЕЛИ КИСЛОМОЛОЧНЫХ НАПИТКОВ**

В. В. Крючкова

П. В. Скрипин

Т. Ю. Кокина

Доктор технических наук, доцент,

кандидат технических наук, доцент,

кандидат технических наук,

Донской государственной

аграрный университет,

п. Персиановский, Ростовская область, Россия

**THE STUDY OF THE COMPOSITION AND PROPERTIES
OF HERBAL INGREDIENTS AND THEIR IMPACT ON QUALITY
INDICATORS OF FERMENTED MILK DRINKS**

V. V. Kruchkova

P. V. Skripin

T. U. Kokina

Doctor of Technical Sciences,

assistant professor,

candidate of Technical Sciences,

assistant professor,

candidate of Technical Sciences,

Don State Agrarian University,

p. Persianovskij, Rostov District, Russia

Summary. Investigated consumer properties and safety indicators used herbal ingredients: Aronia and oligofructose made to develop the product. Were studied the chemical composition, the content of vitamins, macro- and microelements and biologically active substances Aronia and oligofructose studied organoleptic characteristics made of ingredients of plant origin. Selected starter, the optimal dose making ingredients, method and process stage making Aronia and oligofructose.

Keywords: ingredient vegetable origin; chokeberry Aronia and oligofructose consumer characteristics and safety performance; enriched milk product.

В настоящее время в России, как и во многих странах нашей планеты, население остро нуждается в белковой пище, витаминах и минеральных веществах, поэтому в науке сформировались направления – функциональное и адекватное питание, отличительная особенность которых заключается в обращении к биоценозу кишечника. Для поддержания здоровья человека особое значение имеет рациональное питание, необходимое не только для нормального функционирования организма, но и для создания устойчивости к неблагоприятным факторам внешней среды. Такие продукты отличаются сбалан-

сированным составом и обеспечивают рациональное питание, способствуют сохранению здоровья, высокой работоспособности, повышению иммунитета.

Молочное сырьё обладает ценными свойствами, что позволяет использовать его в производстве широкого ассортимента продовольственных товаров. За счёт введения в рецептуру растительных компонентов происходит обогащение продукта балластными веществами, витаминами и макро- и микроэлементами и делает его полезным и разнообразным [2].

Установлено, что регулярное употребление кисломолочных продуктов способствует укреплению здоровья и

продлению жизни. Кисломолочные продукты улучшают аппетит, выводят радионуклиды, соли тяжёлых металлов, токсины и шлаки. Главным преимуществом кисломолочных продуктов является наличие в них лактобактерий, способствующих снижению в кишечнике количества патогенных микроорганизмов, отравляющих организм человека.

В связи с вышеизложенным, разработка функциональных молочных продуктов, обогащённых растительными ингредиентами, позволит получить конкурентоспособные продукты специального назначения, способные:

- изменить потребительские свойства и обеспечивать их антиоксидантные свойства;
- увеличить содержание биологически активных веществ, направленных на развитие полезной микрофлоры;
- сформировать заданные параметры и органолептические показатели.

Несмотря на высокую значимость обогащённых молочных продуктов, на рынке отсутствуют напитки, способные не только восстанавливать «дружественную» микрофлору в кишечнике, но и подавлять рост условно-патогенной. В этой связи особый интерес представляет пребиотик олигофруктоза.

Олигофруктоза – растворимые балластные вещества, способствующие наиболее полноценной работе кишеч-

ника, чем и обуславливается их физиологическое действие [3].

Плоды аронии черноплодной содержат: углеводы (в основном глюкозу и фруктозу) и циклический спирт сорбит, способный заменить сахар для больных сахарным диабетом; витамины (Р, тиамин и токоферолы), пектины и кумарины, органические вещества и гликозид амигдалин, придающий терпкость аронии [1]. Благодаря такому составу черноплодка нормализует пищеварительные процессы и улучшает обмен веществ, обладает тонизирующими и общеукрепляющими свойствами.

Применение олигофруктозы в производстве кисломолочных продуктов будет направлено на улучшение общего состояния организма, обеспечивать его защитные функции и способствовать укреплению иммунитета, что является актуальным и целесообразным.

На первом этапе исследований были изучены состав и свойства растительных добавок: арония черноплодная сорта Вениса, произрастающая на юге России, и олигофруктоза, вырабатываемая ООО «В-МИН» Московской области.

Экспериментальные исследования проводились на кафедре Донского ГАУ, в областной ветеринарной лаборатории г. Ростов-на-Дону и производственной лаборатории ОАО «Центральная лаборатория Ростов-консервагропром» (г. Ростов-на-Дону).

Т а б л и ц а 1

Результаты органолептической оценки функциональных ингредиентов

Наименование образца	Внешний вид и консистенция	Вкус и запах	Цвет
Арония черноплодная	Плоды округлой или шаровидной формы с 8 тёмно-коричневыми семенами, с лёгким восковым налётом, собраны в гроздья	Сладкий, слегка вяжущий приятный вкус. Аромат, свойственный аронии	Ягоды чёрного или чёрно-пурпурного цвета, сок из ягод – насыщенного рубинового цвета
Олигофруктоза	Мелкий сыпучий порошок	Сладковатый, без посторонних привкусов и запахов	Белый, равномерный по всей массе

Были изучены органолептические свойства растительных добавок. Результаты представлены в табл. 1.

Полученные результаты показывают, что арония черноплодная обладает более выраженными свойствами, нежели олигофруктоза. Рубиновый цвет

сока аронии придаст молочному продукту нежный розоватый цвет.

Пищевая ценность определяется содержанием основных компонентов: белков, жиров, углеводов и золы [4]. Результаты пищевой ценности вносимых ингредиентов представлены в табл. 2.

Пищевая ценность растительных добавок

Таблица 2

Наименование	Значения показателей, %	
	Арония черноплодная	Олигофруктоза
Влага	80,50 ± 0,42	3,4 ± 0,32
Сухое вещество	19,50 ± 0,68	96,6 ± 0,27
Липиды (жиры и жироподобные в-ва)	0,20 ± 0,11	0,1 ± 0,23
Белок (сырой протеин)	1,50 ± 0,12	2,2 ± 0,19
Углеводы (всего) в т. ч.	10,86 ± 0,11	93,6 ± 0,52
– фруктозы	8,64 ± 0,12	93,6 ± 0,52
Зольные элементы	1,51 ± 0,42	0,7 ± 0,28
Пищевые волокна	4,1 ± 0,12	–
Органические кислоты	1,30 ± 0,12	–
Ядовитые вещества	Не выявлены	Не выявлены

Витаминный и минеральный состав вносимых растительных добавок

Таблица 3

Наименование показателей	Значения показателей по результатам исследований	
	Арония черноплодная	Олигофруктоза
Витамин Е, мг/кг	1,50	2,1
Витамин С, мг/кг	15,00	21,06
Витамин РР, мг/кг	0,06	–
Витамин В ₁ , мг/кг	0,01	0,5
Витамин В ₂ , мг/кг	0,02	0,6
Витамин В ₆ , мг/кг	0,06	–
Витамин В ₉ , мкг/кг	1,7	–
В-каротин (провитамин А), мг/г	1,2	–
Минеральный состав		
Калий, мг/г	158,0	–
Медь, мкг/г	5,3	0,2
Цинк, мкг/г	52,6	0,8
Марганец, мкг/г	1,8	0,06
Железо, мкг/г	1,1	0,3
Кальций, мг/г	28,0	0,02
Фосфор, мг/г	55,0	0,09
Магний, мг/г	14,0	0,4

Анализ представленных данных показал, что арония черноплодная характеризуется повышенным содержанием углеводов и пищевых волокон, а также высоким содержанием зольных элементов. Олигофруктоза характеризуется повышенным содержанием углевода фруктозы – 93 % и зольных элементов (0,7%).

Из приведённых данных следует, что арония черноплодная – это чрезвычайно полезный, ценнейший и качественный источник витаминов и микроэлементов, необходимых для жизнедеятельности организма человека, которую можно использовать в качестве дополнительного источника витаминов и биологически активных

веществ, для улучшения функциональной активности иммунной системы, а пребиотик олигофруктозу – в качестве ценных пищевых волокон, обладающих пребиотической активностью, обеспечивающих двустороннюю регуляцию микрофлоры организма, улучшая работу кишечника.

Для разработки технологии инновационных продуктов установлен вид микрофлоры закваски прямого внесения: термофильный стрептококк (*Str. thermophilus*), а также дозы вносимых растительных добавок и режимы технологических операций. Результаты органолептической оценки полученных продуктов представлены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты органолептической оценки полученных продуктов

Наименование образца	Внешний вид и консистенция	Вкус и запах	Цвет
Контрольный образец	Плотная, однородная консистенция с ненарушенным сгустком	Чистый кисломолочный, без посторонних привкусов и запахов	Бледно-розовый, равномерный по всей массе
Опытный образец	Плотная, однородная консистенция с ненарушенным сгустком, незначительным осадком, легко перемешиваемым	Чистый кисломолочный, сладковатый, гармонично сочетающийся с привкусом аронии черноплодной	Белый, равномерный по всей массе

Полученные результаты характеризуют обогащённый продукт положительно, так, потребительские свойства обогащённого продукта достаточно высокие, что позволит расширить ассортимент обогащённых кисломолочных продуктов и занять на рынке нишу в секторе функциональных продуктов.

Библиографический список

1. Вся медицина в Интернете. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medlinks.ru/> (дата обращения: 12.08.2014).
2. Крючкова В. В., Евдокимов И. А., Скрипин П. В., Кокина Т. Ю. Кисломолочные продукты, обогащённые пребиотическими веществами: технологии, качество и значение: монография / Дон ГАУ. – 2009. – С. 191.
3. Крючкова В. В. Функциональный ацидофильный продукт на основе растительных

компонентов / Пищевая промышленность. – 2012. – № 11. – С. 54–56.

4. Технический регламент на молоко и молочные продукты: ФЗ № 88.

Bibliograficheskij spisok

1. Vsja medicina v Internetе. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.medlinks.ru/> (data obrashhenija: 12.08.2014).
2. Krjuchkova V. V., Evdokimov I. A., Skripin P. V., Kokina T. Ju. Kislomolochnye produkty, obogashhjonnye prebioticheskimi veshhestvami: tehnologii, kachestvo i znachenie: monografija / Don GAU. – 2009. – С. 191.
3. Krjuchkova V. V. Funkcional'nyj acidofil'nyj produkt na osnove rastitel'nyh komponentov / Pishhevaja promyshlennost'. – 2012. – № 11. – С. 54–56.
4. Tehnicheskij reglament na moloko i molochnye produkty: FZ № 88.

© Крючкова В. В.,
Скрипин П. В., Кокина Т. Ю., 2014

Ekonomika

УДК 336

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ВНЕБИРЖЕВОГО СРОЧНОГО РЫНКА В ИНТЕРЕСАХ ХЕДЖИРОВАНИЯ

Ю. Ю. Сидоренко

Аспирант,
Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации,
г. Гомель, Беларусь

THE CONCEPT OF DEVELOPMENT OF THE OTC DERIVATIVES MARKET IN THE INTERESTS OF THE HEDGING

Yu. Yu. Sidorenko

Graduate student,
Belarusian trade and economics university
of consumer cooperatives,
Gomel, Belarus

Summary. The article analyzes applicability of the various instruments of the global derivatives market for hedging purposes. The author concludes that the Belarusian organizations for the implementation of effective hedging is necessary in addition to the Exchange's derivatives market presence developed the OTC derivatives market, represented by banks-dealer, listed not only forwards, but and options.

Keywords: exchange and OTC derivatives market; hedging; forward; futures; options.

В период повышенной неустойчивости, характерной для мирового финансового кризиса, наиболее актуальным инструментом управления рисками является хеджирование посредством деривативов мирового срочного рынка, который состоит из двух взаимосвязанных и взаимозависимых частей: биржевого рынка и внебиржевого. Общепринятым является мнение о том, что внебиржевой рынок характеризуется повышенными рисками по сравнению с биржевым рынком, за счет отсутствия обеспечения по контрактам и многократного превышения объемов внебиржевого рынка.

Однако, по оценкам TABB Group¹, оборот внебиржевого рынка состав-

лял от совокупного объема оборота мирового срочного рынка лишь 44,6 % в 2007 году и 45,4 % в 2010 году. При этом по открытым позициям внебиржевой рынок занимал 89,3 % в 2007 году и 88,7 % в 2010 году [4]. В результате такого соотношения доля открытых позиций в обороте в целом по биржевому рынку составляла 3,6 % в 2007 году и 3,9 % в 2010 году, а по внебиржевому рынку достигала 37,2 и 37,0 % соответственно. Основным индикатором объема сделок в целях хеджирования в мировой практике признаны открытые позиции [2], следовательно, внебиржевой рынок более активно используется в целях хеджирования, а биржевой в большей мере используется в целях спекуляций.

¹ Фирма, являющаяся ведущим аналитиком финансовых рынков.

Анализ объема открытых позиций по валютным, процентным, фондовым и товарным деривативам по данным Bank for International Settlements (BIS) [3] за 2006–2013 годы, показал, что основную долю за эти годы составляли процентные контракты (от 84,3 до 88,6%) и валютные (от 9,7 до 11,9%). Доля фондовых контрактов в открытых позициях внебиржевого срочного рынка сократилась за последние 8 лет с 2,2% до 1%, а доля товарных с 2,1 до 0,3%.

Сравнение долей форвардов и свопов в открытых позициях и в обороте внебиржевого рынка и аналогичных долей опционов, выявляет практически полное их соответствие по процентным деривативам (разница не превышает

1,7%). В то время как по валютным деривативам доля опционов в открытых позициях существенно выше чем в обороте, а по форвардам и свопам соответственно существенно ниже (рис. 1).

В общем объеме оборота внебиржевых производных финансовых инструментов процентные контракты занимали в 2007 и 2010 годах 22,9 и 30,4% соответственно, при этом в открытых позициях их доля составляла 57,5% в 2007 году и 74,4% в 2010 году. По валютным контрактам наблюдалась обратная ситуация: их доля в обороте в 2007 и 2010 году составляла 31,5 и 36,7% соответственно, а в открытых позициях всего 8,2% в 2007 году и 9,2% в 2010 году.

Источник: собственные расчеты на основании данных BIS [1]

Рис. 1. Соотношение долей форвардов и свопов и опционов в обороте и в открытых позициях валютных деривативов мирового внебиржевого срочного рынка в разрезе групп товаров за 2007, 2010 и 2013 годы

В результате такого дисбаланса доли открытых позиций в обороте по процентным деривативам в несколько раз превосходили соответствующие доли по валютным деривативам. Доля открытых позиций в обороте по про-

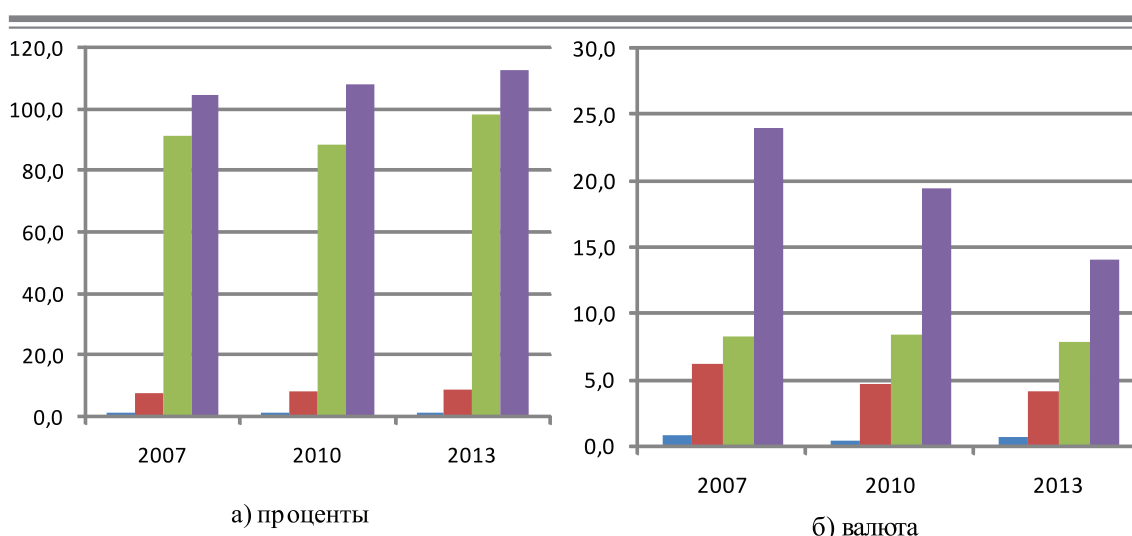
центным срочным сделкам составила в 2007 году 93,3% и в 2010 году – 90,6%, а в 2013 году эта доля возросла до 99,8%, причем возросла как доля открытых позиций в обороте по форвардам и свопам так и по опционам. Доля

открытых позиций в обороте внебиржевого рынка по валютным срочным сделкам в период с 2007 по 2013 годы упала с 9,7 до 8,6 %, чему способствовало в первую очередь сокращение доли открытых позиций в обороте по опционам: падение за этот период произошло с 24,1 до 14,1 %.

Однако и в 2013 году доля открытых позиций в обороте внебиржевого рынка превышала соответствующую

долю биржевого рынка по опционам в 3,4 раза, а по форвардам (фьючерсам) в 11,3 раза (рис. 2). По процентным дериватам данные показатели составили 12,2 и 51,9 раза соответственно. Это подтверждает большую значимость внебиржевого рынка для целей хеджирования, а следовательно необходимость его развития в Республике Беларусь и необходимость присутствия на нем не только форвардов, но и опционов.

Источник: собственные расчеты на основании данных BIS и TABB Group [3, 4]

Рис. 2. Доли открытых позиций в обороте по фьючерсам, форвардам и свопам, опционам мирового срочного рынка в разрезе групп товаров за 2007, 2010 и 2013 годы

Однако не стоит забывать о том, что чем больше разница между оборотом и открытыми позициями, тем выше ликвидность рынка, то есть контракты успевают обернуться большее количество раз. На биржевом рынке контракты совершили 27,9 оборота в 2007 году и 25,4 оборота в 2010 году, а на внебиржевом рынке в эти годы контракты обернулись только 2,7 раза. Следовательно биржевой рынок больше подходит для динамического хеджирования, а внебиржевой для статического.

Исследование TABB Group в 2010 году 500 самых крупных компаний из 32 стран мира показало, что 94 % всех компаний используют для хеджирования деривативы внебиржевого рынка, причем среди финансовых компаний этот показатель составляет 98 %, а среди компаний, оказывающих услуги 88 %, в производственных отраслях он колеблется от 91 до 97 %. Причем вопреки общепринятому мнению о том, что хеджирование в первую очередь направлено на управление

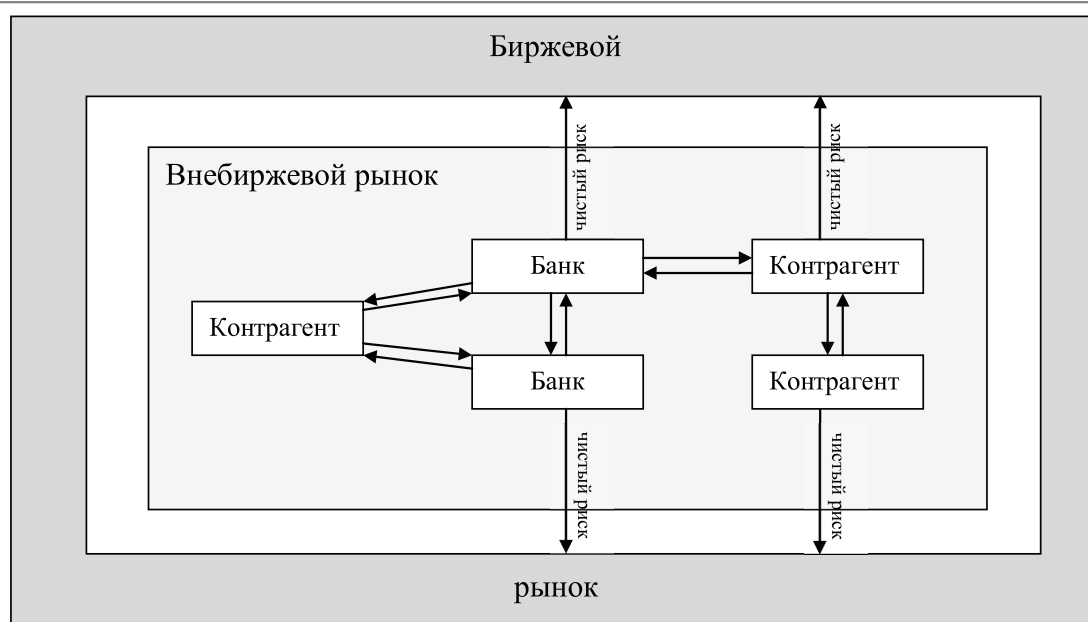

фондовыми рисками, 85 % нефинансовых организаций на внебиржевом рынке хеджируют валютные риски, 80 % процентные, 44 % товарные и только 12 % нефинансовых организаций хеджируют на внебиржевом рынке фондовые риски [4].

На внебиржевом срочном рынке Республики Беларусь присутствуют только форварды ОАО «Приорбанк» на курсы доллара США и евро к белорусскому рублю и на соотношение курсов доллара США и евро. Для развития внебиржевого рынка и возможности его использования для осуществления эффективного хеджирования в период повышенной нестабильности необходимы еще и опционы, которые наряду с форвардами должны котироваться каждым банком.

Для обеспечения ликвидности внебиржевого рынка банки должны являться не брокерами, которые лишь выступают посредниками между контрагентами, а дилерами, которые высту-

пают в роли одного из партнеров. Если банк-дилер будет уметь генерировать синтетические инструменты, владеть тонкостями финансового инжиниринга, ему не надо будет искать полностью офсетную сделку (строго противоположную по активам и равную по срокам [1]), поэтому он сможет брать за любое предложение. Свои чистые (остаточные) риски банк сможет хеджировать на биржевом рынке или в сделках с другими дилерами, при условии развитости внебиржевого рынка, а для его успешного развития уже должен быть развит биржевой рынок, где можно было бы дилерам хеджировать свои чистые риски. То есть биржевой и внебиржевой рынки являются взаимосвязанными и взаимозависимыми элементами одной системы, которую можно представить в виде схемы (рис. 3), которая также отражает внутреннюю структуру внебиржевого рынка.

Источник: собственная разработка

Рис. 3. Внутренняя структура внебиржевого срочного рынка и система его взаимодействия с биржевым срочным рынком

При заключении сделок с банком в качестве дилера к тому же минимизируется риск партнера, поэтому решается вопрос рисков внебиржевых сделок, когда не выполнение обязательств одной стороной приводит к невыполнению обязательств прочих.

Для снятия риска партнера есть и другой путь – регистрация внебиржевых сделок на бирже, но это приводит к дополнительным расходам на обслуживание и на уплату маржи. В то время как банку при обслуживании постоянных клиентов нет необходимости даже брать обеспечение по сделке, поскольку он располагает всей полнотой информации об их финансовых потоках, а, следовательно, и о платежеспособности, в результате хеджирование обходится дешевле.

Сейчас на западе идет процесс централизации внебиржевого оборота. Обязательный центральный клиринг позволит снизить риски, но, по мнению ТАВВ Group, будет создавать проблемы эффективности капитала в связи с ростом требований к обеспечению. Однако за рубежом есть крупные дилеры, способные принять на себя роль центрального контрагента, которые за счет больших маржинальных требований, скорее всего, будут снижать свои завышенные тарифы на услуги. Поэтому конечные пользователи в США и Европе почувствуют только небольшие краткосрочные изменения, а в будущем будут продолжать хеджировать свои риски на внебиржевом рынке с той лишь разницей, что последний станет более прозрачным [4]. В Республике Беларусь и Российской Федерации (внебиржевой рынок в виде банков есть, но еще слабо развит) первым претендентом на роль центрального контрагента внебиржевого рынка является биржа, которая хочет заработать на предоставлении услуг по регистрации сделок и привлечь дополнительные средства в виде обеспечения по

ним. Поэтому, по мнению диссертанта, введение у нас центрального клиринга пока преждевременно, поскольку приведет к существенному подорожанию внебиржевых инструментов и субъекты, которые и так плохо ориентируются в деривативах, отвернутся от них, так и не ощутив всех преимуществ.

Банк может выполнять роль не только дилера, предлагающего продать или купить внебиржевые деривативы, но и выполнять роль профессионального консультанта или предоставлять услуги по разработке и реализации стратегии хеджирования для организаций. И в мировой практике это является особым видом деятельности банков, а у нас подобные услуги никто не оказывает.

У организаций Республики Беларусь отсутствуют специалисты по оценкам рисков и проведению сделок в целях хеджирования и в целом финансовый инжиниринг слабо развит. У банков больше специалистов в этой области, поскольку они уже давно работают по МСФО, в соответствии с которыми обязаны оценивать риски и управлять ими. Поэтому организации из всех процедур, которые предполагает методика хеджирования, лучше всего оставить за собой определение целей и окончательный выбор стратегии хеджирования из имеющихся альтернатив на основе предоставленных банком расчетов, а все остальные полномочия передать банку. Кроме того, передача полномочий по хеджированию банкам помогла бы смягчить основной сдерживающий фактор для развития хеджирования в Республике Беларусь – отсутствие соответствующего законодательства для организаций. Ни одним нормативно правовым актом не регламентирован порядок отнесения сделок к сделкам хеджирования. Налоговый кодекс определяет порядок налогообложения сделок хеджирования только для физических лиц. Практически полностью отсутствуют не только правовая

и налоговая, но и бухгалтерская регламентация, поскольку МСФО для организаций в сфере хеджирования не разработаны. В результате юридические лица должны проводить эти сделки как обычные расходы без привязки к соответствующим рискам, которые ко всему прочему могут, с точки зрения проверяющих, привести к возникновению упущенной выгоды, поскольку если движение рынка произошло в благоприятном направлении, а хеджер фиксировал цену с помощью форварда или почти фиксировал с помощью фьючерса, то без привязки к рискам создается впечатление, что выручка недополучена, несмотря на то, что относительно поставленных целей, хеджер добился конкретного результата.

Таким образом, развитие всевозможных внебиржевых инструментов хеджирования и предоставление комплексных услуг по его разработке и реализации будет выгодно как банкам, для которых это станет дополнительным источником доходов, так и организациям, которым это позволит осуществлять эффективное хеджирование своих рисков.

Библиографический список

1. Галиц Л. Финансовая инженерия: инструменты и способы управления финансовым риском : пер. с англ. / под ред. А. М. Зубкова. – М. : ТВП, 1998. – 576 с.
2. Чекмарев К. С. Инструменты срочного рынка в управлении финансовыми рисками компаний: дисс. ... канд. экон. наук : 08.00.10 / К. С. Чекмарев. – М., 2009. – 156 л.
3. Bank for International Settlements [Electronic resource]. – Mode of access: www.bis.org.
4. TABB Group [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.tabbgroup.com>.

Bibliograficheskiy spisok

1. Galic L. Finansovaja inzhenerija: instrumenty i sposoby upravlenija finansovym riskom : per. s angl. / pod red. A. M. Zubkova. – M. : TVP, 1998. – 576 s.
2. Chekmarev K. S. Instrumenty srochnogo rynka v upravlenii finansovymi riskami kompanij: diss. ... kand. jekon. nauk : 08.00.10 / K. S. Chekmarev. – M., 2009. – 156 l.
3. Bank for International Settlements [Electronic resource]. – Mode of access: www.bis.org.
4. TABB Group [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.tabbgroup.com>.

© Сидоренко Ю. Ю., 2014

Filologické vědy

УДК 804.0

ПЕРЕВОДЫ «УЛОЖЕНИЙ ТЕМУРА»

Н. М. Урмонова *Кандидат филологических наук, доцент,
Ташкентский
архитектурно-строительный институт,
г. Ташкент, Узбекистан*

THE TRANSLATIONS OF «TEMUR'S INSTITUTIONS»

N. M. Urmonova *Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Tashkent Institute of Architecture – Construction,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. This article is about different kinds of the book «Institutes of Temur». It shows the influence of original work to translation and differences between them.

Keywords: translation; literature classical; historical stories; instruction.

Жизнь и социально-политическая деятельность Амира Темура (09.04.1336 – 18.02.1405) и «Уложения Темура» являются ценным источником в изучении системы государственности. Это произведение имеет разные названия – «Уложения Темура», «Малфузоти Темурий» и «Воқиоти Темурий». Это всемирно известное произведение о биографии, жизни, создании государства и армии Хазрат Сохибкирона, которое содержит ценную информацию, охватывающую более чем пятидесятилетнюю историю улуса Чигатая (1342–1405).

Известно, что «Уложения Темура» состоят из двух статей, первая статья состоит из созданных тузуков и планов об устройстве и укреплении государства, создания могущественной вооружённой армии. В них также представлены правила военного построения.

Во второй части произведения, которая состоит из тринадцати глав, отражены принципы строения сильного государ-

ства, создания армии, советы и проделанные работы по уничтожению врага.

Исторические произведения, письменные памятники появляются в мировой культуре в основном через переводы. И при этом переводы могут служить в качестве образца или в качестве подлинника в последующих переводах. В предисловии напечатанного в 1996 году произведения «Уложения Темура» академик Б. Ахмедов отмечает, что русский тираж произведения 1894 года – это перевод с французского тиража, а не с персидского оригинала. Как говорится, с перевода перевод не делается. Но в этом предисловии можно прочесть, что «Уложения Темура» были написаны на старом узбекском языке (Чигатой-туркий), к сожалению, до нас не дошёл его оригинал, но сохранился перевод на персидском языке Мир Абу Толиб ат-Турбатия (копия оригинала, напечатанная в 1889–1890 гг. (№ 9658), хранится в Институте

востоковедения Академии наук Республики Узбекистан) [5, с. 3], который до сегодняшнего дня заменил оригинал и служит основанием переводов на несколько языков мира.

Большинство произведений сохранилось благодаря переводам. По исследованиям узбекского учёного Гаибуллы Саломова [1, с. 39], знаменитая брошюра по математике великого учёного Мухаммада ал Хоразмий «Китоб ал мухтасар фи ҳисоб алжабр вал муқобала» сначала была написана на арабском языке, потом подлинник был потерян. В Европе в своё время был переведён на латинский язык и этот перевод, который сыграл роль в развитии математики. В исследованиях переводчика Н. Отажанова [4, с. 5–10] говорится, что одно из великих произведений узбекской классической литературы «Бабурнаме» было переведено на английский язык сначала с персидского перевода (Абдурахимхон ибн Байрамхон – Джон Лейдон), с тюркского подлинника на английский язык (З. М. Бобур – Вильям Эрскин), с английского варианта переведён на немецкий язык (Анетта Беверидж – А. Кайзер).

Исходя из вышеперечисленных мнений, можно считать, что великое произведение «Уложения Темура» сохранилось благодаря переводам.

С XV века до сегодняшнего дня «Уложения Темура» имеют особое значение в мировой науке. Тиражи этих рукописей и оригиналов имеются почти во всех библиотеках мира. Тиражей рукописей, дошедших до нас, очень много и они отличаются в значительной мере друг от друга.

«Уложения Темура» переведены и напечатаны на нескольких языках мира, в том числе на персидский, английский, французский и русский [4, с. 5].

В 1892 году под руководством А. Ф. Проневского (преподаватели Ташкентской женской гимназии А. Г. Заиончаковская, С. А. Пятницкая (первая часть) и мужской гимназии Д. Райтман, В. Степанов (вторая часть) произведение было переведено на русский язык.

Основываясь на французском переводе Л. Ланглэ, произведение было отредактировано на русском языке Н. Остроумовым [2, с. 6] и впервые было опубликовано в журнале «Православный собеседник». В 1894 году было выпущено в виде книги в городе Казани. В наше время существуют издание 1968 года с предисловием И. Муминова, а также издание Р. Азимова 1992 года [6, с. 6].

В последующие годы вышли в свет переводы на узбекском языке «Уложений Темура». Перевод с арабского и персидского языков был издан учёным Алихоном Тура Сагуний в 1967 году, исправленное издание подготовлено учёным-востоковедом Хабибулло Караматовым, было издано в 1991 году, за основу этого перевода берётся персидский экземпляр, изданный в Бомбее в 1880 года Мухаммадом Ахсаном Илохий [5, с. 22].

В честь 660-летнего юбилея Амира Темура в 1996 году переводы произведения «Уложения Темура» [5, с. 344] на узбекском, английском, французском (Л. Ланглэ, 1787 г.) языках были помещены в одну книгу и изданы с предисловием и примечанием учёного Б. Ахмедова в типографии им. Гафура Гуляма «Литература и искусство».

Французский перевод «Уложений Темура» Л. Ланглэ, основанный на переводе Абу Толиба ал Хусайния со старого узбекского языка на персидский, считается продолжением франко-узбекских отношений [3, с. 88]. Этот перевод был издан в 1787 году в Париже, который включает в себя часть произведения. Неполный перевод «Уложений Темура» Ш. Миноварова был издан в 1996 году по инициативе ЮНЕСКО в сборнике «La renaissance Temouride» [7, с. 178–195].

В переводах классических произведений трудно добиться адекватности, поэтому эти произведения непрерывно переводятся с учётом требований времени, сравниваются рукописные и подлинные экземпляры, вносятся необходимые изменения. Работа над переводом таких великих произведений, как «Уложения

Темура» и приближение его к подлиннику, является непрерывным процессом.

Известно, что в исторических литературных ценностях предыдущего и современного поколения, в бытовых сферах двух разных народов и в определении значения неизвестных архаико-исторических слов примечание играет большую роль.

Чем больше времени проходит со времени создания произведения, тем сложнее даётся понимание текстов и, естественно, в произведениях увеличивается количество примечаний.

Если в произведении «Уложения Темура» слова, требующие примечаний, содержат некоторую информацию, такую как имена личностей, географические названия местоположений и другие обязательные к определению архаико-исторические слова, в узбекских и русских переводах произведений, также в переводах Л. Ланглэ в основном даются в конце раздела, то в переводе Ш. Миноварова примечания даются в конце текста.

Исходя из этого сравнительного анализа, следует отметить, что исторические произведения достигают точности, прежде всего, путём сохранения их научных и исторических ценностей. Но переводчики не всегда следовали этим требованиям. Разногласия в переводах можно увидеть не только в методах, но и в их научной точности и уровне знаний.

Выводы. В переводах Л. Ланглэ и Ш. Миноварова, также как и в двух других русских переводах, можно увидеть стремление приданию своеобразия произведению «Уложения Темура». Однако это стремление было по-разному реализовано в различных переводах. Из этого следует, что каждый переводчик придерживался своей модели перевода. Если в переводе Л. Ланглэ и основанных на его переводе русских работах можно увидеть актуальную для своего времени упрощённость метода и языка перевода, то работы Ш. Миноварова и Х. Караматова написаны на научном языке.

Переводчики во время своих работ положительно исследовали и пользовались

научными произведениями, историческими и языковыми справочниками, словарями, а также переводами на различных языках произведения «Уложения Темура». Переводы узбекских авторов «Уложений Темура» Ш. Миноварова и Х. Караматова играют особую роль в сохранении духовного наследия узбекского народа.

Библиографический список

1. Искусство перевода (Таржима санъати). – Т. : Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1980. – 39 с.
2. Караматов Х. Уложения Темура. – Т. : Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1999. – С. 6.
3. Керен Л., Саидов А. Амир Темур и Франция (Амир Темур ва Франция). – Т. : Адолат, 1996. – 88 с.
4. Отажонов Н. Художественный перевод и научное комментирование (на материале переводов «Бабурнаме») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Т., 1978, – С. 510.
5. Уложения Темура (Темур тузуклари). – Т. : Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1996.
6. Уложения Темура / под. ред. Р. Азимовой. – Т. : Чулпан, 1992, – С. 6.
7. Instructions d'Amir Témour. Dans le livre: La renaissance Témouride. UNESCO. – Paris, 1996. – P. 178–195.

Bibliograficheskiy spisok

1. Iskustvo perevoda (Tarzhima sanati). – T. : Izdatel'stvo literatury i iskusstva imeni Gafura Guljama, 1980. – 39 s.
2. Karamatov H. Ulozhenija Temura. – T. : Izdatel'stvo literatury i iskusstva imeni Gafura Guljama, 1999. – S. 6.
3. Keren L., Saidov A. Amir Temur i Francija (Amir Temur va Francija). – T. : Adolat, 1996. – 88 s.
4. Otazhonov N. Hudozhestvennyj perevod i nauchnoe kommentirovanie (na materiale perevodov «Baburname») : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – T., 1978, – S. 5–10.
5. Ulozhenija Temura (Temur tuzuklari). – T. : Izdatel'stvo literatury i iskusstva imeni Gafura Guljama, 1996.
6. Ulozhenija Temura / pod. red. R. Azimovoj. – T. : Chulpan, 1992, – S. 6.
7. Instructions d'Amir Témour. Dans le livre: La renaissance Témouride. UNESCO. – Paris, 1996. – P. 178–195.

© Урмонова Н. М., 2014

Právní vědy

УДК 347.921.8:159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРВИЧНОЙ БЕСЕДЫ С КЛИЕНТОМ ПРИ ОКАЗАНИИ ЕМУ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Г. В. Брыжинская
Н. А. Курмаева

*Кандидат педагогических наук, доцент,
кандидат юридических наук,
Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE INITIAL CONVERSATION WITH THE CLIENT WHEN PROVIDING HIM WITH FREE LEGAL AID

G. V. Bryhinskaya

N. A. Kurmaeva

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
candidate of Law,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia*

Summary. This article outlines the basic requirements and types of legal services on a Pro Bono basis, the role of legal clinics as subjects of non-state system of free legal aid. Reveal the purpose of interviewing and psychological rules initial conversation with the client.

Keywords: interviewing; primary conversation; the client; legal aid; legal clinic.

В России с 15 января 2012 года действует Федеральный закон № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», принятый 21 ноября 2011 г. [1] (далее – Закон), в котором законодатель, наконец-то, закрепил основные гарантии реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи.

Законом предусмотрены лояльные квалификационные требования к лицам, оказывающим правовые услуги на безвозмездной основе. По общему правилу необходимо и достаточно высшее юридическое образование, исключение составляют только юридические клиники [2, с. 12–13], в которых правовые услуги на безвозмездной основе оказы-

ваются студентами (обучающимися по юридической специальности) под руководством преподавателей.

Бесплатная юридическая помощь по Закону может оказываться в виде: правового консультирования в устной и письменной формах; составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера; представления интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены законодательством. Консультирование и составление документов могут оказывать все физические и юридические лица – участники государственной или негосударствен-

ной систем бесплатной юридической помощи, а вот представление интересов граждан не могут осуществлять юридические клиники, но зато они имеют право (по принципу «что не запрещено, то разрешено») определять самостоятельно: виды безвозмездных юридических услуг (допустимы любые иные виды, не запрещённые законом), категории граждан, имеющих право на их получение, и перечень правовых вопросов, по которым такие услуги могут оказываться.

Студенты в юридической клинике проходят специальную подготовку, в рамках которой приобретают профессиональные и коммуникативные навыки [3, с. 20]. Опыт работы данных структурных подразделений, создающихся при вузах, доказывает целесообразность включения в программу клинического обучения студентов курса занятий по выработке навыков первичной беседы с клиентом (интервьюирования), обратившимся за правовой помощью в клинику.

Интервьюирование клиента является не только процессом сбора правовой информации о проблеме, но и начальным этапом межличностного общения, поэтому при проведении занятий со студентами необходимо акцентировать их внимание не только на технологических особенностях его проведения, но и на психологических аспектах, связанных с данным процессом. Кроме получения необходимой информации, основной целью собеседования также должно быть установление контакта с клиентом, формирование действенных с ним взаимоотношений. А для этого важно учитывать следующие правила.

Нельзя навязывать собственную точку зрения и подчинить ей клиента. Важно в корректной форме демонстрировать желание понять его доводы, одновременно показывая, что позиция студента-консультанта является не

личным мнением, а выражением требований законодательства.

Так как основа будущих взаимоотношений закладывается в первые минуты общения, следует правильно организовать место проведения интервьюирования (клиент должен сидеть не напротив студента, а сбоку, при этом не слишком далеко), не следует сразу приступать к выяснению правовой проблемы, предпочтительнее начинать встречу с общих фраз, взаимного представления, объяснения основных правил работы юридической клиники и оказания услуг, уточнения необходимых данных о клиенте и т. п.

Очень важно выбрать понятный для клиента язык и стиль общения, которые позволят ему чувствовать себя комфортно. Нельзя применять юридические термины без их разъяснения.

Велико значение невербальных элементов коммуникации. Жесты, движения, поза, мимика, интонация и тембр голоса всегда помогают в общении. Особую роль играет визуальный контакт (контакт глаз). Взглядом показывается заинтересованность в общении, производится привлечение внимания собеседника, демонстрируется своё отношение к нему.

Когда пришедший на приём гражданин рассказывает о своей проблеме, нельзя перебивать его, надо дать ему сказать всё, что он считает нужным. Во время свободного рассказа клиента следует в наибольшей степени проявлять умение слушать (этому будут способствовать кивки головой, нейтральные фразы). Если клиент высказывает ошибочную позицию или настаивает на принятии противозаконных мер, необходимо для сохранения психологического контакта убедительно привести дополнительные аргументы, проиллюстрировать свои доводы практическими примерами.

Соблюдение хотя бы основных психологических правил в ходе проведения первичной беседы с клиентом позволит достичь целей интервьюирования и в итоге оказать качественную и результативную бесплатную юридическую помощь.

Библиографический список

1. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.
2. Hudoykina T. V., Evteeva S. G. The free qualified legal aid in Russia: theoretical and practical problems // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 6. – № 1. – С. 11–17.
3. Худойкина Т. В. Юридическая клиника как инновационная форма обучения студентов-юристов // Интеграция образования. – 2014. – № 1 (74). – С. 19–24.

Bibliograficheskij spisok

1. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2011. – № 48. – St. 6725.
2. Hudoykina T. V., Evteeva S. G. The free qualified legal aid in Russia: theoretical and practical problems // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. – 2013. – T. 6. – № 1. – S. 11–17.
3. Hudojkina T. V. Juridicheskaja klinika kak innovacionnaja forma obuchenija studentov-juristov // Integracija obrazovanija. – 2014. – № 1 (74). – S. 19–24.

© Брыжинская Г. В., Курмаева Н. А., 2014

Pedagogické vědy

UDC 811.512.133

STRUCTURAL GENERALITY OF UZBEK LANGUAGE CLAUSES

M. K. Abuzalova

Ph.D., assistant professor,
Bukhara State University,
Bukhara, Uzbekistan

Summary. Speech variants of Uzbek language clauses are many-sided, despite their structure and principles of word-connection submit to the general for all grammar requirements. [WPM] – minimum structural model of Uzbek language clauses. Theory that, the forms of the category of predicativity are obligatory structural elements of Uzbek language clause is proved in the article. On its basis becomes conclusion about syntactic essence of the given category in Turkic languages.

Keywords: clause (sentence); valency; lexical-syntactic valency of a verb; lexical part of predicate; structural building of Turkic clauses.

A number of scientists in a science about language, like N. K. Dmitriev, S. N. Ivanov, N. A. Baskakov, A. K. Borovkov, H. G. Nigmatov (in turkology); S. Shoabdurahmanov, A. Gulamov, S. Rahmatullaev, G. Zikrillaev, G. Abdurahmanov, U. Tursunov (in Uzbek linguistics) have studied quantity, classes, order, place (position), connection, semantic side of predicative forms, their interaction among themselves and

other category forms, and also their relation to all parts of speech [1; 2; 3; 5; 7].

Speech variants of clauses (sentences) in Uzbek are many-sided, despite their structures and principles of word-connection submit to the general for all grammar requirements. In what consists the essence of the general requirements, i. e. universals? To answer this question, we will compare the structure of the following clauses (Table 1).

Formal (surface) structures of some clauses in Uzbek

Table 1

Number	Clauses	External form of clauses
1.	Salim/U kitobni o`qidi (<i>He has read a book</i>)	[S ⁿ – O ^{a.c.} – V ^{a.v.} P _i]
2.	Salim/U xudodan qo`rqadi (<i>He is afraid of God</i>)	[S ⁿ – O ^{g.c.} – V ^{a.v.} P _i]
3.	Salim/U maktabga boradi (<i>He goes to school</i>).	[S ⁿ – O ^{d.c.} – V ^{a.v.} P _i]
4.	Salim/U maktabdan uyga qaytadi (<i>He comes back home from school</i>)	[S ⁿ – O ^{i.c.} – AM ^{p.d.c.} – V ^{a.v.} P _i]
5.	Salim/U qizardi (<i>He has reddened</i>)	[S ⁿ – V ^{a.v.} P _i]
6.	Moskvaga boriladi (<i>They (!) will go to Moscow</i>)	[AM ^{d.c.} – V ^{p.v.} P _i]
7.	Bu kitobni o`qisa bo`ladi (<i>This book may be read (it is available, possible)</i>)	[A ^p – O ⁿ – V ^{a.v.} P _i]
8.	Otam – tajribali o`qituvchi (<i>My father is a skillful teacher</i>)	[S ⁿ – A ^a – P _i ⁿ]
9.	Bu gul juda chiroyli edi (<i>That flower was very beautiful</i>)	[A ^p – S ⁿ – P _i ^{s.d.}]

It is not difficult to notice a generality of structural elements which are reduced to the following:

Compulsion of participation of a predicate in all clauses;

Any word from any part of speech has the full form;

Any form of a verb has time and person category, and also contains value of negation and the statement.

The above-stated features are obligatory structural elements of Uzbek clauses. There are available also not obligatory elements which can be present or absent depending on the purposes of clauses' statement. All sentence parts concern them, except a predicate, i. e. a subject, attribute, object and adverbial modifier. So, if in resulted 1st, 2nd, 3rd, 4th, 5th, 8th, 9th clauses there are the subjects expressed by a noun and pronoun, in 6th and 7th sentences the subject is absent (are not demanded).

In Uzbek there are clauses, like *G'alabaga mana buy o'ldan boriladi* (It is a way to a victory). We will compare first two clauses:

Salim kitobni o'qidi – Salim has read the book.

Salim xudodan qo'rqadi – Salim is afraid of God.

Having compared the given parts of sentences, it is possible to draw conclusion that expression of object in direct and indirect forms depends on possibilities of management and lexical values of the verbs – *o'qimoq* (to read) and *qo'rqmoq* (to be afraid).

Also participation and absence of addition or circumstance in 3rd, 4th, 5th and 6th clauses depends on the meaning and lexical-syntactical valencies of a verb-predicate. If a verb *o'qimoq* (to read) with its lexical meaning demands an object in the form of an accusative case, the verb *bordi* (went) demands the question *where?*

Limitation of predicative valency in the given sentence speaks that in them the

predicative basis (predicate) is expressed by noun and an adjective which demand after itself an object.

For the definition of structural generality of Uzbek speech units we will return to the analysis of examples in the table. What is a necessary general element for all these (nine) clauses?

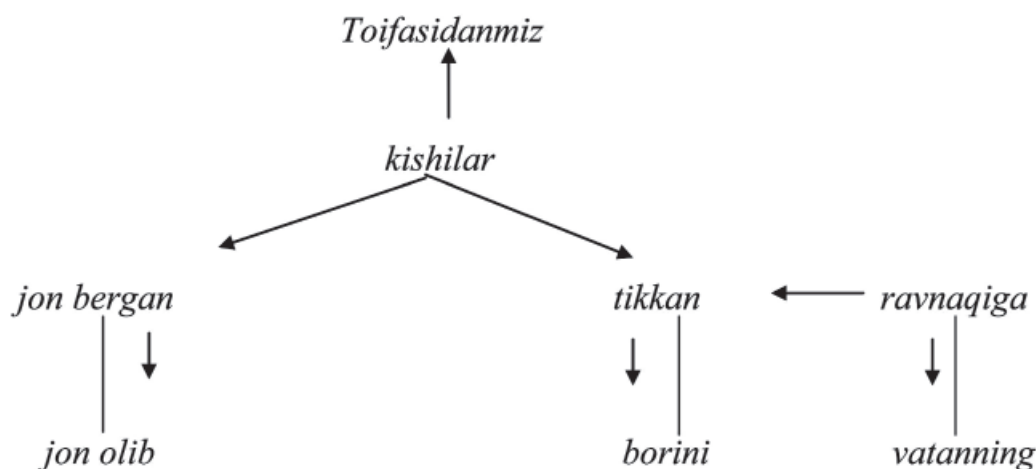
For all resulted clauses the general necessary element is the presence of predicate (grammatical indicators). Presence or absence of grammatical indicators defines the sentence structure and, consequently, we name clause that, what consists of the predicate and its distributors.

The predicate, as an obligatory structural part of the clause, has two components, first of which is a verb or the words belonging to nouns. They express an action, condition, subject or the name of smb. or smth. It is possible to name this component of a predicate ***“the base lexical value”***. Such parts of clauses are: *o'qi* – (learn), *qo'rq* – (be afraid), *bor* – (go), *qayt* – (come back), *boril*, *o'qisa bo'l* –; *o'qituvchi* – (teacher), *juda chiroyli* – (very beautiful).

Grammatical indicators of a predicate are adjoined (or follow) them (the base lexical value). In other words, it appears as the means or indicators of expression of statement/negation, pledge, time and a person: ***-di; -adi; -adi; -di; -adi; -dir; -edi; -adi.***

Let's give another example: *“Biz bori-ni Vatan ravnaqiga tikkan, jon olib jon bergan kishilar toifasidanmiz”* (We from such who are ready to stand up for the native land to death and without fluctuation to give all for its prosperity).

The lexical part of a predicate of the given clause – the word form ***“toifasidan”*** (from such) which has the distributor ***“kishilar”*** (people), and the word form ***“kishilar”*** also has the distributor – ***“tikkan”*** (ready to give) and ***“jon bergan”*** (ready to death). In a word, prevalence occurs in a kind of collateral subordination that has found its reflexion in the following scheme (Scheme 1).

Scheme 1. Clause spreaders

For a structural building of the language units number of the components at all has no value, i. e. what word form to consider *[W]* – only a word “*toifasidan*” or to include to it consecutive distributors – “*kishilar*”, “*tikkan*”, “*bergan*” and others. In other words presence or absence of distributors and their expression by one or several words are not considered as important elements of a structural building *[W]*. Besides, such distributors can be shown, is outside of one clause. For example, we will try to change a structural building of resulted clause:

1. There are people who will give everything in lives that have. We are from such people.

2. There are people who will give all for the native land, and also the most expensive in the life. We are from the such.

3. We are from such people who will give not only all that have, but also the life for the prosperity of native land.

In the first clause the lexical part of a predicate, i. e. *[W]* makes a word combination “*shu toifadan*”, which value of a pronoun “*shu*” reveals by means of word combinations “*borini vatan ravnaqiga tikkan, jon olib, jon bergan kishilar toifasi*”; not in a clause-structure, but in the micro-text.

Conditional shortenings used in the text:

Number	External form of clauses	Meanings
1.	$[S^n - O^{a.c.} - V^{a.v.}P_i]$	Subject expressed with noun – Object expressed with accusative case – Verb in active voice having Predicative indicators
2.	$[S^n - O^{g.c.} - V^{a.v.}P_i]$	Subject expressed with noun – Object expressed with genitive case – Verb in active voice having Predicative indicators
3.	$[S^n - O^{d.c.} - V^{a.v.}P_i]$	Subject expressed with noun – Object expressed with dative case – Verb in active voice having Predicative indicators

Number	External form of clauses	Meanings
4.	[S ⁿ - O ^{i.c.} - AM ^{p.d.c.} - V ^{a.v} P _i]	Subject expressed with noun – Object expressed with instrumental case – Adverbial modifier of place expressed with dative case – Verb in active voice having Predicative indicators
5.	[S ⁿ - V ^{a.v} P _i]	Subject expressed with noun – Verb in active voice having Predicative indicators
6.	[AM ^{d.c.} - V ^{p.v} P _i]	Adverbial modifier of place expressed with dative case – Verb in passive voice having Predicative indicators
7.	[A ^p - O ⁿ - V ^{a.v} P _i]	Attribute expressed with pronoun – Object expressed with noun – Verb in active voice having Predicative indicators
8.	[S ⁿ - A ^a - P _i ⁿ]	Subject expressed with noun – Attribute expressed with adjective – Predicate expressed with noun and having predicative indicators
9.	[A ^p - S ⁿ - P _i ^{s.d.}]	Attribute expressed with pronoun – Subject expressed with noun – Predicate expressed with superlative degree (of adjectives) and having predicative indicators

Bibliography

1. Гузев В. Г., Насилов Д. М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Сов. тюрк. 1981. – № 3.
2. Дмитриев Н. К. К истории аффиксов сказуемости // Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. – М., 1956. – С. 5–15.
3. Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка. – Л.: ЛГУ, 1959. – 152 с.
4. Нигматов Х. Г. Функциональная морфология тюркоязычных памятников XI–XII вв. – Т.: Фан, 1989. – 193 с.
5. Нигматов Х. Г., Абдуллаев К. М., Банару В. И. и др. Структура предложения и актуальные вопросы синтаксиса тюркских языков (тезисы формально-функционального исследования) // Сов. тюрк. – 1984. – № 5. – С. 3–9.
6. Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения // ВЯ. – 1956. – № 5.
7. Гуломов А., Аскарова М. Ҳозирги замон ўзбек тили. Синтаксис. – Т.: Ўрта ва олий мактаб, 1961.
8. Ҳайитметов А. Ўзбек тилида актуал бўлиниш ва позиция масалалар. – Тошкент, 1984. (Актуальное членение и позиционные вопросы узбекского языка).

Bibliograficheskiy spisok

1. Guzev V. G., Nasilov D. M. Slovoizmenitel'nye kategorii v tjurkskih jazykah i ponjatie «grammaticheskaja kategorija» // Sov. tjurk. – 1981. – № 3.
2. Dmitriev N. K. K istorii affiksov skazuemosti // Issledovanie po sravnitel'noj grammatike tjurkskih jazykov. Morfologija. – M., 1956. – S. 5–15.
3. Ivanov S. N. Ocherki po sintaksisu uzbekskogo jazyka. – L.: LGU, 1959. – 152 s.
4. Nigmatov H. G. Funkcional'naja morfologija tjurkojazychnyh pamjatnikov XI–XII vv. – T.: Fan, 1989. – 193 s.
5. Nigmatov H. G., Abdullaev K. M., Banaru V. I. i dr. Struktura predlozhenija i aktual'nye voprosy sintaksisa tjurkskih jazykov (tezisy formal'no-funkcional'nogo issledovanija) // Sov. tjurk. – 1984. – № 5. – C. 3–9.
6. Krushel'nickaja K. G. K voprosu o smyslovom chlenenii predlozhenija // VJa. – 1956. – № 5.
7. Gulomov A., Askarova M. Hozirgi zamon uzbek tili. Sintaksis. – T.: Urta va olij maktab, 1961.
8. Hajitmetov A. Uzbek tilida aktual bulinish va pozicion masalalar. – Toshkent, 1984. (Aktual'noe chlenenie i pozicionnye voprosy uzbekskogo jazyka).

© Abuzalova M. K., 2014

УДК 811.111'42:378.14:070

**АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ PR-ТЕКСТ КАК КОМПОНЕНТ СОДЕРЖАНИЯ
ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ЖУРНАЛИСТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННОМУ ЧТЕНИЮ**

С. Г. Вавилина

*Преподаватель,
Запорожский национальный университет,
г. Запорожье, Украина*

**ENGLISH PR-TEXT AS A COMPONENT OF TEACHING FUTURE
JOURNALISTS READING FOR SPECIFIC PURPOSES**

S. G. Vavilina

*Teacher,
Zaporizhzhya National University,
Zaporizhzhya, Ukraine*

Summary. The article grounds the practicability of including such learning source as an English PR-text into the content of teaching future journalists reading for specific purposes. It emphasizes the need to distinguish PR-texts from journalistic texts on the basis of their main genre characteristics. The author focuses on the description of the linguistic and stylistic features of English PR-texts.

Keywords: future journalists; PR-text; reading for specific purposes; genre characteristics; linguistic and stylistic features.

Профессионально ориентированный подход предполагает организацию процесса обучения иностранному языку на факультете журналистики в соответствии с требованиями рынка труда, на котором студенты в будущем будут функционировать как специалисты [7, с. 5]. Это означает, что содержание обучения должно включать компоненты (в нашем случае – тексты), с которыми будущие журналисты будут неизбежно взаимодействовать в профессиональной жизни. В современных условиях коммерциализации средств массовой информации (СМИ) и увеличения объема вещания журналисты вынуждены активно обращаться к предлагаемым PR-специалистами материалам.

Раскрытие дидактического потенциала использования англоязычного PR-текста в процессе обучения будущих журналистов профессионально ориентированному чтению предполагает решение ряда задач, одна из которых

состоит в избегании отождествления текстов публичных рилейшнз с журналистскими текстовыми формами. Разграничение PR- и журналистских текстов осуществляется по характеру информации и таким жанрообразующим признакам, как: предмет отображения, функции текста и его лингвистично-стилистические аспекты [3, 8]. Целью данной статьи является описание особенностей языка и стиля англоязычных PR-текстов.

Изучение практических исследований публичных рилейшнз и теоретических обобщений таких ученых, как А. Д. Кривоносов, С. В. Володина, О. А. Ключникова, Н. Э. Шарабарина, позволило определить основные лингвистические и стилистические характеристики PR-текстов, а именно:

1) краткость, простота, ясность и логичность изложения;

2) убедительность (фактологичность, аргументированность, «репортажность» [2, с. 85];

3) степень выраженности личностного начала;

4) особенности структуры и композиции.

Простота PR-текста Н. Э. Шарабина считает его ключевой стилистической характеристикой, для обозначения которой употребляет заимствованный из лингвистики и коммуникативистики термин «читабельность текста» [11]. *Ясность* PR-текста, по мнению А. Д. Кривоногова, обусловлена его нейтральной синтаксической структурой, представленной двусоставной моделью (подлежащим и сказуемым), без чрезмерных и лишних элементов [5, с. 173]. Простота синтаксических конструкций и ясность изложения материала в PR-тексте объясняется стремлением инициатора к взаимопониманию с целевой аудиторией, достижение которого возможно лишь при условии правильной интерпретации и декодирования полученной информации. Именно по этой причине С. В. Володина считает чрезмерное употребление метафор, эпитетов, гипербола, олицетворения и других художественно-стилистических средств, характерных для художественных и публицистических произведений, в PR-текстах нецелесообразным [2, с. 85]. Поскольку PR-текст по своей основной функции информирования может быть соотнесён с журналистскими текстами информационных и аналитических жанров, то ему свойственны характерные для соответствующих текстов «рациональное и экономичное использование текстообразующего материала, минимальные интертекстуальные включения, ровная и умеренная стилистическая организация» [6, с. 121]. Следует также отметить, что в англоязычных PR-текстах, как и в других информационных сообщениях, преобладают пассивные конструкции, которые придают тексту объективность, а авторской позиции – подчеркнутую отстранённость.

Читабельности PR-текста способствует также учёт морфологической

специфики единиц текста, а именно отбор и частота употребления тех или иных частей речи. Исследователи подчёркивают, что использование прилагательных и наречий перегружает текст, тогда как активное обращение к существительным и глаголам придаёт повествованию динамизм, облегчает восприятие PR-текста адресатом или журналистом, который рассматривает возможность его публикации.

Критерий *фактологичности* обуславливает использование приёмов, которые делают PR-текст убедительным, направленным на приrost публичности события и организации, которая стоит за этим событием. Под публичностью Д. Уилкоккс понимает способность текста служить целям формирования нематериальных активов, имиджа, репутации базисного субъекта PR [9, с. 62]. На лексическом уровне сформировать публичность помогают ссылки на авторитетный источник, предоставление статистических данных, документов, фактов, цифр, употребление терминологии. Беспристрастности, аргументированности и логичности PR-текста способствует также отсутствие *выраженности личностного начала*, кроме тех предназначенных для публикации в СМИ и внутренне корпоративных изданиях текстов, которые содержат подпись руководителя или ведущего специалиста организации (байлайнер, заявление для прессы). Однако и в этих случаях лицо, от которого ведётся повествование, не является настоящим автором сообщения. Авторское «я» в PR-тексте является средством «персонализации» организации, а не выражением личного мнения автора.

Для большинства PR-текстов характерно повествование от третьего лица (third person self-reference). В языке пресс-релизов, например, практически полностью отсутствуют местоимения «I» и «we», хотя инициатором таких текстов является организация, сообщающая о своей деятельности. Такой рас-

сказ происходит «исключительно от третьего лица, причём с использованием собственного названия компании» [13, с. 220]. Помимо чисто практической цели такого приёма, который освобождает журналиста от необходимости вносить исправления при адаптации пресс-релиза для публикации, Г. Якобс уязвляет на тот факт, что повествование от третьего лица придаёт нейтральность и незаинтересованность изложению материала в пресс-релизе, в то время как использование организацией местоимения «мы» является техникой, характерной для рекламных жанров [13, с. 232].

В PR-тексте вообще не проявляется субъективная модальность, о чём свидетельствует практически полное отсутствие лексем, выражающих эмоциональные состояния и реакцию на события действительности. Широкое употребление слов с положительной оценкой направлено на реализацию главной цели PR-текста – создание позитивного имиджа, убеждение инвесторов, завоевание доверия избирателей, повышение лояльности клиентов. Следовательно, такие PR-тексты, как пресс-релиз, бэкграундер, ньюслеттер и байлайнер, оценивают деятельность компании, изменения в её политике, трансформации и нововведения всегда положительно, в исключительно благоприятном свете. Позитивно окрашенные лексемы и выражения обязательно присутствуют в PR-тексте.

Это наглядно демонстрируют следующие примеры из пресс-релизов ведущих мировых организаций:

*BP... is a **major** oil refiner and a **leader** in alternative energy sources including wind power...*

(from BP Press Release, 08 January 2013).

*CNN Worldwide, a division of Turner Broadcasting System, Inc., a Time Warner Company, is **the most trusted** source for news and information.*

(from CNN Press Release, 27 December 2012).

*Apple designs Macs, **the best** personal computers in the world...*

*Apple **leads** the digital music revolution with its iPods and iTunes online store...*

*Apple has reinvented the mobile phone with its **revolutionary** iPhone and App Store, and **is defining the future** of mobile media and computing devices with iPad.*

(from Apple Press Release, 07 January 2013).

*Gucci is one of **the foremost** luxury fashion brands. With an **illustrious reputation for quality** and Italian know-how...*

*The Gucci Paris Masters is now a **leading** international event and an **essential** date on the calendar...*

(from Gucci Press Release, 22 June 2012).

Благоприятная оценка характерна и для комментариев руководителей организации и других должностных лиц, которые пестрят лексемами с положительным значением. Цитаты из тех же пресс-релизов, что и приведённые выше примеры, позволяют показать эту особенность PR-текстов:

*«Today's announcement is an **important milestone** that marks yet another **success** for the BP and Sempra US Gas & Power teams...», – ads John Graham, president and CEO, BP Wind Energy.*

*«This is a **great** project **all the way around**», – said Jeffrey W. Martin, president and CEO of Sempra US Gas & Power.*

(from BP Press Release, 08 January 2013).

*Anna said: «Drive is simply a **fantastic** news programme, and **well-known** for its **outstanding** journalism. I'm **delighted** to be joining the team and working alongside **one of the country's great** broadcasters in Peter».*

(from BBC Press Release, 09 January 2013).

*«The **success** of our game Temple Run in 2012 was nothing short of **astonishing**», – said Keith Shepherd.*

(from Apple Press Release, 07 January 2013).

Вообще, цитирование в PR-тексте заслуживает особого внимания. По сравнению с журналистским текстом, в котором способы передачи чужой речи выполняют разнообразные функции (обобщение фактов, усиление авторской позиции, представление противоположной точки зрения, ссылка на источник), в PR-тексте этот приём реализует одно главное задание: прирост публичного капитала базисного субъекта. В текстах паблик рилейшнз используется только прямое цитирование первого или должностного лица с целью придания излагаемым фактам достоверности и авторитетности. А. Д. Кривоносов подчёркивает, что цитата в PR-текстах не имеет самостоятельного значения, а всегда несёт дополнительный, сопроводительный характер и должна быть законченной по смыслу, «характерологической» [5, с. 177]. В зарубежных исследованиях прямую речь в PR-тексте называют самоцитированием (self-quotation) или псевдопрямой речью (pseudo-direct speech), поскольку слова цитаты «вероятнее всего не были произнесены указанным источником, а написаны работником PR-службы, и, в лучшем случае, лишь одобрены этим источником, и то маловероятно» [12, с. 60]. Самоцитирование также позволяет автору «отстраниться» от рассказываемых событий, а журналисту – пересказать материал в соответствии с собственным стилем и требованиями издания. Прямая речь является обязательным компонентом текстовой структуры пресс-релиза, байлайнера, заявления для СМИ.

Использование общеупотребительной и эмоционально нейтральной лексики, нарочитая безличность и нейтральность фактического материала по принципу «цифры говорят сами за себя» [2, с. 115] также являются характерными лингвостилистическими признаками PR-текста. Употребление специальной лексики и терминологии довольно распространено в таких жанрах PR, как годовой отчёт, бекграундер,

отчёт о социальной корпоративной ответственности, уайтпейпер и т. д., что обусловлено функциональной направленностью таких текстов на целевую аудиторию и необходимостью оптимальной и адекватной реализации информационного потенциала.

Следующим характерным признаком PR-текста являются особенности его структуры и композиции, которые имеют свою специфику по сравнению с журналистским текстом. Довольно часто, описывая типичные черты PR-текста, учёные либо переносят хорошо изученную структуру рекламного сообщения на PR-текст [1; 4], либо ограничиваются описанием структуры пресс-релиза [2; 10]. Это кажется не совсем правильным, поскольку, во-первых, PR-и рекламный текст имеют разные цели и обусловленные ими стилистические и структурно-композиционные особенности; во-вторых, хотя пресс-релиз и считается главным жанром паблик рилейшнз, его структура не свойственна многим другим, особенно новым PR-жанрам, подверженным конвергенции и влиянию Интернет-технологий.

Таким образом, проведённое исследование позволило обосновать целесообразность отнесения такого компонента, как англоязычный PR-текст, к содержанию обучения будущих журналистов иноязычному профессионально ориентированному чтению и вызванную таким включением необходимость разграничения текстов PR и журналистики. В основу сравнительного анализа PR- и журналистских текстов были положены следующие жанрообразующие признаки: предмет отображения, функции текста и особенности языка и стиля. К основным лингвостилистическим признакам PR-текстов были отнесены простота и ясность изложения материала, его аргументированность и фактологичность, отсутствие выражения субъективной модальности, структурно-композиционные особенности. Перспектива дальнейших исследований заключается

в описании структуры основных жанров публичных рилейшнз и определении их общих характеристик.

Библиографический список

1. Басарыгина Э. О. Лингвистические особенности PR-текстов // Филологические науки. Вопросы техники и практики. – Тамбов: Грамота. – 2009. – № 2 (4). – С. 60–62.
2. Володина С. В. Тексты в коммуникационной системе публичных рилейшнз : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. – М., 2007. – 158 с.
3. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе : учеб. пособие. – М. : РИП-холдинг, 2007. – 274 с.
4. Ключникова О. А. Обучение студентов-журналистов созданию PR-текстов в сфере образования для размещения в сети Интернет : автореф. дис. ... канд. пед. наук : спец. 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)». – М., 2010. – 23 с.
5. Кривоносов А. Д. PR-текст как инструмент публичных коммуникаций : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. – СПб., 2002. – 388 с.
6. Мисонжников Б. Я. Отражение действительности в тексте // Основы творческой деятельности журналиста : учеб. для студ. вузов по спец. «Журналистика» / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб. : Знание: СПбИВЭСЭП, 2000. – С. 95–124.
7. Програма з англійської мови для професійного спілкування / Г. Є. Бакаєва, О. А. Борисенко, І. І. Зуєнок [та ін.]. – К. : Ленвіт, 2005. – 119 с.
8. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. – М. : Аспект Пресс, 2011. – 320 с.
9. Уилкоккс Д. Как создать PR-текст и эффективно взаимодействовать со СМИ. – М. : Инфра-М, 2004. – 761 с.
10. Чичерина Н. В. Типология медиа-текстов как основа формирования медиа-грамотности // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2007. – № 9 (47): Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология). – С. 159–166.
11. Шарабарина Н. Э. Коммуникации в системе публичных рилейшнз: модели функционирования и типологические характеристики текстов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. – М., 2004. – 200 с.
12. Bell A. The Language of the News Media. – Oxford: Blackwell, 1999. – 277 p.
13. Jacobs G. Self-reference in press releases // Journal of Pragmatics. – 1999. – Vol. 31. – № 2. – P. 219–242.

Bibliograficheskiy spisok

1. Basarygina Je. O. Lingvisticheskie osobennosti PR-tekstov // Filologicheskie nauki. Voprosy tehniki i praktiki. – Tambov: Gramota. – 2009. – № 2 (4). – S. 60–62.
2. Volodina S. V. Teksty v kommunikacionnoj sisteme pablik rilejshnz : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.10. – M., 2007. – 158 s.
3. Grabel'nikov A. A. Rabota zhurnalista v presse : ucheb. posobie. – M. : RIP-holding, 2007. – 274 s.
4. Kljuchnikova O. A. Obuchenie studentov-zhurnalistov sozdaniyu PR-tekstov v sfere obrazovaniya dlja razmeshheniya v seti Internet : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk : spec. 13.00.02 «Teorija i metodika obuchenija i vospitanija (russkij jazyk)». – M., 2010. – 23 s.
5. Krivonosov A. D. PR-tekst kak instrument publicznyh kommunikacij: dis. ... doktora filol. nauk : 10.02.19. – Sankt-Peterburg, 2002. – 388 s.
6. Misonzhnikov B. Ja. Otrazhenie dejstvitel'nosti v tekste // Osnovy tvorcheskoy dejatel'nosti zhurnalista : ucheb. dlja stud. vuzov po spec. «Zhurnalistika» / red.-sost. S. G. Korkonosenko. – SPb. : Znanie: SPbIVJeSJeP, 2000. – S. 95–124.
7. Programa z anglijs'koї movi dlja profesijnogo spilkuvannja / G. Є. Bakaєva, O. A. Borisenko, I. I. Zuenok [ta in.]. – K. : Lenvit, 2005. – 119 s.
8. Tertychnyj A. A. Zhanry periodicheskoy pechaty. – M. : Aspekt Press, 2011. – 320 s.
9. Uilkoks D. Kak sozdat' PR-tekst i jeffektivno vzaimodejstvovat' so SMI. – M. : Infra-M, 2004. – 761 s.
10. Chicherina N. V. Tipologija media-tekstov kak osnova formirovaniya media-gramotnosti // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena. – 2007. – № 9 (47): Obshhestvennye i humanitarnye nauki (filosofija, jazykoznanie, literaturovedenie, kul'turologija, jekonomika, pravo, istorija, sociologija, pedagogika, psihologija). – S. 159–166.
11. Sharabarina N. Je. Kommunikacii v sisteme pablik rilejshnz: modeli funkcionirovaniya i tipologicheskie harakteristiki tekstov : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.10. – M., 2004. – 200 s.
12. Bell A. The Language of the News Media. – Oxford: Blackwell, 1999. – 277 p.
13. Jacobs G. Self-reference in press releases // Journal of Pragmatics. – 1999. – Vol. 31. – № 2. – P. 219–242.

© Вавилина С. Г., 2014

УДК 370.187.1

**ПОДДЕРЖКА УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ**

Д. Б. Махмудова

*Старший преподаватель,
Ургенчский областной институт
переподготовки и повышения квалификации
педагогических кадров, г. Ургенч, Узбекистан*

SUPPORT STUDENTS IN THE PROFESSIONAL IDENTITY

D. B. Mahmudova

*Teacher,
Urgench Regional Institute of Retraining
and advanced training of teachers,
Urgench, Uzbekistan*

Summary. Preparing students for the conscious choice of profession is one of the main objectives of educational institutions. This article reveals the socio-psychological and pedagogical aspects of professional orientation of students, marked the stages of professional self, given the position of a number of scholars on the nature of the process of choice of profession. Emphasize the bilateral nature of the process – it's a professional and personal orientation.

Keywords: professional self-determination; social status; choice of occupation; socio-economic conditions; subject; personal quality; interest; prospect development.

При определении будущей профессии и своего жизненного пути учащиеся не всегда полностью осознают последствия своего выбора и пути решения возможных трудностей на этом пути. Проблемы возникают в начале трудовой деятельности, при создании семьи, в процессе социальной адаптации. Они связаны с улучшением материального состояния, духовным развитием личности. Примерно таким образом начинается самостоятельная жизнь человека. И самое главное, чтобы учащиеся не только опирались на накопленный в течение долгих лет учёбы опыт и усвоенные знания, но и видели перспективу собственного и общественного развития.

Наши учёные предки в своих произведениях предостерегали молодёжь от возможных ошибок при выборе своего жизненного пути. И в то же время они призывали молодёжь к проявлению самостоятельности в решении проблем, связанных с их будущим.

Социализация учащейся молодёжи обозначена сегодня как одна из приоритетных педагогических задач, от решения которой зависит целенаправленное определение будущей профессии на основе глубокого анализа всех составляющих.

Выбор профессии или определение своего профессионального статуса даёт возможность представить человеку своё положение в обществе, и этот выбор считается главным решением на пути развития личности, так как позволяет определить много жизненно важных вопросов [3, с. 12]. Например, какой специальностью обладает человек, к какой социальной группе будет принадлежать, где и кем сможет работать, какой образ жизни будет вести и другие.

Для выбора учащимися профессии существуют различные варианты. Они имеют возможность ознакомиться (теоретически или в процессе практики) с множеством специальностей. Изучая и анализируя их, учащийся соотносит

их со своими внутренними потребностями. Фактор соответствия выбранной профессии запросам и возможностям личности имеет огромное значение для всего дальнейшего жизненного пути.

Выбор профессии носит двусторонний характер – с одной стороны, это субъект, выбирающий профессию, с другой стороны, – особенности профессии [1, с. 29]. В данной ситуации и субъект, и объект имеют широкие характеристики и представляют собой многогранные явления.

Определение профессии осуществляется в несколько этапов, каждый из которых имеет свои особенности, связанные с социальным положением, средой, средствами и внешними условиями. Индивидуальные свойства субъекта, выбирающего профессию, также имеют большое значение.

Овладение специальностью учащийся рассматривает как индивидуальный процесс, в рамках которого он вбирает целостный мир, относящийся к профессии. Начиная от планирования профессии и до «выхода на профессию» – этот период для учащегося составляет целостный этап.

Особо следует подчеркнуть, что определение профессионального статуса воплощает в себе и перспективы жизненного пути.

В педагогической и психологической литературе нет единой точки зрения относительно способов определения будущей профессии, и выдвинуты различные позиции учёных по данному вопросу. Причем каждое положение защищается и имеет доказательную базу. В силу этого ситуация с выбором профессии представляется чрезвычайно сложной.

Ряд исследователей характеризуют выбор профессии как выбор вида деятельности. Профессиональное самоопределение рассматривается в качестве процесса развития личности. Считается, что, если по уровню психофизиоло-

гического развития учащийся отвечает профессиональным требованиям, то он правильно выберет профессию, и его социальный статус и профессиональная деятельность принесут пользу обществу.

Широко распространена точка зрения, что в правильно выбранной профессии отражаются профессиональные склонности, интересы и жизненные устремления личности. Ряд специалистов считают, что определение профессии является способом социального самоутверждения. В этом случае выбор профессии становится важной социальной задачей, а профессия характеризуется как общественно значимая категория.

Выбор профессии оценивается и с личностно значимой позиции. В этом случае человек ориентируется в основном на возможные перспективы в своей жизни. Он оценивает себя как продукт существующего опыта, а к профессиональному совершенствованию подходит с точки зрения определения перспектив развития. Такой подход является основой для определения жизненного пути.

Активность личности в отношении профессионального самоопределения проявляется, прежде всего, в самооценке, коллективной оценке и связана с эмоциональными переживаниями. Процессу размышления о профессии сопутствуют не только доводы о благополучной жизни в будущем, но и о возможных неудачах и противоречиях.

Учащихся необходимо информировать об «издержках» профессии, о том, что несоответствие профессии внутреннему миру человека может послужить причиной неудач и непостоянства в трудовой деятельности. От педагога в этом случае требуется большое мастерство, чтобы донести до сознания учащихся многообразные нюансы выбора профессии. Для учащихся определение профессии представляет большую трудность, и одна из трудностей – внутренняя направленность личности.

В сознании учащегося профессиональному определению отводится важное место. Чтобы разумно управлять данным процессом, педагогу необходимо опираться на новые технологии. Имеется в виду, что главным продуктом педагогической деятельности является сознательная, самостоятельно мыслящая, серьёзно думающая о своём будущем молодёжь, готовая к выбору профессии.

Руководство выбором профессии носит творческий характер, поэтому здесь требуются нестандартные подходы и решения. Системность данных подходов обеспечивается опорой на определённые принципы. Для их реализации учитель должен привести «в рабочее состояние» своё профессиональное мышление.

На современном этапе социально-экономического развития узбекистанского общества наблюдается острая необходимость в подготовке специалистов по ряду профессий. Актуализируются вопросы обучения современным знаниям по специально разработанным программам и широкого использования инновационных технологий с целью подготовки специалистов в востребованных областях. В этих условиях требуется осуществлять систематическую работу по развитию способностей учащихся в определённом направлении. Соответственно определяются новые цели и задачи профессиональной подготовки учащихся.

В рамках поставленных задач создаётся основа для вооружения учащихся общетрудовыми и специальными профессиональными знаниями, умениями и навыками. Введение в содержание образования новых профессиональных знаний, умений и навыков осуществля-

ется с учётом современных социально-экономических условий.

В свою очередь реализуется установка на профессиональное самоопределение учащихся на основе дифференцированного подхода.

В профессионально-личностной ориентации учащихся можно выделить два аспекта.

С профессиональной точки зрения понятия чёткие, их можно точно определить. Что касается личных качеств, то здесь представить точные характеристики или параметры затруднительно [2, с. 8].

Определение профессионального статуса во многом связано с внешними, приемлемыми условиями. Установление же личного статуса обусловлено внутренним состоянием непосредственно самого учащегося.

Библиографический список

1. Психология и акмеология профессиональной деятельности кадров государственной службы. – М. : Педагогика, 1998. – 199 с.
2. Рашидов Х. Ф., Худайберганов А. П. Стандартизация профессионального образования в Республике Узбекистан: ведущие идеи и пути реализации. – Т. : ПО, 1993. – 20 с.
3. Сазонов А. Д., Симоненко В. Д. и др. Профессиональная ориентация учащихся / под ред. А. Д. Сазонова. – М., 1988.

Bibliograficheskiy spisok

1. Psihologija i akmeologija professional'noj dejatel'nosti kadrov gosudarstvennoj sluzhby. – M. : Pedagogika, 1998. – 199 s.
2. Rashidov H. F., Hudajberganov A. P. Standartizacija professional'nogo obrazovanija v Respublike Uzbekistan: vedushhie idei i puti realizacii. – T. : PO, 1993. – 20 s.
3. Sazonov A. D., Simonenko V. D. i dr. Professional'naja orientacija uchashhihsja / pod red. A. D. Sazonova. – M., 1988.

© Махмудова Д. Б., 2014

УДК 378.14

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ КОНТЕКСТНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТОВ**

О. В. Мишутина

*Доцент,
Новосибирский государственный
педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия*

**REALIZATION OF THE COMPETENCE MODEL OF LEARNING
THE FOREIGN LANGUAGE AS A SECOND LANGUAGE BASED
ON A CONTEXTUAL COLLABORATION OF TEACHER AND STUDENTS**

O. V. Mishutina

*Assistant professor,
Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia*

Summary. Paper focused on the example of realization a competence model of learning ESL during the process of vocational training at the University. This model based on contextual collaboration between a teacher and students. Case-study method on modules of professional thematic which described in this paper presents as a special tool at the English language classes for non-linguistic BA-students.

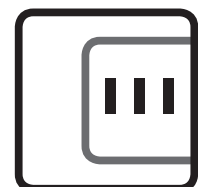
Keywords: a competence model; contextual communication; case-study; vocational training; professional activity; Science and Technology park.

Проблемы и перспективы развития процесса профессиональной подготовки студентов высших учебных заведений активно обсуждаются на различных российских и зарубежных дискуссионных площадках. Разрабатываются институциональные, социальные и правовые инструменты, необходимые для создания и функционирования образовательных моделей, призванных повысить качество подготовки будущих специалистов. На основе обмена мнениями и опытом профессионального образования личности выявлена необходимость включения в образовательный процесс педагогических технологий, способствующих решению задач, вызванных потребностью и спецификой рынка труда. В частности, технологии реализации компетентностной модели обучения иностранному (английскому)

языку на основе контекстного взаимодействия преподавателя и студентов с учётом кластерной стратегии развития экономики регионов.

Кластерная стратегия региональной экономики характеризует перспективу её развития, основой которой является концепция технопарковой организации процессов. Технопарки усиливают фактор рыночной новизны в конъюнктуре рынка трудовых и образовательных ресурсов, вносят свои коррективы в соответствующую область профессиональной деятельности.

Исследуя проблематику технопарков, А. П. Лиферов пришёл к выводу, что «в наши дни карьера каждого отдельного человека уже не столь однонаправлена, как раньше» [2, с.12]. Это подтверждается Законом «Об образовании в Российской Федерации»,

провозглашающим выбор и определённую вариативность, характерную для всех уровней образования: «в соответствии с потребностями личности существует адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и особенностям человека» [5, с. 12]. При этом важно учитывать качественные характеристики адаптации студентов к избранной сфере профессиональной деятельности в процессе их подготовки. А. А. Реан и И. Н. Симаева определяют полноценную адаптацию как содержащую целый спектр самоизменений и выработку личностных качеств, поскольку речь идёт об активном приспособлении личности, об активном самоизменении, самокоррекции в соответствии с требованиями среды [3, с. 23]. В свою очередь, требования среды отражаются через рефлексию в том или ином контексте. В контекстной форме передачи знаний учёные отмечают факторы, которые способствуют профессиональному успеху в условиях современного информационного общества [7, с. 18–20].

В настоящей статье, основываясь на проведённых исследованиях, выделим три фактора, необходимые для реализации компетентностной модели обучения иностранному (английскому) языку на основе контекстного взаимодействия преподавателя и студентов:

- контекстуализированное пространство;
- лидерство;
- стиль работы (целеполагание и работа в команде).

При реализации компетентностной модели обучения на занятиях по иностранному (английскому) языку со студентами неязыковых направлений подготовки бакалавриата большое значение принадлежит контекстному взаимодействию преподавателя и студентов в процессе приобретения и передачи знаний. Т. Давенпорт и Л. Прусак рас-

сматривают «знания» в качестве подвижного опыта, ценностей, контекстной информации и внутренней интуиции, которые позволяют оценивать и приобретать новый опыт и информацию [6, с. 59]. Наибольшую эффективность приобретения и обмена знаниями получают в контекстном взаимодействии.

Необходимо отметить, что «физическое нахождение студента в аудитории не означает коммуникативного нахождения в ситуации, коммуникативного включения» [1, с. 18]. Эффективному контекстному взаимодействию преподавателя и студентов способствует применение метода кейсов специальной профессиональной направленности, которые представляют интерес для студентов, поскольку соотносятся с тематикой избранной сферы профессиональной деятельности. Кейсы разработаны в модульной системе с целью привития у студентов навыков организационной работы в индивидуальной и коллективной формах, через взаимодействие всех участников учебного процесса в ключе контекстуализированного пространства, суть которого проявляется на уровне субъекта через наличие умений исследовать поставленные производственные проблемы на основе проявления вариативности мышления и адаптивности, являются важными качествами для профессиональной деятельности [8, с. 369].

Рассмотрим один из модулей кейса, реализованного в процессе исследования, назначение которого – формирование понятия о дифференциации лексики по сферам её применения (бытовой, терминологической, общенаучной, официальной и т. п.) в контексте профессиональной деятельности в технопарке. Целевой аудиторией являлись студенты первого курса очной формы обучения неязыковых направлений подготовки бакалавриата (обучающиеся в Институте естественных и социально-экономических наук

Новосибирского государственного педагогического университета по направлению «Химия», профиль «Медицинская и фармацевтическая химия»).

Применяемая методика оценки учебных достижений разработана на основе методик доктора психологических наук, профессора В. Д. Шадрикова и доктора педагогических наук, профессора В. В. Сохранова-Преображенского. За теоретическую основу взяты исследования по формированию лексической компетенции.

Было учтено, что «компетенция сегодня – это конкурентоспособность специалиста на рынке труда» [4, с. 175]. В число формируемых в процессе исследования компетенций, согласно ФГОС ВПО, входили компетенции, необходимые для профессиональной деятельности в технопарке: общелексическая, научно-лексическая, общеинформационная, научно-информационная, исследовательская, научно-исследовательская, коммуникативная, научно-коммуникативная. В частности: логически верное, аргументированное и ясное построение устной и письменной речи; знание основных положений и методов социальных, гуманитарных и экономических наук, способность их использования при решении социальных и профессиональных задач и способность к анализу социально значимых проблем и процессов.

Целью модуля являлось развитие профессиональной направленности имеющейся у студентов лингвистической лексической компетенции у студентов-химиков в контексте их профессиональной деятельности. Задачи модуля: конкретизация понятия о дифференциации лексики по сферам применения (бытовой, терминологической, общенаучной, официальной); знакомство со спецификой лексики в академической среде, в фармацевтической сфере, в технопарке; выработка практических навыков по распознаванию лексики, относящейся к социаль-

но значимым проблемам и процессам; работа с печатными и интерактивными ресурсами, содержащими общую и терминологическую лексику; умение взаимодействовать с собеседниками в контексте избранной сферы профессиональной деятельности. Реализация модуля осуществлялась в процессе интерактивного взаимодействия преподавателя иностранного языка и студентов на интерактивном ресурсе «Английский язык для студентов бакалавриата (химия)».

Анализ формирования лингвистической лексической компетенции проводится по следующим функциональным параметрам: мотивационному, эмоционально-ценностному, когнитивному, содержательному, регулятивному, оценочно-результатирующему.

Рассмотрим анализ по мотивационному параметру подробнее.

Указанный параметр выстроен в форме треугольника:

нижний уровень – отсутствие мотивации (может быть из-за личных проблем, незаинтересованности, усталости и т. п.);

средний уровень – наличие внешней мотивации (поскольку преподаватель требует, то я готов это выполнить, т. к. мне ещё зачёты и экзамены сдавать);

вершина треугольника – внутренняя мотивация (при её наличии у самого студента уже сформирована заинтересованность и даже потребность в работе по дисциплине «Иностранный язык», узнав, что такое технопарк, он сам ищет возможности для реализации своего устремления).

При контекстном взаимодействии преподавателя и студентов на занятиях по иностранному (английскому) языку интеграция приобретённых знаний и умений владения той или иной технологией, относящейся к избранной сфере профессиональной деятельности, способствует осуществлению реализации компетентностной модели обучения иностранному (английскому)

языку, если субъект проявляет: умение включить её в область решения производственных задач, определённый стиль работы (с учётом целеполагания и качества работы в команде), лидерские качества.

Библиографический список

1. Герасимова В. А. Учебный процесс в университете: определение ситуации как учебной // Анализ образовательных ситуаций : сб. науч. ст. / под ред. А. М. Корбута и А. А. Полонникова. – Минск : БГУ, 2008. – С. 9–36.
2. Лиферов А. П. Корпоративные образовательные структуры и совершенствование качества трудовых ресурсов // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2012. – № 4 (37). – С. 5–15.
3. Реан А. А., Симаева И. Н. Превентивная адаптивность как новообразование личности // Российский психологический журнал. – 2006. – Т. 3. – № 2. – С. 22–34.
4. Самаруха В. И., Гуляева Л. В. Применение инновационных технологий в научно-образовательном процессе вузов и формирование компетенций студентов в системе технопарков // Известия ИГЭА. – 2010. – № 6 (74). – С. 172–176.
5. Об образовании в Российской Федерации : ФЗ. Глава 1, статья 3. № 273-ФЗ // Российская газета, № 303, 31 декабря 2012.
6. Cited on: Huang L.-S., Quaddus M., Rowe A. L., Lai Ch.-P. An investigation into the factors affecting knowledge management adoption and practice in the life insurance business // Knowledge Management Research & Practice. – 2011. – Vol. 9. – P. 58–72.
7. Magnier-Watanabe R., Benton C., Senoo D. A study of knowledge management enablers across countries // Knowledge Management Research & Practice. – 2011. – Vol. 9. – P. 17–28.
8. Noblet J.-P., Simon E., Parent R. Absorptive capacity: a proposed operationalization // Knowledge Management Research & Practice. – 2011. – Vol. 9. – P. 367–377.

Библиографический список

1. Gerasimova V. A. Uchebnyj process v universite: opredelenie situacii kak uchebnoj // Analiz obrazovatel'nyh situacij : sb. nauch. st. / pod red. A. M. Korbuta i A. A. Polonnikova. – Minsk: BGU, 2008. – S. 9–36.
2. Liferov A. P. Korporativnye obrazovatel'nye struktury i sovershenstvovanie kachestva trudovyh resursov // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. – 2012. – № 4 (37). – S. 5–15.
3. Rean A. A., Simaeva I. N. Preventivnaja adaptivnost' kak novoobrazovanie lichnosti // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. – 2006. – T. 3. – № 2. – S. 22–34.
4. Samaruha V. I., Guljaeva L. V. Primenenie innovacionnyh tehnologij v nauchno-obrazovatel'nom processe vuzov i formirovanie kompetencij studentov v sisteme tehnoparkov // Izvestija IGJeA. – 2010. – № 6 (74). – S. 172–176.
5. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii : FZ. Glava 1, stat'ja 3. № 273-FZ // Rossijskaja gazeta, № 303, 31 dekabnja 2012.
6. Cited on: Huang L.-S., Quaddus M., Rowe A. L., Lai Ch.-P. An investigation into the factors affecting knowledge management adoption and practice in the life insurance business // Knowledge Management Research & Practice. – 2011. – Vol. 9. – P. 58–72.
7. Magnier-Watanabe R., Benton C., Senoo D. A study of knowledge management enablers across countries // Knowledge Management Research & Practice. – 2011. – Vol. 9. – P. 17–28.
8. Noblet J.-P., Simon E., Parent R. Absorptive capacity: a proposed operationalization // Knowledge Management Research & Practice. – 2011. – Vol. 9. – P. 367–377.

© Мишутина О. В., 2014

УДК 370.182

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ –
ВАЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКИСТАНА

Г. Сулаймонова

*Научный сотрудник,
Узбекский научно-исследовательский
институт педагогических наук
имени Т. Н. Кары-Ниязи,
г. Ташкент, Узбекистан*

INTERNATIONAL COOPERATION IN EDUCATION – IMPORTANT
DIRECTION OF CONTINUING EDUCATION IN UZBEKISTAN

G. Sulaymonova

*Research associate,
Uzbek Research Institute
of Pedagogical Sciences
of T. N. Kary-Niyazi, Tashkent, Uzbekistan*

Summary. The article illuminates the goals and objectives of international cooperation in the sphere of education, ideas which are reflected in the Law «On Education» and the National Professional Training Programmed of the Republic of Uzbekistan. With specific examples it is disclosed the essence of international cooperation, which has common and special character in relation to the stages of continuous education system of the country.

Keywords: international cooperation; the agreement on international cooperation in the field of education (memorandum; agreement and exchange program); stages of continuous education.

Социально-политические процессы последнего десятилетия XX века привели к коренным изменениям в развитии всего человечества, которые не только «обновили» карту мира, но и обогатили передовыми идеями содержание геополитики на международном поле.

Процессы глобализации, наблюдаемые в социальной, экономической и культурной сферах, усилили движение к международному сотрудничеству, основанному на гуманистических и демократических принципах. Человечество осознало, что судьбу земного шара определяют не разрушительные силы, националистические и расистские идеи, а принципы сотрудничества, дружбы, взаимопомощи и единства. Поэтому Узбекистан установил дружеские отношения со многими страна-

ми мирового сообщества во всех сферах общественной жизни, в том числе и в сфере образования. Эти отношения основаны на равноправии и опираются на законодательную основу, в соответствии с которой в системе непрерывного образования реализуется международное сотрудничество. В частности, в статье № 33 Закона «Об образовании» отмечено, что в стране осуществляется международное сотрудничество с иностранными государствами по вопросам образования, установлены связи образовательных учреждений республики непосредственно с учебными заведениями зарубежных стран, закреплено право зарубежных государств в установленном законом порядке создавать дополнительные учебные заведения [1, с. 18].

В Национальной программе по подготовке кадров Республики Узбекистан также обозначены задачи по реализации сотрудничества в сфере образования [1, с. 52], которые сводятся к следующему: создание международно-правовой базы сотрудничества; воплощение приоритетных направлений международного сотрудничества; развитие международных образовательных систем; расширение обмена научно-педагогическими кадрами, студентами и учащимися; создание основы для признания на мировом уровне национальных документов (программ) образования; усиление деятельности по привлечению зарубежных специалистов и иностранных инвестиций, имеющих прямое или косвенное отношение к подготовке кадров для республики.

Международное сотрудничество Узбекистана в годы независимости распространяется на все ступени непрерывного образования и предусматривает совершенствование деятельности и управления образовательными учреждениями на всех этапах непрерывного образования, повышение качества и эффективности обучения. В договорах о сотрудничестве специального направления предусмотрена совместная деятельность в отношении образовательных учреждений определённой ступени (например, общее среднее образование, среднее специальное профессиональное образование, высшее или послевузовское образование).

Соответственно, в договорах по одному из двух направлений определены цели и задачи и подбирается необходимая информация. Так, к примеру, 5 апреля 2005 года подписана «Программа о международном сотрудничестве в области образования между правительством Республики Узбекистан и правительством Республики Индия».

Цель программы: реализовать сотрудничество между государствами на всех этапах системы непрерывного об-

разования. В годы независимости на основе указанной программы подписано дополнительное соглашение, в котором обозначен широкий круг задач. **Это:** обмен результатами исследований, изданиями, учебниками, методиками, демонстрационными материалами и информацией; организация совместных конференций, выставок, семинаров; подготовка объединённых мероприятий, составление исследовательских программ, подготовка статей для издания; разработка программ для учителей и организаторов учебного процесса; обмен представителями академических и административных структур; обмен аспирантами, учителями, экспертами и студентами; организация совместных учебных курсов в высших учебных заведениях; дальнейшее развитие двусторонних программ сотрудничества между средними специальными профессиональными учебными заведениями по вопросам подготовки специалистов; изучение возможностей признания этапов образования; организация кафедр по современным исследованиям; выделение стипендий для продолжения работы специалистов признанных высших образовательных учреждений; взаимопомощь в области информационных технологий, изучении компьютерных знаний, математики и естественных дисциплин; обмен опытом между специалистами по вопросам аттестации педагогических и руководящих кадров, аттестации и аккредитации государственных образовательных учреждений, контроля и мониторинга условий подготовки кадров, лицензирования и тестологии негосударственных образовательных учреждений [2, с. 156–157].

26 декабря 2007 года в городе Кохира был подписан Меморандум соглашения между Министерством народного образования Республики Узбекистан и Министерством воспитания и образования Арабской Республики Египет [3],

который относится непосредственно к деятельности общих средних образовательных учреждений и направлен на совершенствование процесса обучения и укрепление взаимосвязей двух стран в области образования.

В соответствии с названным Меморандумом стороны принимают на себя обязательства: осуществлять взаимный обмен документами, исследовательскими работами, учебными планами, программами в области общего и технического образования; поддерживать обмен опытом по вопросам развития технологий, дистанционного и компьютерного обучения, в целях взаимного ознакомления с системой образования двух стран направлять делегации специалистов в области школьного образования; ежегодно предоставлять стипендии обучающимся в докторантуре, преподавателям-профессорам, участвующим в курсах повышения квалификации на взаимных условиях; в целях стимулирования художественных способностей детей проводить выставки (обмен) их рисунков и произведений художественного творчества; организовывать сотрудничество и благотворительную деятельность по отношению к талантливым детям с ограниченными возможностями [3, с. 103–104].

Как было указано выше, на основе международного сотрудничества в сфере образования особое внимание уделено совершенствованию учебного процесса в системе среднего профессионального образования, улучшению качества обучения, материально-технического обеспечения образовательного процесса. Ярким подтверждением этого является сотрудничество Республики Узбекистан и Республики Корея по направлению «Развитие возможностей профессионального образования в Узбекистане» [4, с. 105].

В рамках договорённости между правительствами двух государств Стра-

на утренней свежести выделила в качестве бескорыстной помощи Узбекистану 4 млн долларов США. *Главная цель соглашения:* обеспечить эффективность проекта по развитию среднего профессионального образования и укрепить научно-техническое сотрудничество двух стран [4, с. 105].

Ещё одно важное направление международного сотрудничества Узбекистана – совершенствование системы высшего образования и приближение её к требованиям мировых образовательных стандартов. В этой сфере ведётся практическая работа на основе составленных договоров о сотрудничестве с рядом ведущих высших учебных заведений развитых зарубежных стран, фондов и донорских организаций.

В качестве примера можно привести соглашение о сотрудничестве Министерства высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан с Министерством образования и науки Латвии (от 6 октября 2008 г.) [5, с. 86–87], в основе которого лежат задачи: обмен опытом в сфере высшего образования; содействие в обмене информацией законодательных и нормативно-правовых актов в области образования, развитие и планирование научных исследований по актуальным проблемам образования; совершенствование системы образования и выведение её на уровень международных стандартов; установление прямых связей и научных контактов между учёными, профессорами-преподавателями высших учебных заведений; стимулирование интереса к деятельности совместных проектов по вопросам науки, культуры и образования Европейского Союза, ООН, Совета Европы и других организаций; предоставление стипендий для получения образования, повышения квалификации преподавателям; поддержка обмена студентами, научными сотрудниками высших учебных заведений.

Таким образом, в Узбекистане уделяется особое внимание международному сотрудничеству в сфере образования. Подписан ряд договоров общей и специальной направленности по вопросам непрерывного образования, которые реализуются на всех или отдельных этапах образовательной системы.

Библиографический список

1. Ўқувчи маънавиятини шакллантириш / Нашр учун масъул Ж. Ғ. Йўлдошев / Тузувчилар: Ж. Фозилов, Р. Султонов, Ҳ. Саидов. – Т.: «Ma’rifat-Madadkor», 2000. – Б. 18–52.
2. Ўзбекистон Республикаси ҳукумати билан Ҳиндистон Республикаси ҳукумати ўртасидаги таълим соҳасида ҳамкорлик тўғрисида Алмашинув дастури (Деҳли, 2005 йил 5 апрель) // Ўзбекистон Республикаси Халқаро шартномалар тўплами. – Т., 2005. – 2–4-сонлар. – Б. 156–157-б.
3. Ўзбекистон Республикаси Халқ таълими вазирлиги билан Миср Араб Республикаси Тарбия ва таълим вазирлиги ўртасидаги Англашув Меморандум (Қоҳира, 2007 йил 26 декабрь) // Ўзбекистон Республикаси Халқаро шартномалар тўплами. – Т., 2007. – 4-сон. – Б. 103–104.
4. Ўзбекистон Республикаси ҳукумати билан Корея Республикаси ҳукумати ўртасида Ўзбекистонда профессионал таълимнинг имкониятларини ривожлантириш бўйича лойиҳани амалга ошириш тўғрисидаги Келишув (Тошкент, 2007 йил 28 декабрь) // Ўзбекистон Республикаси Халқаро шартномалар тўплами. – Т., 2007. – 4-сон. – Б. 105.
5. Ўзбекистон Республикаси олий ва ўрта махсус таълим вазирлиги билан Латвия Респу-

бликаси Таълим ва фан вазирлиги ўртасида таълим соҳасида ҳамкорлик тўғрисидаги Битим (Тошкент, 2008 йил 6 октябрь) // Ўзбекистон Республикаси Халқаро шартномалар тўплами. – Т., 2008. – 3–4-сонлар. – Б. 86–87.

Bibliograficheskij spisok

1. Ukuvchi manavijatini shakllantirish / Nashr uchun masul Zh. G. Juldoshev / Tuzuvchilar: Zh. Fozilov, R. Sultonov, H. Saidov. – T.: «Marifat-Madadkor», 2000. – B. 1852.
2. Uzbekiston Respublikasi hukumati bilan Hindiston Respublikasi hukumati urtasidagi talim sohasida hamkorlik tugrisida Almashinuv dasturi (Dehli, 2005 jil 5 aprel') // Uzbekiston Respublikasi Halkaro shartnomalar tuplami. – T., 2005. 24-sonlar. B. 156157-b.
3. Uzbekiston Respublikasi Halk talimi vazirligi bilan Misr Arab Respublikasi Tarbiya va talim vazirligi urtasidagi Anglashuv Memorandum (Kohira, 2007 jil 26 dekabr') // Uzbekiston Respublikasi Halkaro shartnomalar tuplami. – T., 2007. 4-son. B. 103104.
4. Uzbekiston Respublikasi hukumati bilan Koreja Respublikasi hukumati urtasida Uzbekistonda professional talimning imkonijatlarini rivozhlantirish bujicha lojihani amalga oshirish tugrisidagi Keli-shuv (Toshkent, 2007 jil 28 dekabr') // Uzbekiston Respublikasi Halkaro shartnomalar tuplami. – T., 2007. – 4-son. – B. 105.
5. Uzbekiston Respublikasi olij va urta mahsus talim vazirligi bilan Latvija Respublikasi Talim va fan vazirligi urtasida talim sohasida hamkorlik tugrisidagi Bitim (Toshkent, 2008 jil 6 oktjabr') // Uzbekiston Respublikasi Halkaro shartnomalar tuplami. – T., 2008. – 34-sonlar. – B. 8687.

© Сулаймонова Г. Т., 2014

Psychologické vědy

УДК 316.6

ПРИМЕНЕНИЕ ПЛЕЙБЕК-ТЕАТРА В ПРАКТИКЕ ДОРОДОВОЙ ПОДГОТОВКИ ДЛЯ АКТИВИЗАЦИИ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В ТВОРЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ

И. В. Ефимова

*Ph.D. в области психологии,
Донбасский государственный
технический университет,
г. Алчевск, Украина*

PLAYBACK THEATER AS A TOOL FOR ACTIVATION A FEEDBACK IN THE CREATIVE COMMUNICATION IN THE PRACTICE OF ANTENATAL TRAINING

I. V. Efimova

*Ph.D. of psychology degree,
Donbass State Technical University,
Alchevsk, Ukraine*

Summary. It is regarded the possibility of application the Playback Theatre as the lessons of antenatal preparation, defined the conditions, of leading performance in situation for preparing couples to the birth of a child. The Playback Theatre is regarded as one the most effective psychological means to create a favorable field of communication in classes for preparing couples of the antenatal care.

Keywords: the antenatal care; the Playback Theatre; performance; the feedback; the creative communication; the subjects of communication; the role; the audience; the parent; the director.

Дородовая подготовка является частью психологической профилактической подготовки семьи к рождению ребёнка. С психологической точки зрения дородовая подготовка является процессом информирования, обучения субъектов конструктивному диалогу в общении, результативному взаимодействию в предстоящей ситуации родов [4, с. 17–22]. Для эффективного обучения взаимодействию применяются различные психологические, коррекционные методы и практики. К ним относятся творческие тренинги, практические занятия, направленные на активизацию творческого отношения субъектов дородовой подготовки к взаимодействию в родах. На занятиях, кроме отработки навыков партнёрского общения, управления психофизиологическим состоянием,

участники получают опыт партнёрского взаимодействия, проработки психологических барьеров, тревожности, страхов. Субъекты дородовой подготовки развивают умение поддерживать диалог, уделяют внимание невербальному общению, оказывают конструктивную взаимную поддержку. Они обучаются анализировать, прогнозировать результаты совместных действий, приобретают навыки управления эмоциями, самоощущением [6, с. 169–172]. В этом помогает разыгрывание историй, поскольку развивает умение слушать партнёра, предоставлять обратную связь, выражать свои чувства. Личные истории можно разыгрывать с помощью кукол, а также участвуя в плейбек-театре. В практике дородовой подготовки некоторые субъекты испытывают

трудности с предоставлением обратной связи в виду психологических особенностей, скованного самоощущения, действия психологических механизмов защиты. Плейбек-театр – это театр спонтанных импровизаций и зрительских историй, который является средством творческого социально-психологического взаимодействия. Способствуя снятию эмоционального напряжения, ситуативной и субъективной тревожности, плейбек-театр оказывается результативным способом развития желания участников предоставлять обратную связь, что способствует анализу и прогнозированию ситуаций жизни субъектами дородовой подготовки. Происходит это за счёт принятия возможности посмотреть на историю жизни со стороны, возвратиться к значимой ситуации и переосмыслить её вновь, посмотреть на приятные моменты жизни, поделиться событиями с ближайшим окружением.

Субъектами дородовой подготовки являются все участники родов, посещающие занятия: беременные женщины, их партнёры, инструкторы дородовой подготовки, врачи. Психологическая готовность к родам включает достаточный уровень психологической компетентности и доброжелательные отношения между субъектами. В основе доброжелательного отношения между субъектами находятся: гармоничное внутреннее состояние, умение субъектов предоставлять обратную связь, сообщать о своих чувствах, проявлять волевые качества. Достаточный уровень психологической компетентности включает: осознание себя в ситуации родов, знания и умения управлять своим психофизиологическим состоянием, наличие сформированных навыков результативного партнёрского общения и взаимодействия, уверенность и согласие субъектов со своей личной ответственностью в ситуации рождения ребёнка.

Обратная связь – это психологический механизм, мотивирующий субъектов деятельности на улучшение уровня

компетентности в процессе освоения знаний, закрепления навыков и умений [3]. Обратная связь в дородовой подготовке в широком смысле является важным компонентом, активизирующим весь процесс подготовки к родам, к рождению ребёнка в семье. Предоставляя обратную связь, субъекты дородовой подготовки развивают диалог, доброжелательное взаимоотношение, содействуют совместному выполнению задач, стоящих перед семейными парами в процессе дородовой подготовки.

Своевременно скорректированные проблемы в развитии партнёрского общения обеспечивают принятие и реализацию субъектами навыков ответственного взаимодействия, что благоприятно сказывается на дальнейшем развитии партнёрских взаимоотношений в родах, в дородовый и послеродовый периоды.

Показ истории в плейбек-театре в курсе дородовой подготовки проходит в виде разыгрывания коротких тематических перфомансов длительностью не более 30 мин. Перфоманс-представление может не иметь темы, а может быть тематическим, например, «мои сны», «семья на прогулке», «благополучные роды без страха», «моё утро с моим малышом», «папа, мама и наш малыш». Для показа историй лучше использовать короткие формы плейбек-театра, такие как: палитра, табло, живая скульптура, разводной мост [1, с. 80–82]. Плейбек-театр объединяет всех участников дородовой подготовки в одно позитивное поле общения и взаимодействия, что способствует более тесному контакту, улучшению их взаимоотношений. Это происходит за счёт доверительной атмосферы в психологическом поле плейбек-театра, рассказов историй, распознавания своих чувств и предоставления обратной связи участниками в виде высказываний об увиденном [5, с. 5–8].

Перфомансы, которые с успехом могут проходить в семейных клубах, в школах подготовки к родам, практикуются в середине курса дородовой подготовки.

На перфоманс приглашаются семейные пары, ожидающие рождения ребёнка, беременные женщины и их партнёры, доктора родильного дома, инструкторы дородовой подготовки, психологи роддома. Продолжительность перфоманса – до 1 часа. Актёрами плейбек-театра являются постоянные участники плейбек-театра и партнёры беременных женщин, которые ранее получали навык игры в плейбек-театре, посещая открытые репетиции театра по желанию. Все остальные участники присутствуют в роли рассказчиков или зрителей. Кондактором – руководителем действия, является либо директор театра, либо инструктор дородовой подготовки, при условии наличия у него необходимого уровня и опыта проведения кондактинга.

Тематические перфомансы в процессе дородовой подготовки побуждают участников к субъективному обмену чувствами, состояниями, что является внутренней составляющей обратной связи в процессе общения. В результате возрастает число семейных пар, которые рассматривают и принимают различные варианты поведения в дородовой подготовке, в ситуации родов. Поведение партнёров становится более открытым, аутентичным, доброжелательным, собранным, уверенным, что сказывается на росте показателей эмпатии у беременных женщин (в среднем с 49,56 до 65,72), на снижении ситуативной тревожности (в среднем с 2,35 до 1,82) и личностной тревожности (в среднем с 2,85 до 2,15) по тесту Спилберга.

Страхи, мышечные зажимы, длительное психоэмоциональное напряжение создают психологические препятствия в процессе протекания беременности, в родах. Применение плейбек-театра в практике дородовой подготовки позволяет субъектам находиться в творческой атмосфере доверия, самоанализа, побуждает выражать чувства, говорить о самоощущениях [2]. В атмосфере творческой игры происходит формирование обратной связи

как усиливающего элемента в развитии диалога в творческом общении, что положительно сказывается на достижении цели конструктивного взаимодействия субъектов дородовой подготовки. Подготовка к родам в доверительной творческой обстановке содействует позитивному настроению и общению беременных женщин и их партнёров, семейных пар в период ожидания рождения ребёнка в семье.

Библиографический список

1. Джо Салас. Играем реальную жизнь в плейбек-театре. – Изд-во : Когито-Центр, 2009. – 160 с.
2. Калмыкова О. И. Соотношение психологической дистанции и доверия в психологии личности // Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития. – Ставрополь, 2001. – С. 123–128.
3. Корсун Л. Зворотній зв'язок / Л. Корсун, Н. Корсун // Директор школи. Україна. – 2008. – № 5. – С. 66–67.
4. Филиппова Г. Г. Психология материнства. – М. : Изд-во Института психотерапии, 2002. – 240 с.
5. Хамитова И. Ю. Семейная история и её влияние на переживание беременности // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2005. – № 4. – С. 17.
6. Хелен Би. Развитие ребёнка. – 9-е изд. – СПб. : Издательство «Питер», 2003. – 768 с.

Bibliografickij spisok

1. Dzhо Salas. Igraem real'nuju zhizn' v plejбек-teatre. – Izd-vo: Kogito-Centr, 2009. – 160 s.
2. Kalmykova O. I. Sootnoshenie psihologicheskoy distancii i doverija v psihologii lichnosti // Sovremennoe gumanitarnoe znanie o problemah social'nogo razvitiya. – Stavropol', 2001. – С. 123–128.
3. Korsun L. Zvorotnij zv'jazok / L. Korsun, N. Korsun // Direktor shkoli. Ukraїna. – 2008. – № 5. – S. 66–67.
4. Filippova G. G. Psihologija materinstva. – M. : Izd-vo Instituta psihoterapii, 2002. – 240 s.
5. Hamitova I. Ju. Semejnaja istorija i ejo vlijanie na perezhivanie beremennosti / Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza. – 2005. – № 4. – S. 17.
6. Helen Bi. Razvitie rebjonka. – 9-e izd. – Spb. : Izdatel'stvo «Piter», 2003. – 768 s.

© Ефимова И. В., 2014

Lékařské vědy

УДК 616.22-009.11-031.5

АЛГОРИТМ ВЕДЕНИЯ БОЛЬНЫХ С ДВУСТОРОННИМ ПАРАЛИЧОМ ГОРТАНИ

А. И. Крюков	<i>Доктор медицинских наук, профессор, директор,</i>
Н. Л. Кунельская	<i>доктор медицинских наук, профессор, заместитель директора по научной работе, доктор медицинских наук,</i>
Е. А. Кирасирова	<i>научный сотрудник,</i>
О. К. Пиминиди	<i>кандидат медицинских наук,</i>
Н. В. Лафуткина	<i>старший научный сотрудник,</i>
Р. Ф. Мамедов	<i>научный сотрудник, Московский научно-практический Центр оториноларингологии им. Л. И. Свержевского, Департамент здравоохранения, г. Москва, Россия</i>

ALGORITHM FOR MANAGEMENT OF PATIENTS WITH BILATERAL LARYNGEAL PARALYSIS

A. I. Kryukov	<i>Doctor of Medical Sciences, professor, Director,</i>
N. L. Kunelskaya	<i>doctor of Medical Sciences, professor, Deputy Director for Science, doctor of Medical Sciences,</i>
E. A. Kirasirova	<i>research associate,</i>
O. K. Piminidi	<i>candidate of Medical Sciences,</i>
N. V. Lafutkina	<i>Senior Researcher, research associate,</i>
R. F. Mammadov	<i>Moscow Scientific and Practical, The Center of Otorhinolaryngology named after L. I. Sverzhevskiy, Department of Health, Moscow, Russia</i>

Summary. One measure of the effectiveness of surgical treatment of patients with bilateral paralysis of the larynx is the result of a study of respiratory function (ERF). We examined 42 patients with bilateral laryngeal paralysis of various etiologies with stenosis of the upper respiratory tract, with different periods of the disease from 6 months to 3 years or more. In patients suffering from long-term paralysis of the larynx, identified somatic disorders associated with endocrine disorders and chronic hypoxia. All patients underwent surgical treatment in the volume of tracheostomy and laringoplastic, prosthetic lumen formed by the voice of the larynx within 5–7 days, conservative therapy and fonopedic classes.

Keywords: bilateral paralysis of the larynx; laringoplastika; the study of respiratory function.

В настоящее время паралич гортани занимает 2-е место по частоте в структуре хронических заболеваний голосо-

вого аппарата (29,9 %) [1]. Паралич гортани – состояние, являющееся одной из причин стеноза верхних дыхательных

путей, характеризуется односторонним или двусторонним расстройством двигательной функции гортани в виде нарушения или полного отсутствия произвольных движений голосовых складок вследствие нарушения иннервации соответствующих мышц, анкилоза перстнечерпаловидных суставов, воспалительного процесса [1, 3, 4].

Наиболее часто повреждение возвратного гортанного нерва является одним из осложнений хирургии щитовидной железы – при операциях по поводу эндемического и спорадического узлового зоба – от 1 до 4,5 %, диффузного токсического зоба – от 3,5 до 10 %; рака щитовидной железы – 3 %, при повторных операциях на щитовидной железе составляет около 5 % [5, 7].

Выраженность клиники стеноза дыхательных путей зависит от размера голосовой щели. На состояние пациента оказывает влияние и сопутствующая соматическая патология: сердечно-сосудистая и лёгочная, обменные нарушения (гипотиреоз, гипопаратиреоз и т. д.), деформация шейного и грудного отделов позвоночника, избыточный вес. Многочисленные методы хирургического лечения данной патологии преследуют одну цель – расширение голосовой щели и восстановление адекватного дыхания [6, 8].

Единой тактики лечения двустороннего паралича гортани в настоящий момент не существует. Она определяется этиологией заболевания, выраженностью клинической симптоматики, степенью функциональных расстройств, характером адаптационных и компенсаторных механизмов, наличием отягощающей сопутствующей патологии. Реабилитация пациентов направлена на коррекцию дыхательной функции и восстановление голосовой функции [2, 4].

Функциональный результат проведённого хирургического лечения зависит и от возрастных изменений ФВД, связанных с утратой альвеол, снижени-

ем эластичности лёгочной ткани и жизненной ёмкости лёгких со скоростью 10 мл в год, ростом остаточного объёма – физиологического мёртвого пространства [2, 3].

Цель исследования: оптимизация алгоритма ведения больных с двусторонним параличом гортани различной этиологии.

Материалы и методы

За период с 2012 по 2014 год нами обследовано 42 пациента с двусторонним параличом гортани различной этиологии в возрасте от 30 до 68 лет, из них у 37 пациентов паралич гортани был обусловлен перенесённой ранее операцией на щитовидной железе, у 2 – операцией на сосудах шеи и у 3 пациентов имел идиопатический характер. В зависимости от длительности заболевания все пациенты были разделены на 3 группы. Первую группу составили 12 пациентов с двусторонним параличом гортани сроком от 6 месяцев до 1 года. Во вторую группу были включены 16 пациентов с длительностью заболевания от 1 до 3 лет и в третью группу – 14 больных с длительностью заболевания от 3 лет и более.

У большинства больных второй и третьей групп в ходе предоперационного обследования выявлены нарушения белкового и углеводного обмена, водно-солевого обмена, нарушение обмена кальция, патология сердечно-сосудистой системы, артралгии и миопатии, избыточный вес, патология иммунной системы, обусловленные гипотиреозом, а также сопутствующая патология в виде сахарного диабета, бронхиальной астмы.

Всем пациентам выполнено хирургическое лечение в объёме ларинготрахеопластики с односторонней миоаритеноидхордэктомией. В послеоперационном периоде сформированный просвет голосового отдела гортани протезировался гемостатическим

тампоном-обтуратором, объём и длину которого подбирали индивидуально, в зависимости от размера гортанно-трахеального ложа. В просвет трахеи устанавливалась трахеостомическая трубка из термопластического материала необходимого диаметра.

В послеоперационном периоде проводилась консервативная терапия, направленная на купирование реактивного локального воспаления, протезирование сформированного просвета голосового отдела гортани проводилось в течение 5–7 дней. Через 3 недели после проведённого хирургического вмешательства пациенты направлялись к фонопеду для проведения дыхательной гимнастики, фонопедических занятий с целью коррекции дыхательной функции и восстановления голосовой функции.

Заключительным этапом хирургического лечения являлось ушивание трахеального дефекта по Я. С. Бокштейну после контрольного наблюдения и обследования. Во время контрольного периода (3–5 суток) больные находились без трахеального протеза, с герметично заклеенной трахеостомой, ежедневно оценивалась динамика объективной картины по данным непрямой ларингоскопии, ретроградного осмотра гортани.

Скрининговое исследование ФВД проводилось в процессе предоперационного обследования для оценки степени выраженности дыхательной недостаточности, определения физиологических и патофизиологических нарушений дыхательной системы, в послеоперационном периоде и в динамике после самостоятельного закрытия трахеостомы или пластики трахеального дефекта для оценки эффективности проведённого лечения.

Исследование ФВД в плане обследования перед реконструктивной операцией проведено 23 больным для объективной регистрации имеющих-

ся дыхательных нарушений и степени компенсации дыхания. Данное исследование не представлялось возможным произвести 8 пациентам из-за выраженности дыхательной недостаточности и 11 пациентам из-за наличия трахеостомы и выраженности стеноза голосового отдела гортани.

Всем больным в послеоперационном периоде производилось исследование ФВД после удаления тампона-обтуратора для оценки функционального результата перенесённой операции и в динамике, во время проведения контрольного периода без трахеостомической трубки с целью выявления функциональных нарушений дыхания и возможности деканюляции больных. Наличие трахеостомы определённым образом влияет на результаты теста, однако не является противопоказанием для его проведения. Результатами теста, определяющими показания к заключительному этапу реконструктивного лечения – пластике трахеального дефекта, являлись нормальные значения показателей лёгочной вентиляции, а также незначительные изменения лёгочной вентиляции по рестриктивному типу. Так же оценка ФВД проводилась всем пациентам через 1 месяц, 3 месяца и 1 год после пластики трахеального дефекта для оценки функционального результата проведённого хирургического лечения.

Исследование проводилось при помощи аппарата SpiroSoft,[®] включающего набор тестов, позволяющих выявить и оценить состояние механических свойств системы внешнего дыхания, выраженность нарушений основных механизмов газообмена. Устройство SpiroSoft[®] является датчиком потока дыхания, который при присоединении к устройствам CASE[®]/ CardioSys[®]/ CardioSoft[®] позволяет записывать и анализировать петли и параметры потока-объёма. Пневмотахограф снабжён одноразовыми индивидуальными фильтрами, обеспечивает высокий уровень защиты па-

пациента и предоставляет точные результаты. Принцип измерения: трахеальный дефект во время проведения исследования плотно закрыт. Пациент дышит через контрольный экран (мембрана), имеющий известное сопротивление потоку воздуха. Параллельно контрольному экрану измеряется дифференциальное давление, которое изменяется в соответствии с потоком дыхания. Датчик давления преобразует дифференциальное давление в электрический аналоговый сигнал, который, в свою очередь, оценивается модулем анализатора в устройстве SpiroSoft[®], результат регистрируется компьютером в виде числового графика и его интерпретации.

Результаты

У всех пациентов с двусторонним параличом гортани, по данным ФВД, в предоперационном периоде отмечались выраженные изменения дыхания по обструктивному типу. У больных первой группы в послеоперационном периоде были отмечены приближенные к нормальным показатели ФВД. У больных второй группы отмечено значительное улучшение показателей ФВД, однако у 5 пациентов сохранялись умеренные нарушения лёгочной вентиляции по рестриктивному типу, которые корригировались успешно дыхательной гимнастикой. В третьей группе у 4 пациентов отмечены нормальные показатели ФВД, у 7 – умеренные нарушения лёгочной вентиляции по рестриктивному типу, выраженные нарушения лёгочной вентиляции выявлены у 3 пациентов третьей группы. Отклонения показателей ФВД от нормальных в послеоперационном периоде у больных 2-й и 3-й групп было связано с патологией мышц гортани, нижележащих дыхательных путей и/или нарушением подвижности диафрагмы, обусловленных длительным конюленосительством. После проведения курса дыхательной гимнастики и фонопедических занятий в течение 1 месяца

у 3 больных 2-й группы и 6 больных 3-й группы сохранялись умеренные нарушения лёгочной вентиляции по рестриктивному типу, в связи с чем был продолжен курс дыхательных упражнений и отсрочена пластика трахеального дефекта.

Основным показанием для проведения пластики трахеального дефекта являлись нормальные показатели ФВД. Пациентам 1-й группы и пациентам 2-й и 3-й групп с нормальными показателями ФВД пластика трахеального дефекта проводилась через 1 месяц после ларингопластики. Остальным больным пластика трахеального дефекта была произведена после проведения курса дыхательной гимнастики и фонопедических занятий и восстановления показателей ФВД.

Через месяц после пластики трахеального дефекта умеренные нарушения лёгочной вентиляции по рестриктивному типу сохранялись у 2 пациентов 2-й группы и 4 пациентов 3-й группы, у остальных пациентов показатели ФВД были в пределах нормы. В 3-й группе 3 больных с выраженными нарушениями лёгочной вентиляции деканюлированы не были.

При динамическом осмотре и выполнении исследования ФВД через 3 месяца и через год после пластики трахеального дефекта ухудшения показателей ФВД не выявлено.

У большинства больных в процессе длительного существования стеноза (более 1 года) формируется так называемая стенотическая болезнь (компенсаторные сдвиги со стороны сердечно-сосудистой, дыхательной систем и системы крови переходят в стойкую патологию), при этом показатели ФВД и функциональный результат проведенного хирургического лечения зависят от компенсаторных возможностей организма и выраженности стенотической болезни.

Заключение

Таким образом, у больных двусторонним параличом гортани восстановление нормальных показателей ФВД после проведенной операции зависит от ряда причин: длительности заболевания, наличия сопутствующей отягощающей патологии, характера реконструктивной операции. У больных с длительностью заболевания от 6 месяцев до 1 года отмечалось полное восстановление показателей лёгочной вентиляции. Пациенты с длительностью паралича гортани от 3 лет и более, несмотря на проведенное хирургическое лечение, консервативную терапию и фonoпедические занятия, требовали более длительного наблюдения, у них сохранялись умеренные нарушения лёгочной вентиляции по рестриктивному типу, а в ряде случаев и выраженные, что явилось противопоказанием для деканюляции больных с продолжением консервативной терапии. Скрининговое исследование ФВД позволяет объективно оценить функциональное состояние дыхательных путей после реконструктивной операции и определять возможность деканюляции больных.

Библиографический список

1. Валдина Е. А. Заболевания щитовидной железы. – 2006. – С. 368.
2. Ежова Е. Г. Диагностика и лечение острых постинтубационных стенозов гортани и трахеи : автореф. дис. ... канд. мед. наук. – М., 2002. – С. 9–11.
3. Ермаков В. Н. Функциональная диагностика хронических стенозов гортани : автореф. дисс. ... канд. мед. наук. – СПб., 2003. – С. 21.
4. Спирин Н. Н., Александров Ю. К., Касаткина Е. Л. и др. Неврологические аспекты нарушения функции щитовидной железы : метод. пособие. – Ярославль: Ремдер, 2007. – С. 40.
5. Robertson M. L. et al. Continuous laryngeal nerve integrity monitoring during thyroidectomy: does

it reduce risk of injury? // *Otolaryngol Head Neck Surg.* – 2004. – Nov. – Vol. 131. – № 5. – P. 596–600.

6. Orgiazzi J. Hypothyroidism: causes, mechanisms, clinical presentation, diagnosis, treatment // *J. Thyroid International.* – 1996. – Vol. 3. – P. 1–20.
7. Procaccianti F. et al. Palpatory method used to identify the recurrent laryngeal nerve during thyroidectomy // *World J Surg.* – 2001. – Feb. – Vol. 25. – № 2. – P. 252–253.
8. Smith J. W., Evans A. T., Costall B., Smythe J. W. Thyroid hormones, brain function and cognition: a brief review. – *Neurosci & Biobehav Rev*, 2002. – 26:1: 45–60.

Библиографический список

1. Valdina E. A. Zabolevaniya shhitovidnoj zhelezy. – 2006. – S. 368.
2. Ezhova E. G. Diagnostika i lechenie ostrykh postintubacionnyh stenozov gortani i trahei : avtoref. dis. ... kand. med. nauk. – M., 2002. – S. 9–11.
3. Ermakov V. N. Funkcional'naja diagnostika hronicheskikh stenozov gortani : avtoref. diss. ... kand. med. nauk. – SPb., 2003. – S. 21.
4. Spirin N. N., Aleksandrov Ju. K., Kasatkina E. L. i dr. Nevrologicheskie aspekty narusheniya funkicii shhitovidnoj zhelezy : metod. posobie. – Jaroslavl': Remder, 2007. – S. 40.
5. Robertson M. L. et al. Continuous laryngeal nerve integrity monitoring during thyroidectomy: does it reduce risk of injury? // *Otolaryngol Head Neck Surg.* – 2004. – Nov. – Vol. 131. – № 5. – P. 596–600.
6. Orgiazzi J. Hypothyroidism: causes, mechanisms, clinical presentation, diagnosis, treatment // *J. Thyroid International.* – 1996. – Vol. 3. – P. 1–20.
7. Procaccianti F. et al. Palpatory method used to identify the recurrent laryngeal nerve during thyroidectomy // *World J Surg.* – 2001. – Feb. – Vol. 25. – № 2. – P. 252–253.
8. Smith J. W., Evans A. T., Costall B., Smythe J. W. Thyroid hormones, brain function and cognition: a brief review. – *Neurosci & Biobehav Rev*, 2002. – 26:1: 45–60.

© Крюков А. И., Кунельская Н. Л.,
Кирасирова Е. А., Пиминиди О. К.,
Лафуткина Н. В., Мамедов Р. Ф., 2014

Sociální vědy

УДК 7.038.53:77

МОЛОДЁЖЬ О ФОТОГРАФИИ

Н. В. Абросимова

*Кандидат политических наук,
Санкт-Петербургский
государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

YOUTH AND PHOTOGRAPHY

N. V. Abrosimova

*Candidate of Political Sciences,
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia*

Summary. In the article the author presents data empirical research «Youth's attitude to photography», conducted by the author in the form of a questionnaire in the spring of 2014. The respondents were asked three sets of questions: «General attitude towards photography», «Technical tools of photography», «Theory and history of photography».

Keywords: photography; interdisciplinary approach; youth; applied studies; public opinion poll; visual studies; image.

Современное общество немислимо без визуальных образов, ежедневно создаваемых и воспринимаемых (потребляемых) человеком. Очевидно и то, «что когда человек воспринимает окружающий мир, он строит свою картину, свой образ этого мира» [2]. И молодые люди, повсеместно использующие доступные сегодня практически каждому технологии, не являются исключением. Учитывая вышесказанное и возрастающий интерес зарубежного и российского научного сообщества к изучению истории и теории электронно-цифровых технологий, анализу их влияния на жизнь человека, искусства фотографии как части выходящего направления, условно называемого «visual studies», или «исследования визуального» [2, 3, 4], весьма актуальными представляются результаты эмпирического исследова-

ния, с отдельными итогами которого автор и предлагает ознакомиться.

Итак, весной 2014 года автором исследования «Отношение молодёжи к фотографии» было проведено анкетирование. Анкета содержала несколько блоков вопросов (информация об ответах на вопросы паспорттики не включены в данный материал). Первый блок вопросов автором был назван «Общее отношение к фотографии». Ответы на некоторые вопросы этого блока были представлены на конференции «Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях» [1].

На вопрос: «Что именно Вас интересует в фотографии» (можно было выбрать несколько вариантов ответа) респонденты ответили следующим образом. 63% выбрали вариант «процесс фотографирования», 48% – «процесс выслушивания отзывов, чтения

откликов, наблюдения количества «лайков» от людей, просмотревших Ваши снимки», 46 % – «процесс обработки фотоизображений с помощью компьютерных программ», 32 % – «процесс выкладывания фотографий в Интернет». Далее по убывающей разместились такие ответы на вопрос: по 16 % (каждый вариант ответа) – «история фотографии как искусства» и «процесс размещения фотографий в фотоальбоме», по 9 % – «история фотографии как технического изобретения» и «процесс проявки плёнки и печати фотографий своими руками». 7 % опрошенных выбрали вариант «другое», добавив при этом следующее (здесь и далее в статье стиль, слова и фразы опрошенных сохранены без изменений): «любопытство», «мне нравится, когда меня фотографируют», «сама фотография как арт-объект», «процесс просмотра фотографий и их оценка», «разработка творческих образов, абсурдность, фото как произведение искусства», «память», «интересны различные выставки и работы в студии с профессиональными фотографами».

На вопрос: «Для Вас фотография – это...» (можно было выбрать несколько вариантов ответа) опрашиваемые ответили: 58 % – «документ с изображением прошедшего события»; 46 % – «искусство»; 41 % – «возможность показать себя, свои способности»; 25 % – «средство для общения с людьми». По 8 % набрали варианты ответа «фотка», изображение, которому не стоит предавать особое значение (по принципу «сфоткал и забыл») и «другое» (варианты своих ответов: «память», «воспоминания», «трафик», «фотографии для меня очень дороги, я запечатлеваю лучшие моменты своей жизни, в этих фотографиях содержится очень много воспоминаний и впечатлений», «хобби», «увлечение, творческая самореализация»). Только 1 % назвал фотографию своей профессией, работой.

Среди опрошенных респондентов, ответивших положительно (количество ответивших «да, часто» и «да, иногда», «да, очень редко» было представлено в статье на указанной выше конференции [1]) на вопрос: «Когда Вы фотографируете, Вы: ...» вариант «запечатлеваю событие/человека на память» выбрали большинство, что в процентном соотношении составило 89 %. Наименьшее количество раз (2 %) был выбран вариант «другое», при этом были добавлены следующие ответы: «нажимаю на кнопку», «селфи», «просто фотографирую», «ищу что-то новое в обычных местах», «стараюсь показать окружающий меня мир в более ярких красках, получаю удовольствие, пытаюсь произвести нечто новое».

Второй блок вопросов был назван «Процесс создания изображения с помощью фотокамеры».

Ответы на вопрос: «С какой целью Вы фотографируете?» (можно было выбрать несколько вариантов ответа) распределились следующим образом. Вариант «для того чтобы выложить изображение в Интернете (соцсетях, блогах, сайтах)» выбрали 81 % опрошенных респондентов, примерно половина респондентов выбрали вариант «для семейного альбома» (48 %). Меньшим количеством респондентов были выбраны такие ответы: «для создания рекламных материалов» и «делаю фотоснимки для документов» (по 3 % каждый), «для иллюстрирования чужих новостей, статей и прочих информационных материалов в СМИ» (2 %).

На вопрос: «Что/кого Вы фотографируете чаще всего?» (можно было выбрать три варианта ответа) от респондентов поступили такие ответы. Большее число опрашиваемых выбрали вариант «друзей» (77 %). Вариант «природу (море, горы, леса, поля и т. п.)» отметили 60 % опрошенных, «себя» – чуть более половины (54 %) и городские виды (пейзажи в городе и т. п.) – 46 %.

Наименьшее число респондентов выбрали вариант «незнакомых мне людей» (9 %) и «другое» (8 %), приписав при этом такие ответы: «свои работы или чужие творческие работы», «снимаю всё», «экстрим», «прикольные надписи», «еду», «небо», «текст», «любые интересные мне вещи, необычные, смешные».

В ответ на вопрос: «Какие фотоизображения Вы создаёте чаще всего?» (возможен только один вариант ответа) анкетёр получил следующие ответы: реалистичные (69 %), абстрактные (5 %), затрудняюсь ответить (25 %).

В анкете присутствовал также блок вопросов, касающихся технических средств фотографии. Так, во-первых, респондентам было предложено выбрать один из трёх вариантов ответов («использую только ручные настройки», «использую и ручные настройки, и автоматический режим», «использую только автоматический режим») на вопрос: «Когда Вы фотографируете, Вы: ...». Результаты распределились так: первый из вышеуказанных вариантов набрал 17 %, второй – 68 %, третий – 15 %.

Во-вторых, респонденты отвечали на вопрос: «Каким фотоаппаратом Вы пользуетесь в последнее время?», также как в предыдущем вопросе, выбирая только один вариант. Результат получился следующим. Большинство опрошенных (54 %) выбрали вариант «использую фотокамеру, встроенную в мобильный телефон». Меньше всего респондентов выбрали такие ответы: «создаю фотографии доплёночным способом» (1 %), «использую плёночный фотоаппарат зарубежного производства» (1 %), «использую плёночный советский фотоаппарат» (2 %).

В-третьих, опрашиваемым был предложен вопрос с возможностью выбрать один вариант ответа: «Обрабатываете ли Вы фотографии на компьютере?». Ответы распределились так: «да, редко» выбрали 39 % респондентов,

«да, часто» – 28 %, «никогда» – 19 %, «да, всегда» – 14 %. Таким образом, можно сказать, что большинство (81 %) опрошенных в той или иной степени используют компьютер при создании фотоизображений.

В-третьих, тем респондентам, которые используют компьютер для обработки фотографий, было предложено ответить на следующий вопрос: «Какими компьютерными программами обработки фотоизображений Вы пользуетесь?» (предусмотрена возможность выбора нескольких вариантов ответа). На что было получено следующее: 54 % респондентов, обрабатывающих фотографии на компьютере, работают с программой «Adobe Photoshop», 11 % – «Adobe Photoshop Lightroom». 29 % опрошенных выбрали вариант «другое». Последних условно можно разделить на две группы. Первая группа – те, кто назвал программы, сайты или устройство, на котором установлена программа: «Avatan», «Aviary», «Picasa», «Befunky», «gfranq.com», «iPhoto», «Line camera», «Retrica», «Animal Face», «Paint.net», «Pixlr (on-line)», «PhotoScape», «Instagram», «Photomania», «программы на айфоне», «Catwang», «Paint tool Sai», «PicsArt», «pixlr editor», «pixlr o-matic», «lomogram», «Pixlromatict», «ZoomBrowser, если снимаю фото не на плёнку», «использую телефонные настройки и эффекты». Вторая группа – те, кто не помнит, не знает, затрудняется ответить: «использую онлайн-фоторедактор, но не знаю названия сайта (программы)», «не помню названия», «различные онлайн-фоторедакторы», «затрудняюсь ответить», «т. к. ещё только любитель, обрабатываю, где попало».

Следующий блок вопросов анкеты был посвящён теории и истории фотографии. В рамках данного блока было несколько открытых вопросов.

Итак, первый вопрос: «Какие жанры фотографии Вы знаете?». Ответы респондентов распределились следующим

образом: чуть меньше половины (47%) респондентов затруднились ответить. Чаще всего респонденты упоминали такой жанр, как «портрет» (43 раза), жанр пейзажа был упомянут 42 раза, 18 раз вспомнили о натюрморте. Семь раз респондентами к жанру фотографии отнесён «репортаж», или «репортажная съёмка». Кроме того, к отдельным жанрам причислили (6 раз каждый вид) такие виды съёмки: «селфи» и «ню», или «фотография в стиле ню». По три раза упоминаются как жанры: «архитектурная фотография», или «архитектурное», или «архитектурные», «документальная съёмка», или «документальное фото», «панорама», или «панорамная съёмка», «свадебная», или «свадебное», «уличная фотография», «чёрно-белая фотография», или «чёрно-белое фото». По два раза как о жанрах говорили о следующем: «городские съёмки», или «городской пейзаж», «жанровая фотография», или «жанровые снимки», «интерьерная», или «интерьерное», «коллаж», «макросъёмка», «предметная съёмка», «ретро», «сепия», «сюрреализм», «фотожурналистика», или «фотография для СМИ – «с места событий». По одному разу к числу жанров отнесли такие: «fashion», «анималистический», «астро», «аэрофото-съёмка», «бытовой жанр», «винтаж», «коммерческая (рекламная)», «концертные съёмки», «мобилография», «новостная», «ночная фотография», «нуар», «пикториализм», «реалистичный и абстрактный жанры», «репрография», «семейное фото», «студийное фото», «трэш-съёмка», «фотоимпрессионизм», а также «экстрим-фото» и даже «личные фотографии и фотоискусство».

Второй вопрос блока теории и истории фотографии звучал следующим образом: «Какие имена изобретателей фотографии Вы знаете?». В результате были получены такие ответы: 86% затруднились ответить на вопрос, 5%

ответивших назвали имя Дагерра, 3% указали братьев Булла, 2% назвали имя Нисефора Ньепса, 1% – братьев Люмьер, Максвелла, Карла Вильгельма Шееле, Гершеля, Эдисона и даже Марата Сафина.

На третий вопрос: «Какие имена зарубежных и советских/российских фотографов Вы знаете?» – были получены такие ответы: «Карл Булла», «Atle Rønningen», «Хельмут Ньютон», «Терри Ричардсон», «Найджел Баркер», «Пётр Чечулин», «Илья Юртаев», «Сергей Виталич», «Патрик Демаршелье», «Брайан Адамс», «Марио Тестино», «Игорь Мухин», «Джерри Гионис (свадебный фотограф)», «Игорь Бурба», «Анастасия Грушевская», «Даниил Ярошук», «Дмитрий Азаров», «Муррад Османн», «Пьерджорджо Бранци», «Ник Найт», «Александр Меерсон», «Гюнтер Рихли», «Клаус Нигте», «Владимир Кириллов», «Айххорн Рут», «Гальперин», «Захаров», «Люмьеры», «Быков», «Кауфман», «Лагранж», «Уорхол», «Шайхет», «знаю больше, сейчас помню эти: Юрий Рост, Лев Мелехов, Валерий Плотников, Вивьен Майер», «Ян Саудек», «Рэльф Гибсон». Четыре человека сказали «не знаю». Кроме того, интервьюируемые дали такие ответы: «не вижу смысла интересоваться ими, когда ты сам занимаешься фото и создаёшь что-то своё», «плохо запоминаю имена, хотя и знакома со многими работами», «что-то никто в голову и не идёт :)), «если честно, я не запоминаю имена», «имена эти я знаю, но не могу с уверенностью сказать, что их работы мне нравятся: Стив Маккари, Ричард Аведон».

Четвёртый вопрос блока «Теория и история фотографии» звучал так: «Что такое ритм в фотоискусстве?». «Не знаю» сказали 84% опрошенных. Были получены и такие ответы: «это повторение однородных предметов или деталей одного предмета», «то, что приводит фотографию в движение, делая

её художественным произведением», «повторение с определёнными промежутками», «повторение фигур, цвета», «ритм – организованность пространства; непрерывность, периодичность, протяжённость снимаемого объекта во времени и пространстве», «построение композиции посредством определённого чередования форм и контрастов», «равное повторение одних и тех же элементов с одинаковым промежутком на фотографии», «это какую композицию снимают», «взаимодействующие предметы, которые могут совершенно не сочетаться друг с другом», «возможно, качество выбора композиции», «движение в фотографии с помощью цветов, композиции», «повторение каких-то предметов, где они могут находиться на каком-то определённом расстоянии», «одно из нескольких выразительных средств, применённых для создания композиции», «это повторение определённых предметов», «сочетание света, теней, цвета; точно не знаю», «может быть, компиляция фотографий с изображением движущегося предмета/человека», «это повторяющиеся, идентичные и/или одинаковые элементы на фото, в общем, не знаю, как это объяснить, но мне это нравится», «динамика фотоснимков».

На следующий вопрос: «Что такое «правило третей» в фотоискусстве?» блока теории и истории фотографии автором статьи были получены такие ответы: вариант «не знаю» написали 81% респондентов. Кроме того, были даны нижеследующие ответы. Их условно можно разделить на три группы:

1) «если предмет убрать и ничего не изменится, то этот предмет лишний, а если чего-то не хватает, то он нужен»;

2) «третья фотография всегда успешна))) я так думаю», «возможно, это означает то, что третья фотография получается лучше всего, «каждая третья фотография получается лучше (то есть только с третьего раза)», «третья

фотография всегда получается лучше всего», «возможно, это означает, что каждая третья фотография получается лучше предыдущих», «две первые фотки «пристрельные»»;

3) «кого-то третировал и сфоткал, а если серьёзно – это один из законов композиции», «способ построения композиции», « $2/3$ и треть на горизонт-небо», «предполагаю, что это условное разделение кадра на три части», «композиционное деление фото на 3 равные части по горизонтали/вертикали», «правило третей – принцип построения фотографии на основе упрощённого правила о золотом сечении», «деление композиции при помощи параллельных линий на три равные части с каждой стороны фотоизображения», «использование правила золотого сечения в упрощённом виде – правило построения композиции, использование чисел Фибоначчи в построении пропорций на композиции», «как расположены главные объекты», «правило, в котором говорится, что горизонт должен занимать треть или две трети кадра, а не половину кадра», «правило золотого сечения», «это правило золотого сечения, построение композиции, так сказать», «может быть, это значит, что должны быть три равновесные части?», «что-то, связанное с пропорцией/перспективой на фотографии».

Исходя из представленных выше материалов, автор делает следующие выводы. Молодым людям нравится в фотографии сам процесс фотографирования, процесс выслушивания отзывов, чтения откликов, наблюдение количества «лайков» от людей, просмотревших снимки в Интернете, а также процессы обработки фотоизображений с помощью компьютерных программ и выкладывания фотографий в Интернет. Кроме того, фотография для них является документом с изображением прошедшего события, искусством,

средством коммуникации и возможностью показать себя и свои способности. Большинство опрошенных (81%) фотографируют с целью дальнейшего размещения фотографий в Интернете (социальных сетях, блогах, сайтах), что ещё раз подтверждает тезис о влиянии фотографии на процесс создания виртуальной реальности [10]. Большинство опрошенных чаще всего фотографируют друзей, природу, себя и город. Чаще всего респонденты создают реалистичные фотообразы, а не абстрактные.

Стоит констатировать тот факт, что молодые люди используют технические средства искусства фотографии, не зная о том, что такое жанр фотографии и такие её изобразительные средства, как ритм и золотое сечение. Большая часть опрошенных (86%) не знакомы с именами изобретателей фотографии, но лучше дело обстоит со знанием имён фотографов. Таким образом, можно сделать вывод, что молодые люди используют фотографию как практику повседневности, техническое средство для создания образов реальности, позволяющее им общаться, познавать самих себя и окружающий их мир.

Библиографический список

1. Абросимова Н. В. К теме исследования фотоискусства как средства творческого развития молодёжи // *Purposes, tasks and values of education in modern conditions : materials of the international scientific conference on October 13–14, 2014.* – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014.
2. Абросимова Н. В. Понятие технологий создания общественного образа институтов политической власти // *Новые идеи в теории и практике : сб. науч. трудов. Вып. 2.* – СПб. : Роза мира, 2007. – С. 71.
3. Абросимова Н. В. Технологии создания общественного образа институтов политической власти : автореф. дис. ... канд. полит. наук : спец. 23.00.02. – СПб., 2004. – 25 с.
4. Беззубова О. В. Визуальная культура и визуальный поворот в культуральных исследованиях второй половины XX века // *Аналитика культурологии.* – 2013. – № 28. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-kultura-i-vizualnyy-povorot-v-kulturalnyh-issledovaniyah-vtoroy-poloviny-hh-veka-1> (дата обращения: 20.09.2014).
5. Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. – СПб. : Изд-во Европейского университета, 2013. – 266 с. – (Серия «Территория взгляда»).
6. Бергер Дж. Искусство видеть / пер. с англ. Е. Шраги. – СПб. : Клаудберри, 2012. – 184 с.
7. Бурдые П., Болтанская Л., Кастель Р., Шамборедон Ж.-К. Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии / пер. с франц. Ю. М. Скуратова. – М. : Праксис, 2014. – 456 с.
8. Гавришина О. В. Империя света: фотография как визуальная практика эпохи современности. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 192 с. – (Серия «Очерки визуальности»).
9. Левашов В. Лекции по истории фотографии. – 2-е изд. – М. : Тримедиа Контент, 2012. – 484 с.
10. Лишаев С. Помнить фотографией. – СПб. : Алетейя, 2013. – 140 с. – (Серия «Тела мысли»).
11. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство / пер. с англ. М. Коробочкина. – М. : Strelka Press, 2014. – 392 с.
12. Петровская Е. В. Теория образа. – М. : РГГУ, 2012. – 281 с.
13. Подольский Н. Ген художника в фотографической реальности. Эссе о художественной фотографии. – СПб. : Лимбус Пресс, 2013. – 168 с.
14. Сальникова Е. В. Средневековая история визуальности // *Развлечение и искусство / ред.-сост. д. ф. н. Е. В. Дуков.* – СПб. : Нестор-История, 2011. – Вып. 2. – С. 74–102.
15. Симбирцева Н. А. Визуальное в современной культуре // *Человек в мире культуры.* – 2012. – № 1. – С. 31–34. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vizualnoe-v-sovremennoy-kulture> (дата обращения: 15.06.2014).
16. Сосна Н. Фотография и образ: визуальное, непрозрачное, призрачное. – М. : Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2011. – 200 с.
17. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности : учеб. пособие. – 6-е изд., стер. – М. : Омега-Л, 2012. – 567 с. – (Серия «Университетский учебник»).

Bibliografickij spisok

1. Abrosimova N. V. K teme issledovanija fotoiskusstva kak sredstva tvorcheskogo razvitiya molodjozhi // Purposes, tasks and values of education in modern conditions : materials of the international scientific conference on October 13–14, 2014. – Prague : Vědecko vydavatel'ské centrum «Sociosféra-CZ», 2014.
2. Abrosimova N. V. Ponjatie tehnologij sozdaniya obshhestvennogo obraza institutov politicheskoy vlasti // Novye idei v teorii i praktike : sb. nauch. trudov. Vyp. 2. – SPb. : Roza mira, 2007. – S. 71.
3. Abrosimova N. V. Tehnologii sozdaniya obshhestvennogo obraza institutov politicheskoy vlasti : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk : spec. 23.00.02. – SPb., 2004. – 25 c.
4. Bezzubova O. V. Vizual'naja kul'tura i vizual'nyj povorot v kul'tural'nyh issledovaniyah vtoroj poloviny HH veka // Analitika kul'turologii. – 2013. – № 28. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-kultura-i-vizualny-povorot-v-kulturalnyh-issledovaniyah-vtoroy-poloviny-hh-veka-1> (data obrashhenija: 20.09.2014).
5. Bojcova O. Ju. Ljubitel'skie foto: vizual'naja kul'tura povsednevnosti. – SPb. : Izd-vo Evropejskogo universiteta, 2013. – 266 s. – (Serija «Territorija vzgljada»).
6. Berger Dzh. Iskusstvo videt' / per. s angl. E. Shragi. – SPb. : Klaudberri, 2012. – 184 s.
7. Burd'e P., Boltanskaja L., Kastel' R., Shamboredon Zh.-K. Obshhedostupnoe iskusstvo: opyt o social'nom ispol'zovanii fotografii / per. s franc. Ju. M. Skuratova. – M. : Praksis, 2014. – 456 s.
8. Gavrishina O. V. Imperija sveta: fotografija kak vizual'naja praktika jepohi sovremennosti. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. – 192 s. – (Serija «Ocherki vizual'nosti»).
9. Levashov V. Lekcii po istorii fotografii. – 2-e izd. – M. : Trimedia Kontent, 2012. – 484 s.
10. Lishaev S. Pomnit' fotografiej. – SPb. : Aleteija, 2013. – 140 s. – (Serija «Tela mysli»).
11. Makkuajr S. Medijnyj gorod: media, arhitektura i gorodskoe prostranstvo / per. s angl. M. Korobochkina. – M. : Strelka Press, 2014. – 392 s.
12. Petrovskaja E. V. Teorija obraza. – M. : RGGU, 2012. – 281 s.
13. Podol'skij N. Gen hudozhnika v fotograficheskoj real'nosti. Jesse o hudozhestvennoj fotografii. – SPb. : Limbus Press, 2013. – 168 s.
14. Sal'nikova E. V. Srednevekovaja istorija vizual'nosti // Razvlechenie i iskusstvo / red.-sost. d. f. n. E. V. Dukov. – SPb. : Nestor-Istorija, 2011. – Vyp. 2. – S. 74–102.
15. Simbirceva N. A. Vizual'noe v sovremennoj kul'ture // Chelovek v mire kul'tury. – 2012. – № 1. – S. 31–34. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vizualnoe-v-sovremennoj-kul'ture> (data obrashhenija: 15.06.2014).
16. Sosna N. Fotografija i obraz: vizual'noe, neprozrachnoe, prizrachnoe. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie; Institut filosofii RAN, 2011. – 200 s.
17. Jadov V. A. Strategija sociologicheskogo issledovanija: opisanie, objasnenie, ponimanie social'noj real'nosti : ucheb. posobie. – 6-e izd., ster. – M. : Omega-L, 2012. – 567 s. – (Serija «Universitetskij uchebnik»).

© Абросимова Н. В., 2014

UDC 61.614.7: 644.6 (477)

FREQUENCY OF USING DRINKING-WATER PURIFIERS AMONG PEASANTS – INHABITANTS OF THE DNEPROPETROVSK SETTLEMENTS

L. V. Hryhorenko

*Candidate of Medical Sciences,
assistant professor,
Dnepropetrovsk Medical Academy MHU,
Dnepropetrovsk, Ukraine*

Summary. Majority of peasants' population in the experimental districts (Krivorozhskii, Sofievskii, Shyrokovskii, Dnepropetrovskii) were covered with centralized water supply and predominantly presence of decentralized and bottled water. Interviews were collected from the given respondents have been shown additional purification as the best possible way in respect to improve potable water quality. According to the data of follow-up study, $42,16 \pm 5,56\%$ of peasants used boiling as well as purification method; $23,80 \pm 0,65\%$ interviewing in the local settlements have never used water-purifying filters; $27,96 \pm 0,55\%$ peasants applied filter from time to time; $91,67 \pm 0,88\%$ rural residents are not satisfied exploitation of the filter; $32,08 \pm 15,82\%$ focused on the addition purification methods, except filtration ($p < 0,001$).

Keywords: standardized interviews; drinking-water purifiers; water bottling plants; water treatment plants; bottled water.

Introduction. Most of East Ukrainian population was well spread covered with bottled water. Respondents from others parts of Ukraine were supported by drinking water from artesian wells – 5 % of population, mine wells – 2 %, from local sources of water supply – 3 %. Minority population from East region of Ukraine estimates drinking tapwater as a “high-quality”. Majority of inhabitants from Central region of the country consider drinking water to be “poor quality” [5]. Literary review carried out for the last years focused on an alternative of drinking tap water and methods of its purification in household conditions. Therefore, tendency to increase bottled (packaged) drinking water, which will be realized in the points of overflow, was registered [6].

Purpose of work is collection detailed information about quality of tap water entering the building (apartment), using by population living in the rural settlements and town dwellers in the Dnepropetrovsk city (control group) in order to estimate their point of view toward drinking-water purifiers.

Material and Methods. Standardized interviews among peasants in the Dnepropetrovsk region for 2012–2014 years have been carried out in order to establish respondents' point of view towards the drinking-water purifiers. Standardized questionnaire was designed for interviewing peasants: $51,93 \pm 0,81\%$ of women, $46,87 \pm 0,94\%$ of men on average age from 35 to 55 years, $56,50 \pm 3,01\%$ of worker staff, $42,60 \pm 1,45\%$ of paper – shuffler, $23,93 \pm 0,35\%$ of inhabitants living in this settlement less than 10 years, $78,03 \pm 0,52\%$ – more than 10 years, $78,73 \pm 1,12\%$ of peasants use drinking water from local sources more than 10 years, $19,67 \pm 0,60\%$ less than 10 years. Majority of peasants in the Dnepropetrovsk region were not covered with centralized system of water supply [1]. Choosing of the experimental districts (Krivorozhskii, Sofievskii, Shyrokovskii, Dnepropetrovskii) was based on the prevalence of the decentralized and imported system of water supply. Beside the standardized “Questionnaire of sociological poll focused on drinking tap water supply of the building (apartment)” also

the "Dwelling Questionnaire" [2] was used in the baseline study to assess the drinking-water purifiers quality. Both questionnaires included 53 questions concerning different types of bottled water. Self-administered questionnaires have been filled in 150 respondents (75 peasants in experimental group and 75 town dwellers in control group). All the collected questionnaires have been checked for their completeness and consistency. Sociological survey has been carried out in 60 households that have been chosen on the basis of their location and such characteristics: age group from 35 to 55 years, residence of this region, covered 5–10 years and over 10 years. Sociological and statistical methods have been used in the retrospective study. Quantity of women: $51,93 \pm 0,81\%$ in the experimental group was higher than men: $46,87 \pm 0,94\%$ ($p < 0,05$). In the control group, percent of men $56,10 \pm 0,66\%$ was more than women $41,83 \pm 0,50\%$ ($p < 0,001$). Descriptive analysis has been done with "Microsoft Office Excel 2003" and "SPSS" programs. Statistical indexes included: number of respondents (n), middle arithmetic (M), and standard error (m), relative indexes (%). Statistical criterion Mana – Uitni and

t – criterion Student were used. The critical level of statistical meaningfulness (p) at verification of statistical hypotheses was accepted: $p \leq 0,05$, $p \leq 0,001$.

Results and Discussion. Own results of questionnaire showed that among those respondents, who constantly used bottled water for drinking purposes, peasant's vision toward quality of drinking-water purifiers was considered the following way: majority of peasants – $21,33 \pm 1,00\%$ was significantly sure "water became dangerous for person health" ($p < 0,05$); $11,53 \pm 0,88\%$ does not set to assert about water quality ($p < 0,05$); $9,73 \pm 0,29\%$ were sure "there is worsening quality of water, but insignificant" ($p < 0,05$); $6,67 \pm 0,52\%$ of peasants hesitated to answer this question ($p < 0,001$). Based on the answers to the question "Do you buy water in-bottle?" the following group of town dwellers, who didn't used bottled water were considered: only $2,14 \pm 0,61\%$ of respondents showed that "water is dangerous for person health". Majority of town dwellers does not set to assert about quality of water: $2,70 \pm 0,39\%$ ($p < 0,05$). Minority of respondents in the rural settlements significantly sure about a bit worsening of water quality: $1,45 \pm 0,16\%$ ($p < 0,05$) (figure 1).

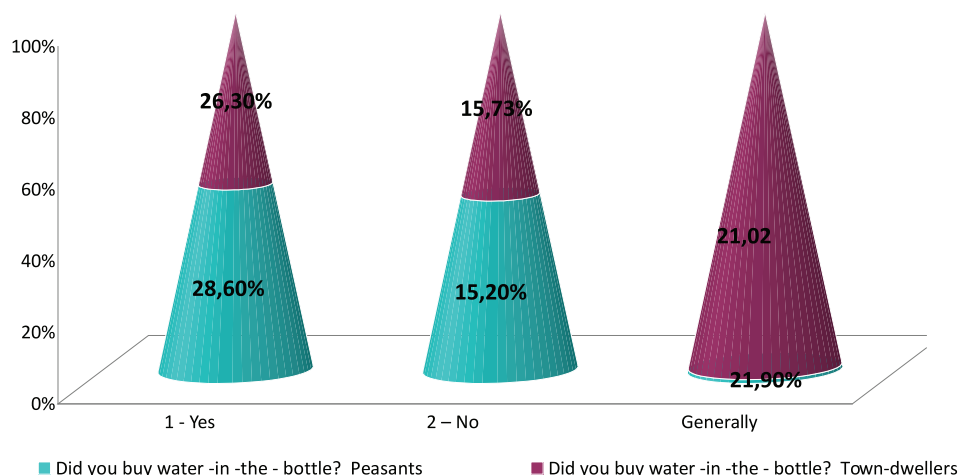

Figure 1. Respondents' answer to the question "Did you buy water in the bottle?"

At the table was shown, that $0,91 \pm 0,21\%$ of respondents was not determined with answer; $28,60 \pm 1,55\%$ of peasants and $26,30 \pm 1,55\%$ of town – dwellers install domestic filters for water treatment. Minority of respondents in both groups did not use drinking-water purifiers: $15,20 \pm 1,36\%$ of peasants and $15,73 \pm 1,08\%$ of town – dwellers. We carried out sociological survey among inhabitants, who do not use bottled water. It was shown that $5,64 \pm 1,20\%$ of peasants didn't use drinking-water purifiers; $2,63 \pm 0,37\%$ of respondents ap-

plied domestic filters for drinking purposes ($p < 0,05$). About $4,37 \pm 0,35\%$ of town – dwellers, which weren't use bottled water, related to buy domestic filters ($p < 0,05$); $2,61 \pm 0,39\%$ of town – dwellers have never use drinking-water purifiers. Our findings [3, 4] showing that $15,77 \pm 1,19\%$ of peasants consider tap water as "safety for their health after standard treatment" ($p < 0,05$). For $11,87 \pm 0,35\%$ of peasants bottled water was not comfortable to transport; $6,58 \pm 1,65\%$ of respondents hesitated to answer to this question.

Answers of respondents in the experimental and control group to the question "Do you agree that in your settlement decline quality of drinking water?" ($M \pm m, \%$)

Variants of answers	Peasants ($n = 75$)	Town – dwellers ($n = 75$)	Peasants ($n = 75$)	Town – dwellers ($n = 75$)
	Do you buy water in-bottle?			
	Yes		No	
No, does not set to assert	$11,53 \pm 0,88^2$ $t = 4,264^3$	$5,16 \pm 1,21^2$ $t = 4,264^3$	$2,70 \pm 0,39^2$ $t = 4,078^3$	$0,91 \pm 0,21^2$ $t = 4,078^3$
Yes, there is worsening quality of water, but insignificant	$9,73 \pm 0,29^2$	$12,70 \pm 0,70^2$	$1,45 \pm 0,16^2$	$2,92 \pm 0,21^2$
Yes, water became dangerous for the persons' health	$21,33 \pm 1,00^2$	$31,73 \pm 1,95^2$	$2,14 \pm 0,61$	$3,37 \pm 0,41$
Hesitate to answer this question	$6,67 \pm 0,52^1$ $t = 9,486^3$	$1,55 \pm 0,13^1$ $t = 9,486^3$	$0,91 \pm 0,21$	0,00
General quantity of respondents, determined with answer	$12,32 \pm 3,16$	$12,79 \pm 6,73$	$1,80 \pm 0,39$	$1,79 \pm 0,80$

Note. ¹ – significance of statistical data in the experimental group comparing to middle levels in the control group $> 95,5\%$ ($p < 0,001$); ² – ($p < 0,05$); ³ – significance of statistical data by both statistical criterion Mana-Uitni and t – criterion Student.

There was carried out sociological survey in order to estimate preferences of respondents as well as volume and packing material. Based on the answers to the questions, the following grading has been used: $23,80 \pm 2,02\%$ of peasants prefers to buy 5 liters bottled water; $15,43 \pm 1,16\%$ of peasants carried out water from bottling plants. The following variables have been included in the sociological survey as well as

1,5–2 liters water in-bottle $12,13 \pm 0,88\%$; 1 liter $11,87 \pm 0,94\%$ ($p < 0,001$). Plastic bottles 0,5–0,6 liters were less popular, as marked $6,04 \pm 0,76\%$ of peasants. From $8,07 \pm 0,58$ to $5,87 \pm 0,42\%$ of peasants prefer 0,33–0,5 liters glass bottles; $3,18 \pm 0,21\%$ – 0,33 liters plastic bottles. Results of sociological survey shown that town – dwellers used drinking water from bottling plants: $24,37 \pm 3,31\%$;

5 liters bottled water: $18,77 \pm 0,53\%$; 1,5–2 liters plastic bottles: $12,40 \pm 0,56\%$. Town – dwellers used 0,33–1 liters plastic bottles: $4,13 \pm 0,34$ – $4,22 \pm 0,26\%$ ($p < 0,001$); 0,33–0,5 liters glass bottles: from $5,06 \pm 1,01$ to $5,45 \pm 1,18\%$.

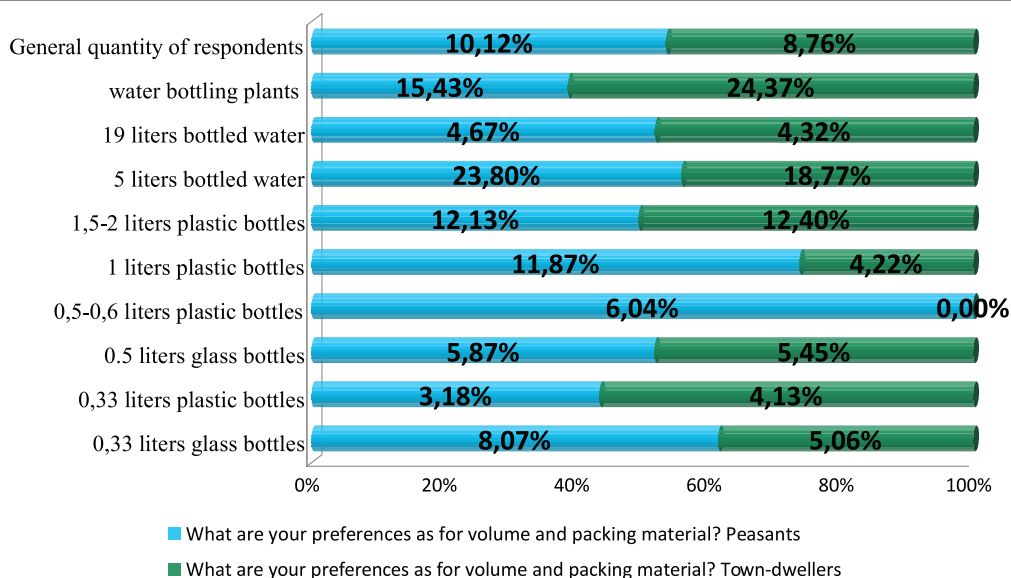

Figure 2. Respondents' answer to the question "What are your preferences for volume and packing material?"

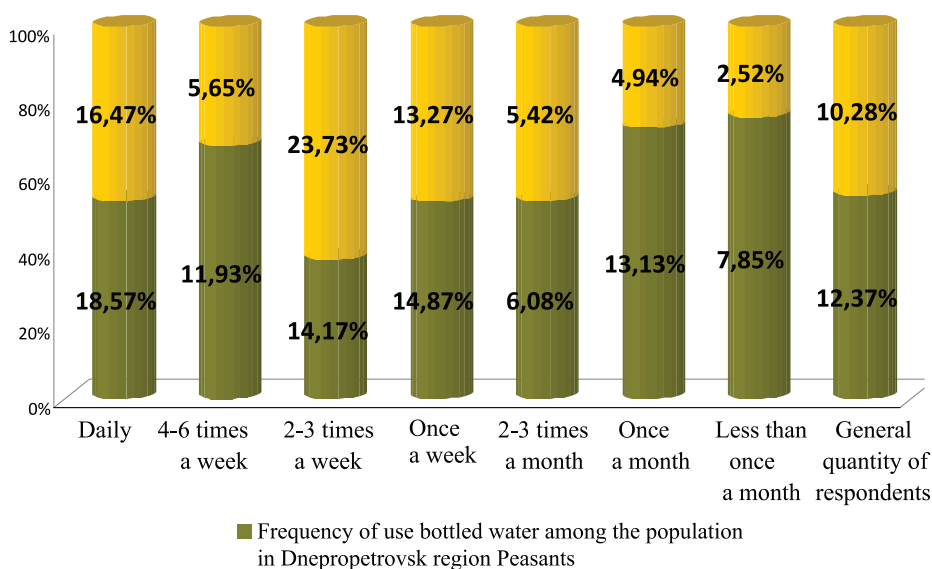

Figure 3. Relation of the population in the settlements of Dnepropetrovsk region to the necessity of use bottled water

It was statistically significant that about $18,57 \pm 0,55\%$ of peasants used drinking-water every day ($p < 0,05$); $14,87 \pm 0,92\%$ – once a week; 2–3 times a week and more: $14,17 \pm 1,84\%$ ($p < 0,05$). Once a month – $13,13 \pm 2,09\%$ respondents from Dnepropetrovsk region settlements ($p < 0,05$); 2–3 times a month – $6,08 \pm 0,93\%$, 5–6 times a month: $7,85 \pm 0,33\%$ ($p < 0,001$) (figure 3).

The interviewing carried out self-test questionnaire as well as subjective estimation state of health by the following criteria: “good”, “satisfactory”, “poor”, “unsatisfactory”. Consequently, 1-st place located subjective estimation of health condition as well as “satisfactory” $39,02 \pm 5,54\%$ of peasants. Second position belongs to “poor health” – $30,73 \pm 5,47\%$; 3-rd place carried out $23,97 \pm 5,37\%$ of peasants as “unsatisfactory health”. At least, $26,77 \pm 1,79\%$ peasants estimated themselves as “good health”.

Majority of interviewing among city inhabitants, $42,88 \pm 7,26\%$ have been shown “satisfactory condition of health”; $31,14 \pm 7,51\%$ “poor health”; $28,77 \pm 1,80\%$ having “good” health. Minority of town – dwellers: $23,96 \pm 6,69\%$ estimated their health as “unsatisfactory”.

Conclusions. Majority of the peasants estimated their health as “unsatisfactory”: $23,73 \pm 2,28\%$, “satisfactory health” having $20,02 \pm 1,62\%$ of respondents. The largest effect has been found in $23,47 \pm 1,73\%$ of interviewing city-dwellers, carried out “poor health” against $22,91 \pm 2,29\%$ of respondents, having “satisfactory” health.

The data obtained in the study showed low awareness among peasants contingents: $26,07\%$ of interviewing doesn't consider quality of potable water was a hygienic problem; $22,26\%$ were not decided if they are satisfied with the quality of tap water. Therefore, $14,81\%$ of peasants sure

that they use poor quality potable water; $25,25\%$ of questionnaires associate poor quality of tap water with rust and sediment, $19,57\%$ with turbidity ($p < 0,001$).

Peasants, using drinking water up to 10 years prefer 5 liters plastic bottles ($23,80 \pm 2,02\%$). The majority of respondents – $15,43 \pm 1,16\%$ have been used drinking-water purifiers. Minority of peasants uphold bottled water in 0,33 liter plastic bottles ($3,18 \pm 0,21\%$) or 19 liter tank ($4,67 \pm 0,06\%$).

Sociological analyses performed have shown that peasants in the local settlements prefer to use drinking-water purifiers. Frequency of usage bottled water variable: daily – $18,57 \pm 0,55\%$, once a week – $14,87 \pm 0,92\%$, 2–3 times a week – $14,17 \pm 1,84\%$ ($p < 0,001$).

Bibliography

1. Buriak L. I., Belitskaya E. N., Shchudro S. A., Hryhorenko L. V. (2012) Alimentary obesity as hygienic problem. Dnepropetrovsk, 273 p.
2. Common Implementation Strategy for the Water Framework Directive (2000/60/EC) (2005) Identification and Designation of Heavily Modified and Artificial Water Bodies. Guidance, WG 2.2-HMWB.
3. Hryhorenko L. V. (2014) Potable water quality in the Karachunivskyi reservoir. Austrian Journal of Technical and Natural Sciences, 1: 40–45.
4. Hryhorenko L. V. (2014) Subjective estimation potable water quality according to the peasants' population sociological survey. Proceedings IWA 6TH Eastern European Young Water Professionals Conference “East meets West”, Istanbul: 448–456.
5. Prokopov V. A., Zorina A. V., Sobol V. A. (2008) Modern condition of drinking water supply and quality in Ukraine. Water and treatment technologies. Kyiv, 3 (27): 14–17.
6. Talanov E. A., Aktymbayeva A. S. (2001) Modeling of change of a mineralization of water and ecological condition of Alakol lake. Materials of the international symposium “Strategy and methods of an assessment of an environmental risk of arid and mountain territories”, Alma-Ata: 109–117.

© Hryhorenko L. V., 2014

УДК 332.1

**ФИННО-УГОРСКИЕ АСПЕКТЫ В ПОЛИТИКЕ
БРЕНДИРОВАНИЯ РЕГИОНА**

Ю. В. Корокошко
Т. В. Щанкина

*Кандидат экономических наук, доцент,
студентка 3 курса,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

**FINNO-UGRIC ASPECTS
IN THE POLICY OF BRANDING REGION**

U. V. Korokoshko
T. V. Schankina

*Candidate of Economic Sciences,
assistant professor,
3d year student,
Mordovia State University
named after N. P. Ogarev,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia*

Summary. This article describes the importance of marketing tools in the branding of the region. Republic of Mordovia is an example of using the brand's territory on the basis of the Finno-Ugric aspects.

Keywords: branding; Finno-Ugric diaspora; region; Republic Mordovia.

На современном этапе экономическая привлекательность регионов в большой степени связана с использованием культурного, экономического и политического потенциала территории. Большая часть субъектов РФ в настоящее время активно занимается территориальным маркетингом, позиционированием и формированием собственного бренда, обуславливающего привлекательность и успешность региона.

Брендинг территорий – инструмент, который позволяет удерживать и привлекать жителей, посетителей и инвесторов [1, с. 3]. Политика брендинга региона происходит в форме геокультурного брендинга территории и может осуществляться в определённом сегменте (культурная и социальная деятельность, образование, экономика и привлечение инвестиций, полити-

ческая деятельность в целях рекламы и развития связей с общественностью) в рамках последовательных актов коммуникаций и планируемых медиа-событий (фестивалей, конференций, форумов и т. д.). Специализированная работа с территориальными имиджевыми ресурсами региона в целях развития устойчивого территориального бренда предполагает формирование имиджевого паспорта территории с построением образно-географической карты и выделением знаковых мест территории, исследование мифологических характеристик территории, разработку стратегии имиджа территории и их презентацию [2, с. 17–22].

Ведущим активным субъектом территориального маркетинга в целом и брендинга региона в частности выступает городская администрация

и специальные подразделения, ответственные за региональный маркетинг. К наиболее активным субъектам маркетинга региона также может быть отнесён целый ряд региональных представительств органов власти и местные организации различных сфер деятельности [7, с. 124]. В настоящее время особую популярность набирают специализированные региональные центры, которые имеют возможность привлечь инвестиции за счёт экономического развития и осуществления брендинга территории.

Так, в столице Республики Мордовия (РМ) г. Саранске расположен центральный офис Ассоциации финно-угорских народов России, создан Поволжский центр культур финно-угорских народов, функционирует научно-исследовательская лаборатория финно-угорской культуры. В РМ осуществляется ряд мероприятий, активно продвигающих брендование и позиционирование региона как одного из признанных центров финно-угорской диаспоры [3]. Гуру маркетинга Котлер Ф. отмечает [4, с. 11], что каждый город должен определить свои особые черты и эффективно распространять информацию о своих конкурентных преимуществах.

В связи с этим в РМ в последние годы наблюдается стабильная тенденция увеличения объёмов финансирования просветительской и издательской деятельности, культурно-массовых мероприятий, проведения конференций и форумов, посвящённых финно-угорскому миру, что имеет тесную взаимосвязь с формированием этнического бренда и развитием всей экономической сферы региона. В 2007 г. в Саранске прошёл международный фестиваль «Шумбрат, финно-угрия!», в 2009 г. – IV съезд финно-угорских народов РФ, в 2012 г. состоялось празднование тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства. В 2013 г. в МГУ им. Н. П. Огарёва,

приоритетным направлением развития которого также являются фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения, прошла международная конференция «Этно-брендинг территорий». Кроме того, политика брендования региона на базе финно-угорских аспектов осуществляется и с помощью СМИ: в РМ издаётся международный научный журнал «Финно-угорский мир», а на местном канале транслируется тележурнал «Финно-угорский мир: на просторах России». Расширению возможностей территориального маркетинга региона с позиции центра финно-угорской диаспоры способствует сеть Интернет и большое количество проводимых в РМ специальных PR-мероприятий. В эффективной политике брендования региона следует отметить и официальное утверждение в 2013 г. графического знака – «Бренд товаров Республики Мордовия», в целях выделения качественной продукции, производимой в регионе, её продвижения на межрегиональные рынки и создания положительного имиджа производящих её организаций [5]. Помимо этого, элементами регионального брендинга выступают городская архитектура (исторические объекты, связанные с финно-угорскими народами), национальные сувениры, рекламные буклеты, выпуск и массовое продвижение продуктов народного промысла региона. Элементами брендинга РМ также являются уже устоявшиеся фирменные слоганы, которые имеют популярность у общественности (например, «Шумбрат, финно-угрия!»).

Таким образом, субъекты Российской Федерации очень неоднородны по уровню хозяйственной культуры населяющих регион этнических сообществ. В связи с этим в настоящее время в полиэтнических регионах, помимо корпоративных, отраслевых и межотраслевых форм организации экономической

деятельности, можно выделить существование такого сегмента региональной экономики, как этноэкономика, требующего особого развития с учётом воздействия традиционного хозяйственного уклада определённого этноса [6, с. 53]. Перспективы этноэкономики РМ очень велики, что обуславливает необходимость эффективного использования культурного и этнического потенциала региона, а грамотно сформированная политика территориального брендинга способствует быстрому формированию его конкурентных преимуществ. Поэтому финно-угорские аспекты в брендинге региона занимают приоритетное место в позиционировании, выступают в качестве важного фактора его экономического развития.

Библиографический список

1. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 336 с.
2. Замятин Д. Н. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 2013. – № 5. – С. 11–23.
3. Корокошко Ю. В., Щанкина Т. В. Маркетинг территории как необходимый фактор экономического развития региона (на примере центра финно-угорской диаспоры). Social and economic development and quality of life: history and modern times : materials of the IV international scientific conference. – Prague : Sociosféra-CZ, 2014. – P. 40–42.
4. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. – СПб.: СПбЭ в СПб., 2005. – 384 с.
5. Об утверждении Положения о порядке присвоения и использования графического знака – «Бренд товаров Республики Мордовия»: Постановление правительства Республики Мордовия от 21 окт. 2013 года № 458.
6. Паникарова С. В., Власов М. В., Чегодаев В. П. Институты развития этноэкономики // Проблемы современной экономики, 2011. – № 4. – С. 53–57.
7. Панкрухин А. П. Маркетинг территорий. – СПб.: Питер, 2006. – 416 с.

Bibliografickij spisok

1. Dinni K. Brending territorij. Luchshie mirovye praktiki. – M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2013. – 336 s.
2. Zamjatin D. N. Geokul'turnyj brending territorij: konceptual'nye osnovy // Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij, 2013. – № 5. – S. 11–23.
3. Korokoshko Ju. V., Shhankina T. V. Marketing territorii kak neobhodimyj faktor jekonomicheskogo razvitija regiona (na primere centra finno-ugorskoj diaspory). Social and economic development and quality of life: history and modern times : materials of the IV international scientific conference, 2014. – Prague : Sociosféra-CZ. – P. 40–42.
4. Kotler F., Asplund K., Rejn I., Hajder D. Marketing mest. Privlechenie investicij, predpriyatij, zhitelej i turistov v goroda, kommuny, regiony i strany Evropy. – SPb.: SShJe v SPb., 2005. – 384 s.
5. Ob utverzhdenii Polozhenija o porjadke prisvoenija i ispol'zovanija graficheskogo znaka – «Brend tovarov Respubliki Mordovija»: Postanovlenie pravitel'stva Respubliki Mordovija ot 21 okt. 2013 goda № 458.
6. Panikarova S. V., Vlasov M. V., Chegodaev V. P. Instituty razvitija jetnoekonomiki // Problemy sovremennoj jekonomiki, 2011. – № 4. – S. 53–57.
7. Pankruhin A. P. Marketing territorij. – SPb.: Piter, 2006. – 416 s.

© Корокошко Ю. В., Щанкина Т. В., 2014

Politologické vědy

УДК 323

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРИНЦИПА СИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ИНИЦИАТОРА И КООРДИНАТОРА РЕФОРМ В УЗБЕКИСТАНЕ

Х. Д. Рузиев

*Преподаватель,
Ташкентский государственный
педагогический университет
имени Низами, г. Ташкент, Узбекистан*

SOCIO-ECONOMIC CONDITIONALITY OF THE PRINCIPLE OF A STRONG STATE AS THE INITIATOR AND COORDINATOR OF THE REFORMS IN UZBEKISTAN

H. D. Ruziyev

*Teacher,
Tashkent State Pedagogical University
named after Nizami,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. In the article the difficult economic situation of the Republic of Uzbekistan at the time won political independence. Based on a comprehensive analysis proved that the only way out of the crisis situation was the announcement of the state initiator and coordinator of the reforms.

Keywords: independent Uzbekistan; the Uzbek economy; crisis; low per capita income; the cotton monopoly; riots; state – the initiator and coordinator of the reforms.

Во время объявления независимости в конце августа 1991 г. в Узбекистане царил всесторонний кризис. Наиболее трудное положение сложилось в экономике республики, доведённой до крайне тяжёлого положения некомпетентным управлением страной со стороны бывшего центрального руководства из Москвы.

Известно, что ферганская трагедия, а точнее – массовые беспорядки конца мая – начала июня 1989 года в Ферганской области Узбекистана, организованные деструктивными силами – оставила негативный след в истории республики.

Главным поводом ферганской трагедии стало трудное социально-эконо-

мическое положение всего населения, проживающего в долине. Недаром, задавая вопрос о том, могли ли события, произошедшие в Фергане, произойти в других частях Узбекистана, Ислам Каримов подчеркнул: «Я на этот вопрос тоже отвечаю однозначно. Да, могли, потому что положение в Андижанской области ещё хуже, чем то, которое сложилось в Ферганской области, насколько я понимаю ситуацию с точки зрения обеспеченности людей, с точки зрения доходов, с точки зрения прожиточного минимума, с точки зрения занятости людей» [1, с. 17].

Средний доход на душу населения был очень низким. В 1989 году 45 процентов населения Узбекистана (около

9 млн чел.) жили на доход менее 75 рублей на человека, тогда как прожиточный минимум по стране составлял около 85 рублей. Причина была в том, что для Узбекистана в годы СССР центральные органы отвели роль сырьевой республики. Местные экономические структуры занимались первичной переработкой сырья, было очень мало предприятий, которые занимались бы производством готовой продукции. Из Узбекистана в больших объёмах вывозились хлопковое волокно, шёлк-сырец, золото. В то же время для потребностей местного населения завозилось достаточно много товаров, которые могли бы производиться на месте и стоить дешевле. Подобная односторонняя специализация экономики республики не давала возможности узбекистанцам развивать нужные отрасли народного хозяйства и на этом хорошо зарабатывать.

Как отмечает профессор М. Киргизбаев, тяжёлое положение дел в экономике сложилось в результате того, что «руководство страной осуществлялось с полным игнорированием законов экономического развития» [4, с. 17].

На низком уровне находилась обеспеченность населения республики элементарными удобствами. В августе 1989 г. только 5 процентов сельских жителей были обеспечены канализацией и водопроводом, около 50 процентов – питьевой водой, 17 процентов – природным газом и т. д. Не было серьёзных сдвигов в обеспеченности людей жильём, объектами здравоохранения, школами, детскими садами, центрами культуры, быта и т. д.

Активная защита интересов Узбекистана проводилась ещё во времена Союза, когда это было небезопасно для руководителя отдельной республики. Например, для того, чтобы хоть как-то стабилизировать экономическое положение населения, надо было добиться повышения закупочных цен на хлопок. Руководство республики ещё

в 1989 году несколько раз обращалось в различные союзные органы с требованием пересмотреть данные цены и в конце концов добилося этого.

В своём рвении выслужиться перед центральными органами в Москве некоторые прежние руководители республики объявили Навруз религиозным праздником, пережитком прошлого и запретили отмечать его в Узбекистане. Дело дошло до того, что жители пограничных районов уезжали в соседние республики, чтобы там выполнить связанные с Наврузом древние ритуалы. В начале 1990 г., в соответствии с запросами населения республики, руководством было принято решение провести Навруз как общенациональный праздник, а 21 марта объявить нерабочим днём. С того периода Навруз в Узбекистане стал всенародным праздником.

Экономический и политический хаос привели к резкому росту недовольства определённых слоёв населения, которое нередко выражалось в том, что виновниками недостатков иногда считали представителей других национальностей. Это была опасная тенденция, которую необходимо было пресечь в самом начале.

В экономике и других отраслях республики к началу лета 1990 года сложилась кризисная ситуация. Резко осложнилось положение в производственной и социальной сферах, снизились производительность труда, общественное производство и национальный доход. Рост заработной платы, не обеспеченный приростом материального богатства, способствовал инфляции, получили распространение спекуляция, коррупция, теневая экономика.

Для большей ясности следует сопоставить ведущие показатели по национальному доходу и обеспечению населения республики основными продуктами питания по сравнению с союзными. По производству валового общественного продукта на одного жителя

республика занимала 12-е место в стране, производство национального дохода было вдвое ниже среднего уровня. По производительности труда в промышленности Узбекистан отставал от страны на 40 процентов, в сельском хозяйстве – в два раза. Производство товаров народного потребления на одного человека составляло 40 процентов от среднесоюзного показателя. По уровню дохода, потреблению основных видов продуктов питания Узбекистан был в числе последних среди союзных республик.

Житель Узбекистана почти в два раза меньше других республик потреблял мяса, молока и мясомолочных продуктов, яиц. Население со средним доходом менее 75 рублей в месяц, как говорилось выше, составило почти 45 процентов, тогда как по стране эта цифра была чуть более 12 процентов. В республике было около одного миллиона безработных [2, с. 29].

В очень трудном состоянии находились народное образование, детские дошкольные учреждения, здравоохранение и другие отрасли социальной инфраструктуры. Шестидесят процентов школ и больниц, вместо типовых зданий, ютились в приспособленных для этого помещениях.

Отсюда можно сделать вывод о том, что не было элементарных условий не только для гармоничного воспитания человека, его формирования как личности, но и простого обеспечения людей самыми обыкновенными удобствами.

Экономическое положение Узбекистана во многом обуславливалось тем, что он был поставлен в положение сырьевого придатка для других. Данные на март 1990 г. показывают, что удельный вес готовой продукции в промышленности находился в пределах 50 процентов, более 80 процентов продукции сельского хозяйства вывозилось в виде сырья и полуфабрикатов. В то же время доля машиностроения за 50 лет увели-

чилась лишь на 7 пунктов и составляла к этому времени только 16 процентов. Отсюда, импорт в республику на шестьдесят процентов состоял из машин и иного оборудования. Много завозилось и готовой пищевой продукции.

Производство продукции легкой промышленности снизилось за 50 лет с 54 процентов до 37 процентов, пищевой – с 30 до 14 процентов. Зато непомерно увеличилась доля таких сырьевых отраслей, как топливная, химическая и нефтехимическая промышленность, черной и цветной металлургии [2, с. 139].

Подобная политика центральных органов в области экономики привела к тому, что, отправляя по дешевой цене за пределы республики хлопковое волокно, нитрон и капролактамы, Узбекистан завозил по дорогой цене изделия, созданные из этого же сырья. То есть, в конечном счете, выходило так, что не экономика служила народу Узбекистана, а население республики обслуживало интересы страны и центра.

Крайне тяжелыми для республики оказались последствия монокультуры хлопчатника. Геометрически рос дефицит поливной и питьевой воды, что и привело к высыханию Аральского моря. Нарушались правила севооборота, росла засоленность и заболоченность земель в областях, расположенных в низовьях рек Зеравшан, Амударья и Сырдарья.

Социальная обеспеченность узбекистанцев упала до катастрофически низкого уровня. Одной из главных причин этого было падение доверия к производителю, скрывание его созидательной инициативы. Уравниловка, порочный характер командно-административной системы довели экономику страны до того, что люди, которые работали хорошо или плохо, получали почти одинаковую зарплату, что привело к нейтрализации стимулов для производительного труда.

Экономические неурядицы вели к тому, что в их результате в тех или иных районах Узбекистана периодически возникали беспорядки. Так, 19 февраля 1990 г. в Букинском районе, 3 марта 1990 г. в Паркентском районе Ташкентской области произошли массовые беспорядки, которые привели к человеческим жертвам. В район конфликтов срочно выехал ряд руководителей республики высшего звена [8, с. 254–255].

В советской идеологии фигура собственника была представлена в образе некоего кулака, поработителя и в этом данная идеология преуспела. Собственник был морально дискредитирован, частная собственность практически была поставлена вне закона. В результате до крайне низкого уровня упала производительность труда. Всё это было последствием того, что план или госзаказ спускались сверху, а произведённая продукция покупалась государством по крайне низкой цене. Подобный диктат господствовал в экономике многие десятилетия. Известный узбекский исследователь А. Эркаев пишет об этом: «Государство законодательно определяет общие минимальные размеры оплаты труда. Однако на каждом конкретном предприятии условия труда, технология, удобства, созданные для работников, внутренний распорядок и интенсивность труда различны... Это нелегко осуществить в обществе, где долго господствовал принцип уравниловки в оплате труда. К нему не оказались готовы ни работодатель, ни работник, ни различные общественные организации, призванные защищать интересы рабочих, скажем, профсоюзы» [9, с. 295].

Преодоление командно-административного стиля руководства экономикой и его отрицательных последствий началось ещё до объявления независимости. Была поставлена задача – открыть пути для того, чтобы люди поверили в себя, стали лучше работать, больше зарабаты-

вать. Для этого они должны были быть заинтересованы в конечных результатах, чтобы у них пробудилось чувство личной ответственности.

Новое руководство Узбекистана ещё во времена Союза начало реформы в сельском хозяйстве, в котором было занято большинство трудоспособного населения. Главная цель заключалась в том, чтобы сделать из дехкан настоящих собственников земли и имущества, создать для них новые условия труда, изменить их сознание и отношение к земле, к своей работе на ней, обеспечить их заинтересованность в положительных результатах своей деятельности, что позволило бы им хорошо трудиться. Это закономерно привело бы к повышению общего уровня социальной обеспеченности людей.

Вместе с тем, несмотря на крайне трудное экономическое положение республики, необходимо было позаботиться и о том, чтобы обеспечить социальную защищённость сельчан и населения Узбекистана в целом – пенсионеров, инвалидов, учащихся, многодетных семей и др. Как известно, в те годы цены росли очень быстро, зарплата и пенсии явно не успевали за ними. В этой связи ещё накануне независимости правительством республики было принято специальное постановление, которое предусматривало компенсацию расходов людей в связи с повышением розничных цен. На реализацию этой задачи планировалось выделение 16 миллиардов рублей, что по меркам того времени представляло собой достаточно большую сумму.

Поскольку экономическое положение жителей Узбекистана заметно отличалось от среднесоюзного уровня, то и подходить к вопросам повышения цен на продукты первой необходимости надо было дифференцированно. Руководство Узбекистана добилося того, что в марте 1991 г. цены на хлеб, муку, хлебобулочные и макаронные изделия не были повышены.

Не будет лишним сказать, что государственная политика в республике была социально ориентированной с самого начала перехода на рыночные отношения в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. Это даёт основание утверждать, что государственная власть в Узбекистане начала защищать своих граждан ещё до объявления независимости. Работа Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова «Узбекистан – собственная модель перехода на рыночные отношения», в которой в качестве стержня всей программы государственного строительства и реформирования экономики Узбекистана представлены пять основных принципов, опубликована в августе 1993 года. Но ещё в январе 1992 года Ислам Каримов сказал: «... Узбекистан при переходе на рыночную экономику избрал свой путь и не свернёт с него. Основное его содержание и лозунг: государство, не дав гарантии, в первую очередь, на защиту бедных и нуждающихся людей, не может перейти на рыночную экономику!» [3].

Такая поддержка населению республики была оказана в условиях не только заметного повышения цен, но и острого дефицита продуктов. Положение с обеспечением населения товарами первой необходимости накануне независимости продолжало ухудшаться. Цены росли, магазины пустели. Распались хозяйственные связи, установленные за десятилетия СССР. Был дестабилизирован общественный порядок, что вело к росту правонарушений и угрожало безопасности семей, отдельных людей. В условиях дороговизны и дефицита естественным образом росла напряжённость между представителями различных национальностей, возникали конфликты на самой опасной, межнациональной почве.

Политика центральных органов в Москве, которые не владели реальной ситуацией и не справлялись с ней, вела к ещё большему недопониманию. Для того чтобы справиться с наваливши-

мися трудностями, надо было действовать вместе и решительно. Вместо этого центр старался сохранить прежний стиль руководства страной, требовал подчинения республик его устаревшим и не соответствующим требованиям дня решениям. Плохо было и то, что слова центра расходились с делами. Что касается социального обеспечения граждан, то здесь всё было пущено на самотёк. Поэтому за весну-лето 1991 года розничные цены увеличились в три-четыре раза, тогда как центром было обещано, что они возрастут не более чем дважды. Это вело к дальнейшему ухудшению материального состояния людей, усиливало в них чувство недовольства.

Дело осложнялось и международным положением Узбекистана. Как пишет С. Отамуратов, «в таких условиях страны с развитой материальной, технической и технологической базой не оставляют возможности для нормального развития тем странам, которые не имеют подобных технологий» [6, с. 88].

Важнейшим направлением деятельности руководства Узбекистана было налаживание нормальной жизни населения, организация необходимых условий для того, чтобы люди могли нормально работать и жить. Нужно было обеспечить мир и стабильность в республике, спокойствие и безопасность в городах и сёлах, в каждой семье. Это была очень непростая задача, если учитывать то беспокойное время. Центральные и местные власти не справлялись с ситуацией, начались волнения и столкновения в различных местах огромной страны.

В это сложное время руководство Узбекистана проявляло заботу не только о республике в целом, но и об отдельных прослойках его населения. В июне 1991 года под контроль Президента был взят вопрос о социальной защите медицинских работников, учителей и пенсионеров. Задача осложнялась тем, что люди, принадлежащие этим категориям, жили только на зарплату и на выплаты из бюджета.

Президентом страны была поставлена задача обеспечить их защищённость, изыскивая для этого необходимые средства.

Проблемы установления социальной справедливости стали предметом особой заботы руководства республики, начиная с первых дней независимости. Были изданы указы, защищающие интересы самых малообеспеченных слоёв общества, по оказанию помощи молодёжи, одиноким пенсионерам, многодетным семьям, семьям, оставшимся без кормильца. Были приняты акты, направленные на решение проблем студентов, работников здравоохранения и просвещения, представителей других слоёв малообеспеченного населения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы к статье. С социально-экономической точки зрения государство было объявлено главным организатором и координатором реформ по ряду причин. Во-первых, в процессе распада страны обрывались хозяйственные связи между республиками бывшего Союза, что вело к острому дефициту многих ранее ввозимых и избытку вывозимых товаров. Во-вторых, сырьевая специализация республики вела к диспропорциям в различных отраслях народного хозяйства, преобладанию дешёвых форм труда, ведущих к низкой зарплате основной массы населения республики. В-третьих, в результате роста политической нестабильности наблюдались заметное ухудшение дисциплины и порядка во всех сферах общественного производства, волнения и беспорядки, что привело к обвальному падению производительности труда. В-четвёртых, неправильная специализация отраслей народного хозяйства привела к нарушению баланса производства, снижению качества выпускаемой продукции, а также структуры потребления населением Узбекистана основных продуктов питания. Всё это привело, в конечном счёте, к резкому ухудшению материального состояния

населения. Исследователь Р. Ю. Турсунова пишет об этом: «Узбекистан, получив в наследство гипертрофированную сырьевую экономику с разрушительной монополией культуры хлопчатника, недостаточную производственную и социальную инфраструктуру с низким уровнем потребления на душу населения, смог полностью изменить свой облик и занять достойное место в мировом сообществе. Однако вызовы, которые угрожали стабильности на первом этапе реформирования, продолжают оказывать воздействие на население, особенно того, кто проживает в сельской местности» [7, с. 188].

Основу формирования сильного гражданского общества составляет сильное государство. Доктор политических наук Ш. О. Мурадова пишет об этом: «... Как бы это ни выглядело парадоксально, следует сказать – глубоко симптоматично, что именно с вхождением в глобализацию Узбекистан закономерно взял курс на формирование сильного гражданского общества. Тон данным процессам задаёт экономика» [5, с. 111].

Перечисленные выше условия показывают, что только государство – с его разветвлённой системой законодательной и исполнительной власти, с его правовой, воспитательной и административной системами – могло обеспечить квалифицированное политико-экономическое и организационное руководство ситуацией во всех сферах общественного производства и, в конечном счёте, справиться с совокупностью социально-экономических проблем, с которыми столкнулась Республика Узбекистан после обретения независимости.

Библиографический список

1. Каримов И. А. Впредь мы не можем жить по-старому, и само время не позволит нам этого. Выдержки из доклада на совещании Совета Министров Узбекской ССР, посвящённом вопросам ускорения социально-экономического развития областей Ферганской долины, 24 июня 1989 г. // Каримов И. А. Узбекистан

- на пороге достижения независимости. – Ташкент : Узбекистон, 2011.
2. Каримов И. А. Узбекистан на пороге достижения независимости. – Ташкент : Узбекистон, 1989.
 3. Каримов И. А. На карте мира появилось новое государство – Республика Узбекистан. Выступление на внеочередной девятой сессии Верховного Совета Республики Узбекистан, 4 января 1992 г. // Газета «Народное слово», 5 января, 1992.
 4. Киргизбаев М. Фукаролик жамияти: генезиси, шаклланиши ва ривожланиши (Гражданское общество: генезис, формирование и развитие) (на узб. яз.). – Ташкент: Изд-во «Узбекистон», 2010.
 5. Мурадова Ш. О. Проблемы обеспечения информационной безопасности Республики Узбекистан в условиях глобализации. – Ташкент : Шарк, 2008.
 6. Отамуратов С. Глобаллашув ва миллий-маънавий хавфсизлик. (Глобализация и национально-духовная безопасность) (на узб. яз.) – Ташкент : «Узбекистон», 2013.
 7. Турсунова Р. Ю. Духовное возрождение и национальное самосознание в международном политическом континууме (на примере стран Центральной Азии). – Ташкент : Университет мировой экономики и дипломатии, 2013.
 8. Узбекистон тарихининг муҳим саналари (энг қадимги даврлардан бугунги кунгача) (Важнейшие даты истории Узбекистана (от древнейших времён до наших дней) (на узб. яз.). – Ташкент: Изд-во «Узбекистон», 2012.
 9. Эркаев А. Духовность и развитие. – Ташкент: Изд-во «Маънавият», 2008.
- Vyderzhki iz doklada na soveshhanii Soveta Ministrov Uzbekskoj SSR, posvjashhajonnom vo-prosam uskorenija social'no-jekonomicheskogo razvitija oblasti Ferganskoj doliny, 24 ijunya 1989 g. // Karimov I. A. Uzbekistan na poroge dostizhenija nezavisimosti. – Tashkent : Uzbekiston, 2011.
2. Karimov I. A. Uzbekistan na poroge dostizhenija nezavisimosti. – Tashkent : «Uzbekiston», 1989.
 3. Karimov I. A. Nakartemirapojavilos' novogosudarstvo – Respublika Uzbekistan. Vystuplenie na vneochednoj devjatoj sessii Verhovnogo Soveta Respubliki Uzbekistan, 4 janvarja 1992 g. // Gazeta «Narodnoe slovo», 5 janvarja, 1992.
 4. Kirgizbaev M. Fukarolik zhamijati: genezisi, shakllanishi va rivozhlanishi (Grazhdanskoe obshhestvo: genezis, formirovanie i razvitie) (na uzb. jaz.). – Tashkent: Izd-vo «Uzbekiston», 2010.
 5. Muradova Sh. O. Problemy obespechenija informacionnoj bezo-pasnosti Respubliki Uzbekistan v uslovijah globalizacii. – Tashkent : Shark, 2008.
 6. Otamuratov S. Globallashuv va millij-manavij havfsizlik. (Globalizacija i nacional'no-duhovnaja bezopasnost') (na uzb. jaz.) – Tashkent : Uzbekiston, 2013.
 7. Tursunova R. Ju. Duhovnoe vozrozhdenie i nacional'noe samosoznanie v mezhdunarodnom politicheskom kontinuume (na primere stran Central'noj Azii). – Tashkent: Universitet mirovoj jekonomiki i diplomatii, 2013.
 8. Uzbekiston tarihinig muhim sanalari (jeng kadimgi davrlardan bugungi kungacha) (Vazhnejshie daty istorii Uzbekistana (ot drevnejshih vremjon do nashih dnei) (na uzb. jaz.). – Tashkent: Izd-vo «Uzbekiston», 2012.
 9. Jerkaev A. Duhovnost' i razvitie. – Tashkent: Izd-vo «Manavi-jat», 2008.

Bibliograficheskij spisok

1. Karimov I. A. Vpred' my ne mozhem zhit' postaromu, i samo vremja ne pozvolit nam jetogo.

© Рузиев Х. Д., 2014

Recenze, hodnocení a komentáře

УДК 81.0

**ОТЗЫВ О КАНДИДАТСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ
АШИХМАНОВОЙ Н. А. «ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ
В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖОНА БАРТА)»,
ЗАЩИЩЁННОЙ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 10.02.19 – «ТЕОРИЯ ЯЗЫКА»**

Н. В. Гончаренко

*Кандидат филологических наук,
Волгоградский государственный
медицинский институт,
Волгоград, Россия*

**THE REVIEW ON THE CANDIDATE DISSERTATION
OF ASHIKHMANOVA N. A. «TRANSFORMATION OF VALUES
IN THE INDIVIDUAL AUTHOR CONCEPTUAL SPHERE
(ON THE MATERIAL OF JOHN BARTH'S NOVELS)»,
PROTECTED BY SPECIALTY 10.02.19 – «LANGUAGE THEORY»**

N. V. Goncharenko

*Candidate of Philological Sciences,
Volgograd State Medical University,
Volgograd, Russia*

Summary. Relevance, purpose, results of the investigation by N. A. Ashikhmanova are considered in the recall. Novelty, theoretical and practical value of the thesis are discussed. The author expresses generally positive view of the results of the thesis by N. A. Ashikhmanova.

Keywords: transformation of lingvoculture basic values; image; metaphoric meaning; stylization; individual conceptual sphere.

Изучение индивидуальной концептосферы привлекает к себе внимание многих исследователей, поскольку показывает, что в разряд концептов в индивидуальном сознании переходят понятия и представления, в авторском восприятии обретающие особую культурно-смысловую ценность и в результате оказывающиеся личностно значимыми. Особым образом трансформация смыслов и ценностей прослеживается в постмодернистском дискурсе, кото-

рому свойственна субъективность, комбинация факта и вымысла, значимость продуктивных возможностей воображения, генерация метафор и языковые игры. Вместе с тем специфика трансформации ценностей в индивидуально-авторской концептосфере и их характеристики недостаточно изучены в лингвистике. В этом плане представляют особый интерес ранние произведения американского писателя-постмодерниста Джона Барта, характеристики идиостиля

которого освещены ещё не достаточно. Сказанное объясняет несомненную актуальность рассматриваемой работы.

Научная новизна анализируемого исследования заключается в лингвокультурологической характеристике трансформации ценностей в концептосфере Джона Барта применительно к его авторским неологизмам, аллюзиям, метафорам и типам стилизации. Автору удалось раскрыть семантико-стилистические особенности идиостиля Джона Барта как представителя постмодернизма и выявить языковые приёмы трансформации ценностей в его ранних произведениях.

Теоретическая значимость данной диссертации состоит в том, что эта работа вносит вклад в развитие лингвокультурологии, лингвоаксиологии и теории художественного текста, характеризуя индивидуально-авторскую трансформацию ценностей в англоязычном постмодернистском дискурсе.

Исследование Н. А. Ашихмановой следует признать ценным и в практическом плане: результаты данной работы должны найти применение в курсах стилистики и интерпретации текста, межкультурной коммуникации, в спецкурсах по лингвокультурологии, теории художественного текста и лингвопоэтике.

Структура диссертации соответствует теме и цели исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, посвящённых соответственно определению конститутивных признаков отношения к миру в дискурсе постмодерна, собственно раскрытию своеобразия манеры письма американского прозаика Джона Барта, выявлению вербальных способов трансформации ценностей в его произведениях, и заключения.

Говоря о достоинствах работы, следует подчеркнуть чёткость поставленной цели, серьёзную теоретическую базу исследования, детальное и непротиворечивое описание фактического материала. Автор проявляет широ-

кую научную эрудицию, анализируя лингвокультурную специфику дискурса постмодерна. Диссертант последовательно доказывает тезис о том, что характерные для постмодернистской философии чувствительность и восприятие мира в качестве хаоса задают парадигмальную установку на иное конструирование способа бытия, порождающее трансформированную интерпретацию ценностей и усиление игрового отношения к действительности. В качестве конститутивных признаков отношения к реальности в постмодернизме выступают чёрный юмор, ирония, парадокс, языковая игра, гротескное восприятие действительности, находящие отражение в творчестве современного американского писателя Джона Барта.

По мнению диссертанта, Дж. Барт является признанным лидером направления, получившего название школы «чёрного юмора». Мы согласны с данным утверждением уважаемого диссертанта, но лишь применительно к раннему творчеству писателя, к его ранним романам «Плавучая опера» (1956) и «Конец пути» (1958), созданным после Второй мировой войны и отразившим специфику культурно-исторической ситуации, сложившейся в США в этот период. Это утверждение остаётся актуальным, т. к. «чёрный юмор» и нигилизм присущ именно этим произведениям американского писателя. По нашим данным, Дж. Барт настороженно относится к попыткам идентифицировать его творчество в рамках близких, но нетождественных феноменов культуры XX в. – школы «чёрного юмора» и абсурдистской литературы. Он полагает, что некорректно судить о нём лишь как о социальном сатирике, доминирующем родовом, по его мнению, свойстве «чёрноhumористов» [1]. Не видит себя Барт и в среде абсурдистов, так как нигилизм, который тотально пронизывает картину мира художников, трагически переживающих утрату смысла существования современного человека, не является уни-

версальным свойством семантики бартовских произведений (поэтому «Плавучая опера» и «Конец пути», быть может, составляют лишь исключение). Один из исследователей творчества Барта – Д. Морелл называет его «фабулятором» и относит к разряду художников, наделённых даром рассказывания историй, зачаровывающих слушателей изысканными повествовательными вымыслами, которым свойственна формальная изощрённость, метафоричность, иносказательность, обогащённая игровая основа, выполняющая функцию деавтоматизации исчерпавших себя литературных кодов [2].

Представляют несомненный интерес наблюдения и выводы автора относительно семантико-стилистических особенностей идиостиля Джона Барта. Диссертант отмечает, что благодаря использованию в текстах анализируемых произведений таких языковых приёмов, как аллюзии, авторские неологизмы, метафоры, театральная стилизация, формируется индивидуально-авторская картина писателя, приобретающая черты художественной картины мира, предающей авторскую интерпретацию действительности.

Заслуживают внимание выделенные и проанализированные диссертантом ключевые концепты ранних произведений Джона Барта «истина», «закон», «любовь», «смысл жизни», «смерть». Диссертант убедительно доказывает положение о том, что в творчестве Дж. Барта данные концепты трансформируются в ценностном отношении: истина и закон отрицаются и осмеиваются, сакральность любви пародийно переосмысливается и сводится до уровня адюльтерной интриги, утрачивая ценность взаимоотношений, смысл жизни раскрывается через отношение к смерти и отрицание жизни, а смерть становится важным условием понимания ценности жизни. По мнению автора, трансформация ключевых концептов обусловлена, прежде всего, постмодернистским восприятием

и своеобразием индивидуального стиля, проявляющимся в использовании авторских неологизмов, аллюзий, метафор, театрализации, образных сравнений, эпитетов, каламбуров, парадоксов, гротескности, пародировании. Показателен вывод диссертанта о том, что в повествовании Джона Барта отрицание существующих ценностей передаётся ироническим словом или высказыванием, которое охватывает две мысли сразу, извлекая из их столкновения смысл.

Примеры, приведённые в диссертации, убедительны, их интерпретация возражений не вызывает. Работа оформлена в соответствии с требованиями, предъявляемыми к диссертациям. Таким образом, диссертация Н. А. Ашихмановой представляет собой завершённый научный труд, посвящённый актуальной проблеме лингвокультурологии и теории художественного текста, в полной мере отвечающий требованиям научной новизны, теоретической и практической ценности, и на этом основании заслуживает высокой оценки.

Библиографический список

1. Barth J. *Muse, Spare Me* // Book Week. – 26 September 1965.
2. Morell D. *John Barth: An Introduction*. – Pennsylvania State University, 1973.
3. Ашихманова Н. А. Трансформация ценностей в индивидуально-авторской концептосфере (на материале произведений Джона Барта): дис. ... канд. филол. наук / Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2009.

Bibliografickij spisok

1. Barth J. *Muse, Spare Me* // Book Week. – 26 September 1965.
2. Morell D. *John Barth: An Introduction*. – Pennsylvania State University, 1973.
3. Ashihmanova N. A. *Transformacija cennostej v individual'no-avtorskoj konceptosfere (na materiale proizvedenij Dzhona Barta)*: dis. ... kand. filol. nauk / Volgogradskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet. – Volgograd, 2009.

© Гончаренко Н. В., 2014

Akademický život

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Узбекистана, Украины и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага) в 2015 году

15–16 января 2015 г.

**V международная научно-практическая конференция
«Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты» (К-01.15.15)**

17–18 января 2015 г.

**III международная научно-практическая конференция
«Развитие творческого потенциала личности и общества» (К-01.17.15)**

25–26 января 2015 г.

**V международная научно-практическая конференция
«Региональные социогуманитарные исследования: история и современность» (К-01.25.15)**

27–28 января 2015 г.

**II международная научно-практическая конференция
«Идентичность личности и группы: психолого-педагогические и социокультурные аспекты» (К-01.27.15)**

5–6 февраля 2015 г.

**Международная научно-практическая конференция
«Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений» (К-02.05.15)**

10–11 февраля 2015 г.

**Международная научно-практическая конференция
«Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности» (К-02.10.15)**

15–16 февраля 2015 г.

**V международная научно-практическая конференция
«Психология XXI века: теория, практика, перспективы» (К-02.15.15)**

16–17 февраля 2015 г.

**V международная научно-практическая конференция
«Общество, культура, личность в современном мире» (К-02.16.15)**

20–21 февраля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция

«Инновации и современные педагогические технологии в системе образования» (К-02.20.15)

25–26 февраля 2015 г.

III международная научно-практическая конференция

«Экологическое образование и экологическая культура населения» (К-02.25.15)

1–2 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция

«Национальные культуры в социальном пространстве и времени» (К-03.01.15)

3–4 марта 2015

II международная научно-практическая конференция

«Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы» (К-03.03.15)

5–6 марта 2015 г.

V международная научно-практическая конференция

«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях» (К-03.05.15)

10–11 марта 2015 г.

Международная научно-практическая конференция

«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи» (К-03.10.15)

13–14 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция

«Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты» (К-03.13.15)

15–16 марта 2015 г.

V международная научно-практическая конференция

«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность» (К-03.15.15)

20–21 марта 2014 г.

III международная научно-практическая конференция

«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика» (К-03.20.15)

25–26 марта 2015 г.

V международная научно-практическая конференция

«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований» (К-03.25.15)

27–28 марта 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
«Современные инфокоммуникационные и дистанционные технологии в образовательном пространстве» (К-03.27.15)

29–30 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Развитие личности: психологические основы и социальные условия» (К-03.29.15)

1–2 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция
«Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе» (К-04.01.15)

5–6 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия» (К-04.05.15)

7–8 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция
«Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира» (К-04.07.15)

10–11 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке» (К-04.10.15)

15–16 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Информационно-коммуникационное пространство и человек» (К-04.15.15)

18–19 апреля 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
«Преемственность уровней образования: содержание, управление, мониторинг» (К-04.18.15)

20–21 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция
«Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук» (К-04.20.15)

22–23 апреля 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Социально-культурные институты в современном мире» (К-04.22.15)

25–26 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция

«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания» (К-04.25.15)

28–29 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция

«Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия» (К-04.28.15)

2–3 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция

«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования» (К-05.02.15)

5–6 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция

«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке» (К-05.05.15)

10–11 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция

«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире» (К-05.10.15)

13–14 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция

«Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы» (К-05.13.15)

15–16 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция

«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия» (К-05.15.15)

20–21 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция

«Текст. Произведение. Читатель» (К-05.20.15)

22–23 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция

«Реклама в современном мире: история, теория и практика» (К-05.22.15)

25–26 мая 2015 г.

V международная научно-практическая конференция

«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества» (К-05.25.15)

1–2 июня 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция

«Социально-экономические проблемы современного общества» (К-06.01.15)

10–11 сентября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция
«Проблемы современного образования» (К-09.10.15)

15 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Новые подходы в экономике и управлении» (К-09.15.15)

20–21 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы» (К-09.20.15)

25–26 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения» (К-09.25.15)

28–29 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации» (К-09.28.15)

1–2 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»
(К-10.01.15)

5–6 октября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция
«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований» (К-10.05.15)

10–11 октября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
«Актуальные проблемы связей с общественностью» (К-10.10.15)

12–13 октября 2015 г.

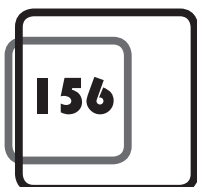
Международная научно-практическая конференция
«Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития» (К-10.12.15)

13–14 октября 2015 г. II международная научно-практическая конференция

«Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях» (К-10.13.15)

15–16 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
«Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия» (К-10.15.15)

25–26 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
**«Социально-экономическое, социально-политическое
и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.15)

1–2 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
**«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы
взаимодействия»** (К-11.01.15)

3–4 ноября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция
**«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы
формирования и совершенствования»** (К-11.03.15)

5–6 ноября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
**«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной
работы»** (К-11.05.15)

15–16 ноября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Проблемы развития личности: многообразие подходов» (К-11.15.15)

20 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция
**«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель
современного образования»** (К-11.20.15)

25 ноября 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция
**«История, языки и культуры славянских народов: от истоков
к будущему»** (К-11.25.15)

1 декабря 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция
**«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных
исследованиях»** (К-12.01.15)

3 декабря 2015 г.

III международная научно-практическая конференция
«Проблемы и перспективы развития экономики и управления»
(К-12.03.15)

5 декабря 2015 г.

II международная научно-практическая конференция
**«Безопасность человека и общества как проблема
социально-гуманитарных наук»** (К-12.05.15)

**Plan of the international conferences organized by Universities
of Russia , Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran,
Kazakhstan, Uzbekistan, Ukraine and the Czech Republic
on the basis of the SPC «Sociosphere-CZ» (Prague) in 2015**

January, 15–16, 2015.

V international scientific conference

**«Informatization of society: socio-economic, socio-cultural
and international aspects» (K-01.15.15)**

January, 17–18, 2015.

III international scientific conference

«Development of the creative potential of a person and society» (K-01.17.15)

January, 25–26, 2015.

V international scientific conference

**«Regional socio-humanitarian researches: history and contemporaneity»
(K-01.25.15)**

January, 27–28, 2015.

II international scientific conference

**«Identity of a personality and a group: psycho-pedagogical
and sociocultural aspects» (K-01.27.15)**

February, 5–6 февраля 2015.

V international scientific conference

«Actual socio-economic problems of development of labor relations» (K-02.05.15)

February, 10–11, 2014.

International scientific conference

**«Pedagogical, psychological and sociological issues of professionalizing
of a personality » (K-02.10.15)**

February, 15–16, 2014.

V international scientific conference

«Psychology of the 21st century: theory, practice, prospect » (K-02.15.15)

February, 16–17, 2014.

V international scientific conference

«Society, culture, personality in modern world» (K-02.05.14)

February, 20–21, 2014.

V international scientific conference

**«Innovations and modern pedagogical technologies in the education
system» (K-02.20.15)**

February, 25–26. 2014.

III international scientific conference

«Ecological education and ecological culture of the population» (K-02.25.15)

March, 1–2, 2014.

III international scientific conference

«Ethnic cultures in social space and time» (K-03.01.15)

March, 3–4, 2015.

II international scientific conference

«Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches» (K-03.03.15)

March 5–6, 2014.

V international scientific conference

«Symbolic and archetypic in culture and social relations» (K-03.05.15)

March, 10–11, 2014.

International scientific conference

«Socio-humanitarian and medical aspects of development of a modern family » (K-03.10.14)

March, 13–14 2015

III international scientific conference

«Current issues of modern socio- political phenomena: theoretical and methodological and applied aspects» (K-03.13.15)

March, 15–16, 2015.

V international scientific conference

«Social and economic development and quality of life: history and modern times» (K-03.13.15)

March, 20–21, 2015.

IV international scientific conference

«Humanization of education and upbringing in the education system: theory and practice» (K-03.20.15)

March, 25–26, 2015.

VI international scientific conference

«Current issues of the theory and practice of philological researches» (K-03.25.15)

March, 27–28, 2015.

III international scientific conference

«Modern infocommunication and remote technologies in the educational space of school and higher education institution» (K-03.27.15)

March, 29–30, 2015

III international scientific conference

«Personal development: psychological basis and social conditions» (K-03.29.15)

April, 1–2, 2015.

International scientific conference

«Building a culture of independent thinking in the educational process »

(K-04.01.15)

April, 5–6, 2015.

V international scientific conference

«Peoples of Eurasia: history, culture and interaction problems»

(K-04.05.15)

April, 7–8, 2015.

International scientific conference

«Migration policy and socio-demographic development of the world»

(K-04.07.15)

April, 10–11, 2015.

V international scientific conference

«Problems and prospects of professional education in the 21st century»

(K-04.10.15)

April, 15–16, 2015.

V international scientific conference

«Informative and communicative space and a person» (K-04.15.15)

April, 18–19, 2015.

II international scientific conference

«Continuity of education levels: contents, management, monitoring»

(K-04.18.15)

April, 20–21, 2014.

International scientific conference

«Human health as an issue of medical and social sciences and humanities» (K-04.20.14)

April, 22–23, 2015.

III international scientific conference

«Social and cultural institutions in the modern world » (K-04.22.15)

April, 25–26, 2015.

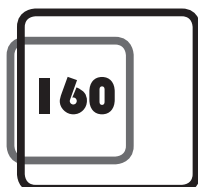
V international scientific conference

«The childhood, adolescence and youth in a context of scientific knowledge» (K-04.25.15)

April, 28–29, 2015.

International scientific conference

«Culture, civilization and society: a paradigm of research and trends in interaction» (K-04.28.15)

May, 2–3, 2015.

III international scientific conference

«Modern technologies in system of additional and professional education»
(K-05.02.15)

May, 5–6, 2014.

VI international scientific conference

«The theory and practice of gender researches in world science»
(K-05.05.15)

May, 10–11, 2014.

III international scientific conference

«Risks and safety in rapidly changing world» (K-05.10.15)

May, 13–14, 2015.

II international scientific conference

«The culture of tolerance in a context of globalization: methodology of research, reality and prospect» (K-05.13.15)

May, 15–16, 2015.

VI international scientific conference

«Psycho-pedagogical problems of a personality and social interaction»
(K-05.15.15)

May, 20–21, 2015.

III international scientific conference

«Text. Literary work. Reader» (K-05.20.15)

May, 22–23, 2015.

II international scientific conference

«Advertizing in the modern world: history, theory and practice»
(K-05.22.15)

May, 25–26, 2015.

V international scientific conference

«Innovative processes in economic, social and spiritual spheres of life of society» (K-05.25.15)

June, 1–2, 2015.

IV international scientific conference

«Social and economic problems of modern society» (K-06.01.15)

September, 10–11, 2015.

VI international scientific conference

«Problems of modern education» (K-09.10.15)

September, 15–16, 2015.

V international scientific conference

«New approaches in economy and management» (K-09.15.15)

September, 20–21, 2015.

V international scientific conference

«Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects» (K-09.20.15)

September, 25–26, 2015.

III international scientific conference

«Problems of formation of a professional : theoretical analysis principles and practical solutions» (K-09. 25.15)

September, 28–29, 2015.

III international scientific conference

«Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization» (K-09.28.15)

October, 1–2, 2014.

V international scientific conference

«Foreign language in the system of secondary and higher education» (K-10.01.15)

October, 5–6, 2014

VI international scientific conference

«Family in a context of pedagogical, psychological and sociological researches» (K-10.05.15)

October, 10–11, 2014.

II international scientific conference

«Current issues of public relations» (K-10.10.15)

October, 12–13, 2015.

International scientific conference

«Computerisation of higher education: current situation and development prospects» (K-10.12.15)

October, 13–14, 2015.

III international scientific conference

«Purposes, tasks and values of education in modern conditions» (K-10.13.15)

October, 15–16, 2015.

V international scientific conference

«Personality, society, state, law: problems of correlation and interaction» (K-10.15.15)

October, 25–26, 2015.

V international scientific conference

«Socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions» (K-10.25.15)

November, 1–2, 2015.

V international scientific conference

«Religion – science – society: problems and prospects of interaction» (K-11.01.15)

November, 3–4, 2015.

II international scientific conference

**«Professionalism of a teacher in the information society:
problems of formation and improvement»** (K-11.03.15)

November, 5–6, 2015.

III international scientific conference

«Current issues of social researches and social work» (K-11.05.15)

November, 15–16, 2015.

III international scientific conference

«Problems of development of a personality» (K-11.15.15)

November, 20–21, 2015.

V international scientific conference

«Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education»
(K-11.20.15)

November, 25–26, 2015.

IV international scientific conference

**«History, languages and cultures of the Slavic people: from origins
to the future»** (K-11.25.15)

December, 1–2, 2015.

VI international scientific conference

**«Practice of communicative behavior in social and humanitarian
researches»** (K-12.01.15)

December, 3–4, 2015.

III international scientific conference

«Problems and prospects of development of economy and management»
(K-12.03.15)

December, 5–6, 2014.

II international scientific conference

«Safety of a person and society» (K-12.05.15)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА» И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» (ISSN 2078-7081) публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по **социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы**. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера», а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука.
- В помощь преподавателю.
- В помощь учителю.
- В помощь соискателю.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Оплата должна быть произведена только после принятия статьи к публикации до 20 февраля, 20 мая, 20 августа и 20 ноября, соответственно для каждого номера.

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия

Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск); **Антипов Михаил Александрович**, кандидат философских наук, доцент; **Белолипецкий Владимир Викторович**, кандидат исторических наук, доцент; **Ефимова Диана Валерьевна**, кандидат психологических наук, доцент; **Кушаев Умиджон Рахимович**, кандидат философских наук; **Саратовцева Надежда Валентиновна**, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет

Арабаджийски Николай, PhD., профессор (экономика – София, Болгария), **Берберян Ася Суреновна**, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), **Большакова Алла Юрьевна**, доктор филологических наук, (Москва, Россия), **Волков Сергей Николаевич**, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), **Голандам Араш Карим**, доцент (филология – Решт, Иран), **Гончаров Вадим Николаевич**, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия), **Гринин Леонид Ефимович**, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия), **Исламов Захиджан Махмудович**, доктор филологических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Кашпарова Ева**, PhD. (социология –

Прага, Чехия), **Кондрашин Виктор Викторович**, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия), **Минияров Валерий Максимович**, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия), **Мохначева Марина Петровна**, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **Насимов Мурат Орленбаевич**, кандидат политических наук, (г. Кызылорда, Казахстан), **Сапик Мирослав**, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), **Сердобинцева Елена Николаевна**, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия), **Танцошова Джудита**, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия), **Христова Наталия Цветанова**, PhD., профессор (история – София, Болгария), **Хрусталькова Наталья Александровна**, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия), **Цибак Любош**, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия).

Чешский научный журнал **«Paradigmata poznání»** (Парадигмы познания) ISSN 2336-2642 публикует научные статьи, теоретические обзоры и результаты эмпирических исследований, отзывы на книги, статьи, диссертации, рецензии, отчеты о научных мероприятиях по **социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам**. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Статьи рассматриваются редакционной коллегией и могут быть отклонены. Статьи проверяются на отсутствие плагиата.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на чешском, английском и русском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещают на сайте НИЦ «Социосфера» <http://sociosphere.com>, а также на сайте Электронной научной библиотеки по адресу <http://elibrary.ru>, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Теория и анализ.
- Эмпирические и прикладные исследования.
- Обзоры, рецензии и отзывы.
- Научная жизнь.

Периодичность выпуска – 4 номера в год (февраль, май, август, ноябрь).

Главный редактор – Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент, **заместитель главного редактора – Кушаев Умиджон Рахимович**, кандидат философских наук.

Международная редакционная коллегия

Абдуллаев Равшан Вахидович, доктор экономических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Бойцов Виктор**, DrSc., профессор (информационные системы – Рига, Латвия), **Бушина Филип**, PhD., MBA (экономика – Колин, Чехия), **Вернигора Александр Николаевич**, кандидат биологических наук, доцент (Пенза, Россия), **Девярых Сергей Юрьевич**, кандидат психологических наук, доцент (Витебск, Беларусь), **Замаровский Петер**, RNDr. (естественные науки – Прага, Чехия), **Ивановска Божена**, PhD. (социология – Варшава, Польша), **Кашпарова Ева**, PhD. (социология – Прага, Чехия), **Крейчова Ленка**, PhD. (психология – Прага, Чехия), **Кобец Петр Николаевич**, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия), **Коротаев Андрей Витальевич**, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **Кэмп Марианне**, PhD., доцент,

(история – Вайоминг, США), **Лидяк Ян**, PhD., профессор (международные отношения – Колин, Чехия), **Митюков Николай Витальевич**, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия), **Сапик Мирослав**, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), **Сигмунд Томаш**, PhD. (философия – Прага, Чехия), **Сзуппе Мария**, PhD. (история – Иври-сюр-Сен, Франция), **Танцошова Джудита**, PhD., профессор (экономика – Братислава, Словакия), **Хаджкова Ванда**, DrPaed., доцент (педагогика – Прага, Чехия), **Хайруллина Нурсафа Гафуровна**, доктор социологических наук, профессор (Тюмень, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail **sociosfera@seznam.cz**. Каждая статья должна иметь УДК. Формат страницы A4 (210×297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,27; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 4–25 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид РР-ФИО, например: **РР-Петров И.В.** или **РР-German P.** Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество
Ученая степень, специальность
Ученое звание
Место работы
Должность
Домашний адрес с индексом
Сотовый телефон
E-mail

Согласен с публикацией статьи на сайте «Социосфера» до выхода номера из печати Да/нет

Стоимость публикации составляет **250 рублей** за 1 страницу. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчёта 250 руб. за один экземпляр. В случае представления аннотации и ключевых слов на русском языке за перевод их на английский – дополнительная плата **250 рублей**.

Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **РР-Петров И.В.** квитанция или **РР-German P. receipt** и иметь расширение jpg или pdf.

Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации до 20 января, 20 апреля, 20 июля и 20 октября соответственно для каждого из номеров.

Контактный телефон в России +7-8412-21-68-14,

В Чехии +420608343967

Наш сайт: <http://sociosfera.com>

Наш e-mail: sociosfera@seznam.cz

INFORMATION ABOUT THE JOURNALS «SOCIOSPHERE» AND «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Methodological and theoretical journal «Sociosphere» (ISSN 2078-7081) publishes scientific articles and methodological books for lessons and complementary activities at social-humanitarian disciplines for professional and comprehensive schools. Themes of journal cover a wide range of problems. Materials about philosophy, sociology, history, culturology, study of art, philology, psychology, pedagogy, law, economics and other social-humanitarian areas are accepted.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosfera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

- Science.
- In the help to a higher school teacher.
- In the help to a teacher.
- In the help to a competitor.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (March, June, September, December).

The payment is made only after receiving the notification about the acceptance of article for publishing before 20th February, 20th May, 20th August and 20th November, respectively for each issue.

Editor-in-Chief – Boris Doroshin, Candidate of Historical Sciences, assistant professor.

Editorial board

Ilona G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (responsible for release), **Michail A. Antipov**, Candidate of Philosophical Sciences,

assistant professor, **Vladimar V. Belolipectiy**, Candidate of Historical Sciences, assistant professor, **Diana V. Efimova**, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor, **Umidjon R. Kushaev**, Candidate of Philosophical Sciences, **Nadezhda V. Saratovceva**, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor.

International editorial council

Nikolay Arabadzhiiski, Ph.D, professor (Economics – Sofia, Bulgaria); **Alla Yu. Bolshakova**, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia); **Asya S. Berberyan**, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia); **Sergey N. Volkov**, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia); **Arash K. Golandam**, assistant professor (Philology – Rasht, Iran); **Vadim N. Goncharov**, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia); **Leonid E. Grinin**, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia); **Zahidzhan M. Islamov**, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan); **Eva Kashparova**, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic); **Natalia. Ts. Khristova**, Ph.D, professor (History – Soffi a, Bulgaria); **Viktor V. Kondrashin**, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia); **Valeriy M. Miniyarov**, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia); **Marina P. Mokhnacheva**, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia); **Murat O. Nasimov**, Candidate of Political Sciences (Kyzylorda, Kazakhstan); **Miroslav Sapik**, Ph.D, assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic); **Elena N. Serdobintseva**, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia); **Judita Tancoshova**, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia); **Natalia A. Hrustalkova**, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia); **Lubosh Cibak**, Ph.D, MBA (Economics – Bratislava, Slovakia).

Science journal «Paradigmata poznání» (ISSN 2336-2642) publishes research papers, theoretical surveys and results of empirical studies, reviews for books, articles, dissertations, reviews, reports about scientific events at social-humanitarian, technical and natural-scientific disciplines. Themes of journal cover a wide range of problems. Articles are considered by the editorial board and may be rejected. Articles are checked for plagiarism.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru>, it will give our authors the opportunity to raise their index of quotation. The index of quotation is accepted in scientific world measure of paper «significance» of some scientist. The size of index is defined by the quantity of links on this paper (or surname) in other sources. In world practice the index of quotation is not only advisable, but it's the necessary criteria to evaluate the professional level of professors and teaching personnel.

The content of journal has following parts:

- Theory and analyses.
- Empirical and applied studies.
- Surveys, reviews and comments.
- Science life.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (February, May, August, November).

Editor-in-Chief – **Ilona G. Doroshina**, candidate of psychological sciences, assistant professor; **Deputy Editor-in-Chief** – **Umidjon R. Kushaev**, PhD. (philosophy).

International editorial board

Ravshan V. Abdullayev, doctor of economic sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), **Victor Boicov**, DrSc., professor (Information Systems – Riga, Latvia), **Phillip Bushina**, Ph.D., MBA (Economics – Colin, Czech Republic), **Aleksandr N. Vernigora**, candidate of biological sciences, assistant professor (Penza, Russia), **Sergey Yu. Devyatych**, candidate of psychological sciences, assistant professor (Vitebsk, Belarus), **Bozhena Ivanovska**, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland), **Vanda Hajkova**, DrPaed., assistant professor (Education – Prague, Czech Republic), **Eva Kashparova**, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), **Nursafa G. Khayrullina**, doctor of sociological sciences, professor (Tyumen, Russia), **Lenka Krejcova**, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic), **Petr N. Kobets**, doctor of law, professor (Moscow, Russia), **Andrey V. Korotayev**, doctor of history, professor (Moscow, Russia), **Marianne Kamp**, Ph.D, assistant professor (History – Wyoming, USA), **Jan Lidiyak**, Ph.D. professor (Political science – Colin, Czech Republic), **Nikolay V. Mityukov**, doctor of technical sciences, professor (Izhevsk, Russia), **Miroslav Sapik**, Ph.D. assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), **Tomash Sigmund**, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic), **Mariya Szuppe**, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France), **Judita Tancoshova**, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), **Peter Zamarovsky**, RNDr. (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Guidelines for publications

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosphaera@yandex.ru. Page format: A4 (210×297 mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (3–4 sentences) and a list of key words in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–25 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: **PP-German P**. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example **PP-German P receipt**.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Informathion about the authors

Family name, first name

Title, specialization

Place of employment

Position

Contact address (with postal code)

Mobile phone number

E-mail

I agree to publish the article on «Sociosphere» website before the journal come out in print **Yes/No**

The publication fee is **5 € per page**. Participants will receive one copy of the Conference Proceedings per article. In case of co-authorship, additional copies can be bought for **5 €** per copy. In case of submitting an abstract and key words in Russian, translation into English will cost extra 4 €.

The payment is made only after receiving the notification about the acceptance of article for publishing before 20th January, 20th April, 20th July and 20th October, respectively for each issue.

Telephone +78412216814 (in Russia), +420608343967 (in Czech Republic)

Director of the SPC «Sociosphere» – Ilona G. Doroshina

Editor-in-Chief – Boris A. Doroshin

Our site <http://sociosphera.com>

Our e-mails: sociosphere@yandex.ru, sociosfera@seznam.cz

**Образец оформления статьи для журналов «Социосфера»
и «Paradigmata poznání»**

**Sample of articles for journals «Sociosphere»
and «Paradigmata poznání»**

УДК 908(470)

Культура г. Семиреченска в XIX веке

И. И. Иванов, кандидат исторических наук, доцент,

В. В. Петров, аспирант

Семиреченский институт экономики и права,

г. Семиреченск, N-ский край, Россия

Culture in Semirechensk in the XIX century

I. I. Ivanov, candidate of historical sciences, assistant professor;

V. V. Petrov, postgraduate student

Semirechensk Institute of Economics and Law,

Semirechensk, N-sk region, Russia

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Keywords: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. Некоторую часть из них

включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8].

Библиографический список

1. К юбилею Семиреченска // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95. – С. 5–8.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ ACTA HUMANITAS

INFORMATION ABOUT THE JOURNAL

«ACTA HUMANITAS»

Научно-теоретический и методологический журнал «Acta Humanitas» публикует статьи и результаты систематического изучения социальных и общественных наук. Предмет журнала охватывает широкий круг проблем. Принимаются материалы, касающиеся политической культуры, сравнения политических систем, истории, политологии, текущих политических вопросов, философии, социологии, антропологии, этики, религиоведения, психологии и других социальных и общественных наук. Журнал открыт для чешских и зарубежных авторов и принимает к публикации материалы на чешском и английском языках. Аннотации докладов, публикуемых в журнале «Acta Humanitas» представлены на сайте ARC – Высшая школа политических и социальных наук в Колине – <http://www.vspsv.cz>.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- результаты научных исследований,
- тематические сообщения,
- рецензии,
- отчеты конференций и других научных мероприятий.

Объем журнала 70–120 страниц.

Периодичность выпусков – два раза в год (июнь и декабрь).

Главный редактор – Мирослав Сапик, доктор философских наук, доцент.

Технический редактор – Йиржи Славичек, магистр.

Редакционная коллегия: Джон Лидяк (Колин, Чехия), Владимир Срб (Колин, Чехия), Кирилл Дятка (Нитра, Словакия), Илона Дорошина (Пенза, Россия), Роман Кралик (Нитра, Словакия), Йозеф Лисий (Братислава, Словакия), Мирослав Сапик (Колин, Чехия – председатель редакционного совета).

Требования к оформлению материалов

Тексты в электронном виде направлять по электронной почте по адресу: sapik@vspsv.cz. Формат страницы A4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, стиль – обычный, выравнивание по ширине. Название пишется жирным шрифтом, выравнивание по центру. На следующей строке пишутся имя и фамилия, выравнивание по центру. Следующая строка резюме (не менее 5 предложений) на чешском или английском языках, далее ключевые слова – по-чешски или по-английски (как минимум 5 ключевых слов). После пропущенной строки следует текст статьи. Объем текста 5–10 страниц. Библиографические ссылки оформляются в виде подстраничных сносок. Картинки, диаграммы, таблицы вставляются в текст и должна быть частью текста. В статье необходимы заключение и список литературы. Текст должен быть написан в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 и более поздних версий. Текст должен быть отредактирован. Статьи рецензируются, при наличии недостатков текст возвращается автору на доработку. Редакция вправе отказать автору в публикации материала, имеющего низкую научную значимость или оформленного несоответствующим образом. Статьи публикуются бесплатно.

Образец оформления статьи

Pražská radniční koalice ODS + ČSSD po komunálních volbách 2010 v kontextu teorie koalic: výsledné pozice, vyjednávací síla stran a racionalita aktérů*Jiří Kohoutek*

Abstract: The article analyses the creation of the coalition of ODS and ČSSD in Prague after the municipal elections 2010 within the coalition theory context. It uses the office-seeking approach, showing the different coalition prospects for each of the successful parties in the elections. To analyze the bargaining power of the different parties, the so called Gamson Law is used, as other power indices showed ineffective in this research situation. Also the concept of rationality (in maximizing profit) is used to analyze the behaviour of the two parties that formed the coalition. The two players seemed to have shown rational behaviour and maximize their profits.

Key words: Prague, municipal elections 2010, coalition theory, office-seeking approach, bargaining power, rationality.

Předkládaná studie chce přispět k doplnění práce českých politických vědců, kteří se otázkami komunální politiky zabývají jako obecným politologickým tématem logicky se specifitějším tématům nevěnují. Patří mezi ně zejména S. Balík¹, P. Jüptner² a J. Čmejrek³....

Информация об авторе (в конце статьи)

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, научное звание

Место работы с указанием адреса

E-mail

Адрес электронной почты: **sapik@vspv.cz**.

¹ Balík, S.: Modely exekutivních koalic na komunální úrovni. In: Dančák, B. – Fiala, P. – Hloušek, V.: *Europeizace. Nové téma politologického výzkumu*. Brno: Mezinárodní politologický ústav, 2005. Balík, S.: *Radniční koalice po komunálních volbách 2006*. Středoevropské politické studie X, 1, s. 17–33, Brno: Mezinárodní politologický ústav MU, 2005. Balík, S.: *Česká komunální politika v obcích s rozšířenou působností. Koalice, voličské vzorce a politické strany na místní úrovni v letech 1994–2006*. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2008.

² Jüptner, P.: *Komunální koalice a politické modely*. In: Politologická revue X(2), 81–101. Praha, ČSPV: 2004. Jüptner, P.: Local lists in the Czech Republic. In: Reiser, M., Holtmann, E. (eds.): *Farewell to the Party Model? Independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag, 2008. Jüptner, P.: Komunální politika v České republice a role politických aktérů na lokální úrovni. In: Fiala, V., Říchová, B. (eds.): *Úloha politických aktérů v procesu decentralizace evropských zemí. Sborník z konference konané v Olomouci 9. 12. 2002*, s. 103–112. Olomouc: Moneta-FM, 2003.

³ Čmejrek, J.: *Obce a regiony jako politický prostor*. Praha: Alfa Nakladatelství, 2008. Čmejrek, J. a kol.: *Participace občanů na veřejném životě venkovských obcí ČR*, Praha: Kernberg Publishing, 2009. Čmejrek, J. – Bubeníček, V. – Čopík, J.: *Demokracie v lokálním politickém prostoru. Specifika politického života v obcích ČR*. Praha: Grada, 2010.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии

(в выходных данных издания будет значиться –

Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»).

или в России

(в выходных данных издания будет значиться –

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *;
- изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу;
- дизайн обложки – 500 рублей;
- печать тиража в типографии – по договоренности;
- данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «Премимум» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals,
- ✓ autoabstracts,
- ✓ dissertations,
- ✓ monographs,
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic.
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities.

- editing and proofreading of the Russian text (correct spelling, punctuation and stylistic errors) – 1,1 € per 1 page*;
- making an artwork – 0,7 € per 1 page;
- cover design – 11,1 €;
- print circulation in typography is by arrangement;
- these types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text,
- production of an artwork,
- cover design,
- printing coloured flexicover,
- printing copies in printing office,
- ISBN assignment,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of the Czech Republic,
- sending books to the author in Russia by the post.

Quantity	Price in € for the number of pages				
	50 pages	100 pages	150 pages	200 pages	250 pages
50 copies	176	267	351	440	533
100 copies	240	349	451	560	667
150 copies	311	451	573	718	849
200 copies	382	556	702	878	1031

* Page size A4 (210 x 297 mm). Margins: left-3 cm, the others – 2 cm; 1.5 spacing; indentation 1.25; size (font size)-14; type-Times New Roman.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a společenských věd

Paradigmata poznání

Interdisciplinární vědecký časopis

№ 4, 2014

Šéfredaktorka – Ilona G. Dorošina
Zástupce šéfredaktora – Umidjon R. Kušaeu

*Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.*

*Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.*

Redaktorka – V. A. Dorošina
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 26.11.2014. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 20,12.
100 kopií.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz